

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

МА МЭНЦЮ

**РЕЦЕПЦИЯ ТЕОРИИ ПОЛИФОНИЧЕСКОГО РОМАНА М.М. БАХТИНА В
РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)**

Специальность 5.9.1. – Русская литература

и литературы народов Российской Федерации

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель:

Доктор филологических наук

А.Б. Криницын

Москва 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Обзор теории полифонического романа М.М. Бахтина (на материале творчества Ф.М. Достоевского)	18
1.1. Краткое содержание «Проблем поэтики Достоевского»	18
1.2. Эволюция полифонизма в творчестве Ф.М. Достоевского	22
Выводы по 1 главе.....	30
Глава 2. Рецепция теории полифонического романа М.М. Бахтина в русском литературоведении (на материале творчества Ф.М. Достоевского)	32
2.1. Первый этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в русском литературоведении: с 1929 г. до середины 1950-х гг.....	32
2.2. Второй этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в русском литературоведении: с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг.....	35
2.3. Третий этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в русском литературоведении: в 1990-2010-е гг.....	40
2.3.1. Попытка русских исследователей найти истоки бахтинской трактовки романа Ф.М. Достоевского в русской религиозной философии	40
2.3.2. Споры современных русских исследователей о принципиальном равноправии смысловых позиций автора и героев в романах Ф.М. Достоевского	43
2.3.3. Синтез философского и филологического методов в интерпретации М.М. Бахтиным романов Ф.М. Достоевского	47
2.3.4. Издательские проекты, посвященные М.М. Бахтину	49
2.4. Четвертый этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина: русское литературоведение последнего десятилетия	56
Выводы по 2 главе.....	61

Глава 3. Рецепция теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском литературоведении (на материале творчества Ф.М. Достоевского)	63
3.1. 1980-е годы как первый этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском литературоведении.....	63
3.1.1. Первое знакомство китайских исследователей с М.М. Бахтиным как с исследователем творчества Ф.М. Достоевского	63
3.1.2. Восприятие М.М. Бахтина как создателя теории полифонического романа ..	65
3.1.3. Дискуссия о самостоятельности героя произведения Ф.М. Достоевского в китайской критике	69
3.1.4. Полифонический роман Ф.М. Достоевского в культурной парадигме «реализм – модернизм»	72
3.2. 1990-е годы как второй этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском литературоведении.....	75
3.2.1. Восприятие теории полифонического романа М.М. Бахтина в аспекте нарратологии	75
3.2.2. Восприятие китайскими исследованиями формы времени и хронотопа в полифонических романах Ф.М. Достоевского.....	79
3.2.3. М.М. Бахтин и формальная школа.....	83
3.3. Третий этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском литературоведении с 2000-х гг. до наших дней.....	85
3.3.1. Соотнесение между анализом поэтики Ф.М. Достоевского у М.М. Бахтина и культурно-философскими идеями учёного	85
3.3.2. Изучение связи идей М.М. Бахтина с контекстом русской религиозной традиции	89
3.3.3. Попытка китайских исследователей найти полифонию у китайских писателей	94
3.3.3.1. Изучение полифонии в произведениях китайской классической,	

реалистической и модернистской литературы.....	94
3.3.3.2. Распространение китайскими исследователями теории полифонии М.М. Бахтина на драматургию	99
Выводы по 3 главе.....	105
Глава 4. Сопоставление рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском и русском литературоведении (на материале творчества Ф.М. Достоевского).....	108
4.1. Процесс первого осмысления теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском и советском литературоведении	108
4.2. Изменение фокуса внимания китайских и русских исследователей на разных этапах восприятия теории полифонического романа М.М. Бахтина	110
4.2.1. Осмысление русскими и китайскими исследователями роли автора в полифоническом романе Ф.М. Достоевского	110
4.2.2. Использование бахтинской теории полифонии для анализа литературного наследия XX-XXI вв.	113
4.2.3. Контекстуальное измерение концепции диалога М.М. Бахтина	120
4.2.3.1. М.М. Бахтин и культурология	123
4.2.3.2. М.М. Бахтин и экзистенциализм.....	125
4.2.3.3. М.М. Бахтин и постструктурализм.....	127
Выводы по 4 главе.....	128
Заключение.....	130
Библиография	134
Приложение	154

Введение

Теория полифонического романа М.М. Бахтина относится к одной из самых известных литературоведческих теорий XX века. Она уже более 90 лет привлекает внимание исследователей из разных стран мира. Понятие «полифония» у Бахтина связано с выявлением нового романного жанра и нового типа художественного мышления. В Китае восприятие теории полифонического романа Бахтина начало распространяться гораздо позже, чем в России и на западе, – только с начала 1980-х. Но по мере углубленного изучения научного наследия Бахтина он уже стал одним из самых популярных зарубежных философов и теоретиков литературы в Китае. На данный момент в России и Китае опубликовано большое количество работ, посвящённых изучению теории полифонии Бахтина. Обширные и плодотворные контакты между учеными двух стран способствуют углублению понимания полифонической теории Бахтина, а также прогрессу в изучении творчества Достоевского.

Актуальность исследования определяется, с одной стороны, тем, что в настоящее время отсутствуют работы, посвящённые сопоставительному исследованию рецепции полифонической теории Бахтина (на материале творчества Достоевского) в китайском и русском литературоведении. С другой стороны, в данной диссертации мы обращаемся к т.н. «полифонической форме романа» – одному из самых разработанных аспектов в филологическом наследии Бахтина. Изучение рецепции полифонической теории в русском и китайском литературоведении имеет важное значение для понимания общего состояния русского и китайского бахтиноведения и достоевсковедения.

Предметом исследования являются интерпретации, анализ и оценки теории полифонического романа Бахтина (на материале творчества Достоевского) в русском и китайском литературоведении и обусловившие их рецептивные установки.

Объектом исследования стала история изучения романов Достоевского в свете теории полифонического романа, сам процесс восприятия, осмысления, развития теории Бахтина в русском и китайском литературоведении, а также использование данной теории в практике изучения творчества Достоевского и других писателей.

Использованные в диссертации источники можно разделить на несколько блоков. Это, во-первых, произведения самого Достоевского. Во-вторых, труды Бахтина, в частности, его знаменитая книга «Проблемы поэтики Достоевского». В-третьих, работы русских и китайских исследователей, посвященные вопросам рецепции теории полифонического романа Бахтина в России и Китае: Н.Д. Тамарченко, К.Г. Исупова, В.Л. Махлина, О.Е. Осовского, Н.М. Долгоруковой, Цзэн Цзюна, Чжоу Цичао, Чжан Цзе, Сяо Хэ, Ли Пиня и др. В-четвертых, многочисленные монографии, научные статьи, обзоры, рецензии, диссертации, имеющие отношение к изучению теории полифонического романа Бахтина: В.В. Кожина, С.Г. Бочарова, Г.М. Фридлендера, Д.С. Лихачева, М.Л. Гаспарова, Н.Д. Тамарченко, К.А. Степаняна, И.А. Есаулова, О.Е. Осовского, Н.К. Бонецкой, Л.А. Гоготишвили, Р.Г. Назирова, В.Б. Шкловского, Ся Чжунъи, Цянь Чжунвэня, Сун Дату, Чжан Цзе, Хуан Мэй, Дун Сяоин, Сяо Хэ, Чэн Цзиньхай, Чэн Чжэнминя, Чжан Синь, Сяо Цзиньюй, Лю Кана, Ван Чжигэна, Цзи Минцзюй и др.

Степень разработанности темы исследования (русское литературоведение)

Оценивая состояние исследования рецепции Бахтина в России и Китае, мы можем заметить, что немало исследователей посвятило работы изучению рецепции научного наследия Бахтина в целом, но работы, посвященные изучению рецепции теории полифонического романа Бахтина, почти отсутствуют.

В русском литературоведении рецепцию научного наследия Бахтина изучали Н.Д. Тамарченко, К.Г. Исупов, В.Л. Махлин, О.Е. Осовский, Н.М. Долгорукова и

др.

Нельзя обойти вниманием двухтомную антологию «М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли»¹, составленную К.Г. Исуповым и посвященную масштабной панораме освоения научного наследия Бахтина. В антологию вошли тексты исследователей Достоевского, отражающие полемику вокруг бахтинских понятий «полифонии» и «диалога».

Критическая антология В.Л. Махлина «Михаил Михайлович Бахтин»² включает в себя самые заметные тексты русского и зарубежного бахтиноведения 1960-х – начала 2000-х годов и позволяет проследить историю рецепции идей Бахтина в России и за рубежом во второй половине XX века.

Обобщающим итогом рецепции наследия Бахтина также можно назвать сборник «М.М. Бахтин в зеркале критики»³, составленный Т.Г. Юрченко.

Некоторые исследователи изучали рецепцию научного наследия Бахтина в более узком временном периоде (Осовский, 1997⁴; Осовский, 2021⁵; Горбунова, 2017⁶; Тamarченко, 2005⁷; Тamarченко, 2011⁸; Долгорукова, 2017⁹).

¹ Исупов К.Г. (сост.) М.М. Бахтин: Pro et Contra. Том 1. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2001. 552 с.; Исупов К.Г. (сост.) М.М. Бахтин: Pro et Contra. Том II. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 2002. 712 с.

² Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л. Махлина. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2010. 440 с.

³ М.М. Бахтин в зеркале критики: сборник / отв. ред. и сост. Т. Г. Юрченко. Москва: ИНИОН, 1995. 191 с.

⁴ Осовский О.Е. Книга М. М. Бахтина о Достоевском в восприятии советской критики 1929-1930 годов // Бахтинский сборник. Вып. 3. М.: Лабиринт, 1997. С. 86-110.

⁵ Осовский О.Е. Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир – рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996-2020 годов // Научный диалог 2021. № 7. С. 227-265.

⁶ Горбунова М.Ю., Короткова Е.Г., Куряев И.Р., Паршина И.Ю., Ромашова Н.Ю., Самойленко В.А., Старцев Д.И. Вопросы бахтинского наследия в российской гуманитаристике в 2010-х гг. // E-Scio. 2017. № 5 (8). С. 57-81.

⁷ Тamarченко Н.Д. Наследие Бахтина сегодня // Новый филологический вестник. 2005. № 1. С. 170-173.

⁸ Тamarченко Н.Д. Поэтика Бахтина и современная рецепция его творчества // Вопросы

При анализе рецепции научного наследия Бахтина почти все исследователи неизбежно упоминают книгу «Проблемы поэтики Достоевского», ведь Бахтин в раннем периоде своего творчества выступает прежде всего как автор новаторского исследования о Достоевском. Поэтому в вышеупомянутых работах мы также можем проследить динамику восприятия Достоевского в России.

Степень разработанности темы исследования (китайское литературоведение)

В китайском литературоведении рецепцию научного наследия Бахтина изучали Цзэн Цзюн, Чжоу Цичао, Чжан Цзе, Сяо Хэ, Ли Пинь и др. Важными монографиями при изучении состояния рецепции идей Бахтина в Китае являются книга «Рецептивная полифония: История рецепции Бахтина в Китае» и первый том книжной серии «Наследие М.М. Бахтина в межкультурном аспекте» – «Китайские ученые о Бахтине».

В первой из вышеупомянутых книг китайский исследователь Цзэн Цзюн чётко воспроизводит общую картину рецепции идей Бахтина в Китае¹⁰. Он наблюдает переплетение разнородных взглядов, выявляет неверную интерпретацию и модификацию идей Бахтина, анализирует причины видоизменений и изучает значимость полученной интерпретации, а также предпринимает попытку ответить на вопрос, как справиться с сильным влиянием Запада на трансформацию современного китайского литературного дискурса.

В 2009 году всекитайское общество по изучению научного наследия Бахтина приступило к составлению антологии «Наследие М.М. Бахтина в межкультурном

литературы. 2011. № 1. С. 291-340.

⁹ Долгорукова Н.М. Стратегии рецепции М.М. Бахтина в СССР. К постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2017. № 1(40). С. 20-34.

¹⁰ 曾军. 接受的复调: 中国巴赫金接受史研究. 桂林: 广西师范大学出版社. 2004. 共 254 页. (Цзэн Цзюн. Рецептивная полифония: История рецепции Бахтина в Китае. Гуйлинь: Гуансийский пед. ун-т, 2004. 254 с.)

аспекте»¹¹. В первом томе антологии («Китайские ученые о Бахтине») представлены основные достижения по изучению Бахтина в Китае за 40 лет, что открывает простор для продолжения дискуссии и развития новых идей в бахтиноведении.

Кроме научных монографий, вопросам рецепции научного наследия Бахтина в Китае посвящены специальные статьи (Цзэн Цзюнь, 2017¹²; Чжоу Цичао, 2010¹³; Ли Бинь, 1998¹⁴; Сяохэ, 1998¹⁵).

Изначально Бахтин получил известность в Китае как автор книги «Проблемы поэтики Достоевского», что сформировало в глазах китайцев образ учёного как исследователя Достоевского. Впоследствии Бахтин был принят как эстетик, культуролог и философ. Поэтому почти все китайские исследователи при анализе рецепции идей Бахтина отмечают возрождение и развитие исследований Достоевского с 1980-х гг. в Китае, а также роль Бахтина в этом процессе.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней рассмотрены различные

¹¹ 周启超. 跨文化视界中的巴赫金. 南京: 南京大学出版社. 2014. (Наследие М.М. Бахтина в межкультурном аспекте. В 5 тт. («Китайские ученые о Бахтине», «Русские ученые о Бахтине», «Европейские и американские ученые о Бахтине», «Бахтин в диалоге», «Бахтин в глазах современных ученых») Под ред. Чжоу Цичао и Ван Цзяпина. Нанкин: Нанкинский ун-т, 2014.)

¹² 曾军. 新世纪以来中国巴赫金研究的现状及其问题. 人文杂志. 2017. 第 2 期. 69-78 页. (Цзэн Цзюнь. Состояние китайского бахтиноведения и его проблемы в новом веке // Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 69-78.)

¹³ 周启超. “复调”、“对话”、“狂欢化”之后与之外 — 当代中国学界巴赫金研究的新进展. 北京第二外国语学院学报. 2010. 第 4 期. 1-10 页. (Чжоу Цичао. После и помимо понятий «полифония», «диалог», «карнавализация». Изучение Бахтина в современном Китае // Второго пекинского института иностранных языков. 2010. № 4. С. 1-10.)

¹⁴ 李斌. 国内巴赫金研究述评. 文艺理论研究. 1998. 第 4 期. 92-96 页. (Ли Бинь. Обзор отечественного бахтиноведения // Исследование по теории литературы. 1998. № 4. С. 92-96.)

¹⁵ 晓河. 巴赫金研究在中国. 文艺理论与批评. 1998. 第 6 期. 122-126 页. (Сяохэ. Изучение Бахтина в Китае // Литературная теория и критика. 1998. № 6. С. 122-126.)

трактовки теории полифонического романа Бахтина на материале прозы Достоевского и обнаружены случаи некорректного понимания и использования бахтинской теории в современном китайском литературоведении. Главы, посвящённые изучению рецепции теории полифонического романа в китайском и русском литературоведении, разделены на смысловые блоки, что позволяет следить за развитием критической мысли.

Цель нашей работы заключается в том, чтобы дать представление о поэтапном освоении полифонической теории Бахтина (на материале прозы Достоевского) в русском и китайском литературоведении, сопоставить состояние восприятия теории полифонического романа в русском и китайском литературоведении.

В связи с поставленной целью были определены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть работы китайских исследователей, посвящённые изучению теории полифонического романа Бахтина, проследить основные тенденции в восприятии китайским литературоведением теории полифонического романа Бахтина и выявить влияние теории полифонии Бахтина на активизацию исследований творчества Достоевского в Китае.

2. Рассмотреть работы русских исследователей, посвящённые изучению теории полифонического романа Бахтина, выявить эволюцию восприятия в России этой теории на нескольких выделяемых нами этапах и показать значимость столкновения и переплетения большого количества разных мнений, произошедшее в процессе интерпретации полифонической теории, для углубления изучения творчества Достоевского в России.

3. Сопоставить различные мнения русских и китайских исследователей о главном тезисе Бахтина – принципе равноправия автора и героя в романах Достоевского.

4. Сопоставить произведения Достоевского и позднейших русских

и китайских писателей (В.В. Набокова, А.И. Солженицына, Лу Синя, Мо Яня), творчеству которых, по мнению исследователей, присущ полифонизм.

Теоретико-методологические основы исследования. Методология исследования базируется прежде всего на принципах рецептивной эстетики (Х.Р. Яусс, В. Изер, Поль де Ман, Робер Эскарпи и др.) и бахтинской теории текста. Х.Р. Яусс подчеркивает роль читателя, утверждая, что смысл литературного произведения не задается автором и не заключается в самом произведении, сам читатель порождает этот смысл в процессе чтения¹⁶. Однако это не означает, что читатель полностью свободен в своих интерпретациях: его понимание осуществляется всегда в определенной исторической ситуации. Поэтому Яусс вводит понятие «горизонт ожидания». Рецептивная теория В. Изера также имеет важное значение для нашего исследования. По мнению Изера, литературное произведение состоит из двух «полюсов»: художественного и эстетического. Первый полюс относится к тексту, созданному автором, второй – к тому, как читатель конкретизирует текст¹⁷. Два центральных момента теории Изера – концепция «подразумеваемого читателя» и повествовательные «пробелы». Изер полагает, что чтение – это процесс воссоздания эстетического объекта и смысла текста. Такое воссоздание Изер называет «открытием». Поэтому история литературы – это история «открытий». Представитель американской школы деконструкции Поль де Ман выдвигает теорию ошибочного чтения¹⁸. По его мнению, любое прочтение становится неверным толкованием. Робер Эскарпи, развивая теорию Поля де Мана, выдвигает концепцию «творческой измены», считая ее ключом к пониманию литературы¹⁹. Согласно Бахтину, «смысловые

¹⁶ *Jauss H.R.* Toward an aesthetic of reception. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1982. 231 p.

¹⁷ *Iser W.* The act of reading, a theory of aesthetic response. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1978. 239 p.

¹⁸ *Bloom H., de Man P., Derrida J., Hartman G.H., Miller J.H.* Deconstruction and criticism. New York: Seabury Press, 1979. 256 p.

¹⁹ *Escarpit R.* Sociology of literature. London, Cass, 1971. 104 p.

явления могут существовать в скрытом виде, потенциально и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох»²⁰. В разных контекстах текст занимает различные места, соответственно, в нем актуализируются разные стороны, аспекты, структуры. Поэтому однозначной оценки текста нет и не может быть. Методологические положения рецептивной эстетики (Х.Р. Яусс, В. Изер, Поль де Ман, Робер Эскарпи и др.) и бахтинской теории текста позволяют изучить особенности рецепции теории полифонического романа в разные исторические периоды в России и Китае и анализировать причины неправильных трактовок теории полифонического романа Бахтина.

Нами используются также историко-функциональный, сравнительно-исторический, культурологический методы как соответствующие поставленной в работе цели.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования можно использовать в вузовской практике при изучении как поэтики Достоевского, так и русской и китайской литературы, философии и культурологии.

Теоретическая значимость работы состоит в возможности сопоставить методы исследования прозы Достоевского в русском и китайском литературоведении и создать единую методологическую базу в целях обогащения российской и китайской национальной науки и культуры; в дальнейших уточнении и разработке важнейших положений и терминологии теории полифонизма М.М. Бахтина; в адаптации данной теории к современной стадии научно-исследовательского процесса.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Процесс восприятия теории полифонического романа Бахтина в

²⁰ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 351.

русском литературоведении можно разделить на 4 этапа: первый этап длился с 1929 года до середины 1950-х годов, второй этап – с середины 1950-х годов до конца 1980-х годов, третий этап открывается с 90-х годов XX века в постсоветском литературоведении и продолжается до 2010 года, четвертый этап протекает в настоящее время.

2. При рецепции теории полифонического романа Бахтина самые горячие дискуссии русских исследователей идут вокруг а) вопроса самостоятельности голосов героев; б) позиции автора в полифонии Достоевского; в) методологического подхода Бахтина к интерпретации произведений писателя. Большинство русских исследователей выступают против суждения Бахтина о редуцированности роли автора у Достоевского.

3. В последнее десятилетие XX века в русском достоевковедении наблюдается смена методологической парадигмы: возобладал культурологический подход, с изучением национально-религиозных корней творчества Достоевского, с акцентом на его православный контекст. В то же время делаются попытки найти истоки бахтинской интерпретации Достоевского в русской религиозной философии, что открывает новые перспективы в бахтиноведении.

4. Освоение теории полифонического романа в китайском литературоведении приблизительно делится на три этапа. 1980-е годы можно рассматривать как первый этап рецепции; 1990-е годы – второй этап; третий этап начинается с 2000-х гг. и продолжается до наших дней.

5. В Китае концепция полифонии Бахтина была воспринята менее критично, чем в России, – как наиболее убедительный метод интерпретации произведений Достоевского. Со второй половины 1980-х гг. в Китае появился ряд работ, авторы которых разделяют бахтинское мнение о равноправии автора и героев в романах Достоевского (например, в работах Цянь Чжунвэня). С ростом популярности структурной поэтики в Китае исследователи начали трактовать отношения между автором и героем в аспекте нарратологии. С 2000-х гг. вопрос

об авторской позиции в полифонических романах Достоевского часто рассматривается с точки зрения ранних бахтинских работ, где разрабатывались понятия «Я» и «Другой», отношения между которыми могут рассматриваться как эквивалент отношений между автором и героем в полифонических романах Достоевского.

6. С наступлением XXI века китайские исследователи заинтересовались связями идей Бахтина с русской религиозной традицией, в частности с идеей соборности. Отображение соборности также находят как в поэтике, так и в идеях Достоевского. Появились работы, трактующие *карнавал* как русский культурный феномен, нашедший воплощение как в поэтике Достоевского, так и в рефлексии по ее поводу у Бахтина.

7. В последние десятилетия русские и китайские исследователи активно используют бахтинскую концепцию полифонии для анализа самых различных литературных произведений. Они уделяют особое внимание творчеству таких писателей, как В.В. Набоков, А.И. Солженицын, Лу Синь, Мо Янь, сопоставляя их по полифонизму с Достоевским.

Достоверность результатов проведенных исследований подтверждается участием автора в публикациях и докладах, подготовленных для участия в научных конференциях. Основные результаты исследования были изложены на 2 научных конференциях в 2022 г., опубликованы в 5 научных статьях. Они подтверждаются достаточным количеством наблюдений, современными методами исследования, которые соответствуют цели работы и поставленным задачам.

Апробация работы. Тема диссертации была утверждена на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Основные положения и результаты диссертации получили отражение в докладах, сделанных на XXXVII Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность» (2022), на Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых

«Ломоносов-2022».

Результаты исследования отражены в пяти статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1) *Ma Mэнцю*. М.М. Бахтин как носитель русской традиции: современное восприятие идей Бахтина в Китае // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 359-370. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,319.

2) *Ma Mэнцю*. Возможности применения теории полифонии М.М. Бахтина к анализу драматических произведений // *Litera*. 2022. № 10. С. 156-166. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,202.

3) *Ma Mэнцю*. Китайская литература в аспекте полифоничности // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3(94). С. 287-290. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,364.

4) *Ma Mэнцю*. К вопросу о рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в русском литературоведении // *Litera*. 2023. № 4. С. 102-109. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,202.

5) *Ma Mэнцю*. Эволюция полифонизма в творчестве Ф.М. Достоевского // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2023. № 7 (2). С. 139-143. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,084.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы.

Во введении дается общая характеристика работы, обосновывается актуальность выбранной темы, характеризуется степень ее разработанности, осуществляется выбор предмета и объекта исследования, определяются методологические основания, формулируются цель, задачи, основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе *«Обзор теории полифонического романа М.М. Бахтина (на материале творчества Достоевского)»* изложено краткое содержание книги *«Проблемы поэтики Достоевского»*, представлены разные аспекты теории полифонического романа, а также показана эволюция полифонизма в творчестве Достоевского.

Во второй главе, *«Рецепция теории полифонического романа М.М. Бахтина в русском литературоведении (на материале творчества Ф.М. Достоевского)»*, изучен процесс восприятия теории полифонического романа Бахтина в русском литературоведении и выявлены основные тенденции этого процесса, проанализированы споры русских исследователей о принципиальном равноправии смысловых позиций автора и героев в романах Достоевского, рассмотрена попытка русских исследователей найти истоки бахтинской трактовки романа Достоевского в русской религиозной философии, доказано своеобразие методов Бахтина в интерпретации романов Достоевского.

В третьей главе, *«Рецепция теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском литературоведении (на материале творчества Ф.М. Достоевского)»*, дано представление о поэтапном освоении полифонической теории Бахтина, показано ее влияние на активизацию исследований творчества Достоевского в Китае и трансформацию современного китайского литературного дискурса, рассмотрены взгляды китайских исследователей на Бахтина как на специфически русского мыслителя, выявлены неточности китайских исследователей при применении теории полифонического романа к анализу разных произведений. Некоторые китайские исследователи порой слишком свободно трактуют разработанный Бахтиным ряд понятий и терминов. Они игнорируют коренные различия между выбранными произведениями и подлинной полифонией, в результате чего толкования некоторых исследователей не совсем точно соответствуют замыслу создателя теории полифонического романа.

Четвертая глава посвящена *«Сопоставлению рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском и русском литературоведении (на материале творчества Достоевского)»*. В данной главе автором выявлено изменение фокуса внимания китайских и русских исследователей на разных этапах восприятия теории полифонического романа Бахтина, рассмотрена попытка русских и китайских исследователей найти полифонию у других писателей, кроме Достоевского, изучено соотношение бахтинской концепции диалога с разными направлениями.

В заключении подводятся итоги исследования, обобщается развитие критической мысли, формулируются перспективы дальнейшего изучения темы.

Глава 1. Обзор теории полифонического романа М.М. Бахтина (на материале творчества Ф.М. Достоевского)

1.1. Краткое содержание «Проблем поэтики Достоевского»

Полифония – музыкальный термин, обозначающий многоголосие в музыке. Термин «полифония» переосмыслен М.М. Бахтиным как литературоведческий и введён в научный обиход в книге «Проблемы творчества Достоевского» в 1929 году. В данной книге Бахтин отличает роман Достоевского от традиционного монологического романа, в котором авторское сознание всегда преобладает.

В первой главе «Проблем поэтики Достоевского» Бахтин излагает основные черты полифонических романов Достоевского: «Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского» [Бахтин 2002: 10]. Здесь Бахтин подчёркивает три момента: самостоятельность сознания героев; диалог между разными самостоятельными сознаниями; равноправие автора и героя. Для Достоевского «важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого» [Бахтин 2002: 56]. Герой Достоевского часто размышляет о предназначении человека и его месте в мире. Мироззрение героя и его восприятие истины раскрываются в диалогах с другими. При этом автор не судит своих героев, он видит себя одним из них.

Во второй главе Бахтин излагает новую позицию автора по отношению к герою в произведениях Достоевского. Герой Достоевского чувствует и видит мир с собственной точки зрения. Он обладает острыми глубоким знанием жизни, понимает чужую точку зрения и ведёт с другим равноправный диалог. Он постоянно думает. Его идея носит незавершенный характер. Если в монологических романах автор – совершеннейший диктатор, имеющий статус

Бога, то в полифонических – организатор чаепития. Цель автора – расширить, углубить и перестроить собственное сознание для того, чтобы «оно могло вместить полноправные чужие сознания» [Бахтин 2002: 80].

В третьей главе Бахтин рассказывает о постановке идеи в романах Достоевского. «Герой Достоевского – человек идеи» [Бахтин 2002: 97]. Так, например, мы не можем описать Раскольникова лишь такими словами, как подозрительный, мрачный, разночинец 60-х годов. Ведь он – человек идеи. Все внешнее – характер, темперамент, социальный тип героя – растворяется в его самосознании и самовысказывании. «Все ведущие герои Достоевского, как люди идеи, абсолютно бескорыстны» [Бахтин 2002: 99]. Так как они действуют не ради прибыли или выгоды, а лишь для того, чтобы мысль разрешить.

Согласно Бахтину, многоголосие произведений Достоевского обусловлен объективной сложностью, многоголосостью эпохи, и способностью писателя слышать разные голоса: «и господствующие, ведущие идеи (официальные и неофициальные), и голоса еще слабые, идеи еще полностью невыявившиеся, и идеи подспудные, никем еще, кроме него, не услышанные, и идеи еще только начинающие вызревать, эмбрионы будущих мировоззрений» [Бахтин 2002: 102]. Тем более, Бахтин подчёркивает, что эти идеи-прототипы имеют монологический характер, но автор разрушает их замкнутую монологическую форму и включает их в большой диалог романов. Именно в диалоге монологические идеи-прототипы обретают возможность развития.

В четвертой главе Бахтин анализирует жанровые и сюжетно-композиционные особенности произведений Достоевского. Он указывает, что в произведениях Достоевского «задачи, продиктованные его вечной человеческой природой – самосохранением, жадной победы и торжества, жадной обладания, чувственной любовью, – определяют авантурный сюжет» [Бахтин 2002: 119]. Прослеживая истоки полифонического романа Достоевского, Бахтин

отмечает, что полифонический роман берет свое начало от «сократического диалога» и «Менипповой сатиры». Эти два жанра проникнуты специфическим карнавальным мироощущением и духом равноправного диалога.

В пятой главе Бахтин сосредоточен на слове у Достоевского. В произведениях Достоевского существуют различные типы слова, среди которых разнонаправленное двуголосое слово, притом внутренне диалогизованное слово (скрытая полемика, полемически окрашенная исповедь, скрытый диалог), явно преобладает. Различные типы слова постоянно чередуются.

Слово у Достоевского претерпело какую-то эволюцию. «В первом романе Достоевского уже можно найти речевой стиль, который характерен для последующих произведений писателя. Почти после каждого слова Деушкин оглядывается на своего отсутствующего собеседника. Он спешит объяснить другим свое положение жизни. Его объяснение, по начальному смыслу героя, должно вызвать у других понимание, но на самом деле сменяется невольной иронией. Бахтин называет этот стиль “корчащимся словом с робкой и стыдящейся оглядкой и с приглушенным вызовом”. В “Бедных людях” слово Деушкина стал важным маркером, отличающим его от других бедных людей (например, Горшков и Покровский). Здесь не человек говорит языком, а язык говорит человеком. Язык отражает образ внутреннего человека» [Ма 2023: 139-140].

В «Двойнике» «из-за усложнения характера героя внутренний автодиалог Голядкина по сравнению с Деушкином более сложный. Здесь с чужим сознанием полемизировали уже два голоса: “один слишком робкий, во всем уступающий, полностью капитулирующий, другой уверенный, слишком уверенный”. Таким образом, все произведение построено “как сплошной внутренний диалог трех голосов в пределах одного разложившегося сознания”» [Ма 2023: 140].

В «Записках из подполья» речь героя еще усложняется. «Согласно Бахтину,

слово о себе подпольного героя – это не только слово с оглядкой, но и слово с лазейкой. Осуждая себя, подпольный человек предвосхищает два результата: согласие или несогласие другого. Он не хочет, чтобы другой человек согласился с его самоосуждением. А несогласие другого на его самоопределение – это то, чего он желает, но вследствие этого его попытка освободиться от власти над собой чужого сознания провалится. Вот причина дурной бесконечности самосознания с оглядкой. Слово с лазейкой имеет огромное значение в поздних романах Достоевского. Слово Ставрогина и Ипполита – также слово с лазейкой» [Ма 2023: 140-141].

В монологическом высказывании героев больших романов не проявляется что-то существенное новое. «Здесь внутренняя речь героев также наполнена словами “другого”. Но в ранних произведениях этот “другой” носит абстрактный характер. Такая абстрактность определяется всем замыслом произведения: жизнь героев лишена сложного сюжета. А в больших романах Достоевского “другой” имеет реальное воплощение. Так, например, в “Преступлении и наказании” Раскольников наводняет свою внутреннюю речь словами своей матери, Дунечки, Лузина, Мармеладова и т. д., “осложняя их своими акцентами или прямо переакцентируя их, вступая с ними в страстную полемику”» [Ма 2023: 141].

В пятой главе Бахтин отдельно исследует диалог у Достоевского. По его мнению, диалог у Достоевского всегда внесюжетен, то есть «внутренне независим от сюжетного взаимоотношения говорящих, хотя, конечно, подготавливается сюжетом». В произведениях Достоевского внутренний диалог и принципы его построения «послужили тою основой, на которой Достоевский первоначально вводил другiereальные голоса» [Бахтин 2002: 282].

В заключении Бахтин отмечает значение полифонического мышления, которое, по его мнению, может выходить за пределы романного жанра. Вместе с тем, Бахтин подчёркивает, что возникновение полифонического романа как нового

жанра неизбежно оказывает большое влияние на монологическую форму романа, но он не может быть поставлен выше «монологизма»: «каждый жанр имеет свою преимущественную сферу бытия, по отношению к которой он незаменим» [Бахтин 2002: 299].

1.2. Эволюция полифонизма в творчестве Ф.М. Достоевского

При работе над данным параграфом были использованы материалы моей публикации «Эволюция полифонизма в творчестве Ф.М. Достоевского» (Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2023. № 7 (2). С. 139-143.)

В своей книге о Достоевском Бахтин подробно рассказывает об основных чертах полифонических романов писателя. В ходе рассуждения Бахтина мы можем наблюдать формирование использованного писателем полифонического метода. Опираясь на высказывания Бахтина, мы стараемся более наглядно показать развитие полифонии в творчестве Достоевского.

Первый роман Достоевского уже «отличается от традиционных монологических произведений радикальной, открытой структурой. Если мы сравниваем “Шинели” Гоголя с “Бедными людьми”, то мы можем заметить, что в “Шинели” нет ни одного эпизода, который не был бы использован для изображения трагической судьбы главного героя Акакия Акакиевича, Гоголь концентрирует свое внимание на центральном сюжете, не допуская ни малейшего отклонения от темы, а в “Бедных людях” главный герой относительно независим, диапазон его мышления гораздо шире, он постоянно думает, и самосознание является доминирующим фактором в построении героя. Часто бывает, что мы слышим из уст главного героя некоторые мелочи, не имеющие прямого отношения к теме» [Ма 2023: 139].

«По сравнению с главным героем “Шинели” образ Девушкин более объемный. “Маленькие люди” обладают здесь, у Достоевского, собственным голосом. Прочитав повесть Гоголя, Девушкин увидел себя в образе героя Башкачина. Он был зол и грустен, так как почувствовал себя “безнадежно предрешенным и законченным”. Он попытался возражать против своей литературной завершенности. В “Бедных людях” Достоевский “впервые и попытался показать, еще несовершенно и неясно, нечто внутренне незавершенное в человеке, чего Гоголь и другие авторы повестей о бедном чиновнике не могли показать со своих монологических позиций”» [Ма 2023: 139].

Роман «Бедные люди» представляет собой диалог героев в форме письма. Но здесь герои еще не мыслители, их диалог еще нельзя назвать настоящим полифоническим диалогом.

В повести «Двойник» Достоевский «создает своего первого «раздвоенного» героя. Здесь главным предметом изображения является внутренний конфликт героя. Реальное событие служит только тому, чтобы усугубить его внутренний раскол» [Ма 2023: 140].

В герое борются два голоса: один слишком робкий, другой слишком уверенный. Второй голос непрерывно провоцирует и дразнит героя. По мере обострения раздворения героя он «сбрасывает маску». Так и появляется двойник Голядкина. Голядкин-младший говорит теми же словами, что и герой, только более насмешливым тоном. Все его высказывания наполнены иронией.

Пародирующие двойники являются важным явлением в произведениях Достоевского. В последующих романах Достоевского образ двойника получает реальное воплощение, но уже без визуального сходства с оригиналом.

В «Двойнике» основы полифонии уже сформированы. Здесь есть «двоящийся» герой, контрапункт в структуре его слова и прием создания

«пародирующих двойников» героя. Но в силу того, что Голядкин сходит с ума на почве аутизма и в принципе не способен к полноценному общению, подлинного диалога между самостоятельными, реальными голосами не происходит.

Прохладная реакция на «Двойника» в критике заставила Достоевского надолго отказаться от типа художественной формы этой повести. С 1846 по 1849 год он пробовал иные темы и жанры.

Первые произведения, опубликованные после каторги Достоевского, – повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Нужно отметить, что большинство произведений Достоевского пронизано ощущением трагедии, так как углубление писателя в мир человеческой личности не позволяет ему просто оставаться на позициях сатиры. Лишь в первых послекаторжных произведениях доминантой стала сатира.

Текст «Дядюшкина сна» построен таким образом, что «в нем есть рассказчик, он представляет нам персонажей, а затем отходит в сторону, давая персонажам возможность вступать в разные диалоги. Его образ близок к хроникёру из “Бесов”. Однако во второй части повести позиция рассказчика стала очевидной. Композиционные рамки произведения стали гораздо более узкими из-за того, что образы героев были предрешены» [Ма 2023: 140].

Повесть «Село Степанчиково и его обитатели» устроен подобным же образом, как и «Дядюшкин сон». Там все действующие лица «собираются в одном месте, высказывают свою точку зрения, проводят дискуссию, затем наступает развязка, и затем все разъезжаются» [Кэнноскэ 2011: 106].

В последующих больших романах Достоевского такое построение произведения встречается все чаще.

По отношению к первым двум после каторжных повестям теория карнавала Бахтина выглядит очень уместной. Здесь карнавализация носит несколько

внешний, наглядный характер, а в последующих произведениях карнавализация «уходит в глубинные пласты характер ее меняется. В частности, смеховой момент, здесь довольно громкий, там приглушается, редуцируется почти до предела» [Бахтин 2002: 185].

Начиная с «Записок из подполья», Достоевский пришел к более глубокому познанию человеческого духа.

«Подпольный человек» – это первый герой-идеолог Достоевского. «Развитие черт его характера можно заметить у героев-нигилистов в последующих зрелых романах писателя. Эти герои-нигилисты обладают особым шармом. Все они художественно удачны. Идеи, заложенные в “Записках из подполья”, окончательно оформляются в великом “пятикнижии” Достоевского. Например, раздел, в котором “подпольный человек” доказывает, что человек – не “штифтик”, не “фортепьянная клавиша”, можно рассматривать как предисловие к “Великому Инквизитору”» [Ма 2023: 140].

«Записки из подполья» имели необычайное влияние на писателей XX века. Например, подпольный герой говорит, что он много раз хотел сделаться насекомым, а в «Превращении» Кафки герой действительно превратился в страшное насекомое. Вызов, брошенный подпольным человеком идее «просвещенного» общества, заложил основу для ряда антиутопий.

От первого романа до «Записок из подполья» писатель совершает подготовительную работу для написания больших полифонических романов.

В больших романах Достоевского «самосознание по-прежнему является доминирующим фактором при изображении героя. Оно вбирает другие черты героя в себя “как свой материал и лишает их всякой определяющей и завершающей героя силы”. Поэтому мы не можем описать Раскольникова лишь такими словами, как подозрительный, мрачный, разночинец 60-х годов. Ведь он –

человек идеи. Все внешнее – характер, темперамент, социальный тип героя – растворяется в его самосознании и самовысказывании. А каким бы сложным ни был образ Печорина, но, по сравнению со Ставрогиным, который способен к рефлексии, герой Лермонтова все еще выглядит наивным» [Ма 2023: 141].

«Начиная с “Преступления и наказания” Достоевский выводит тему раздвоения личности на новый уровень развития. Герои “пятикнижия” унаследовали не только голядкинское раздвоение, но и идеи подпольного человека. Тем более, в “Записках из подполья” аргументация героя существует только на теоретическом уровне. От “Преступления и наказания” герои-идеологи начинают соединять “слово” и “дело”» [Ма 2023: 141].

Так, в «Преступлении и наказании» подпольный человек Раскольников «решительно материализует – выводит на свет и реализует темные начала своего разума» [Никольский 2011: 81]. Но ему не удается идти до конца. «После убийства старушки Раскольников не только не испытывает облегчения, но и находится в мучительном состоянии. Он то чувствует себя оправданным в убийстве, то испытывает угрызение совести; то твердо спорит с Соней, убеждаясь в собственной правоте, то падает перед ней на колени. Он восхищается собой, но в то же время себя судит. Ему становится всё “более тошно”, всё вызывает “мучительное раздражение”, и только смерть Мармеладова, раздавленного коляской, на какое-то время возвращает Раскольникова к деятельной жизни. Раскольников, убийца Раскольников, отдаёт все свои деньги Катерине Ивановне на похороны Мармеладова. С одной стороны, он “с усмешкой” отвечает на слова Никодима Фомича о том, что действительно “кровью замочился” (“Да, я весь в крови...”). С другой стороны, он, покидая Мармеладовых, полон нового, “необъятного ощущения вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни”» [Ма 2023: 141].

В романе «Идиот» образ ряда героев построен на совмещении

противоположных черт в их характере. Так, «у Парфена Рогожина проявляются полярные свойства натуры. Уже в портрете Рогожина противоречиво соединяются болезненное состояние героя (“мертвенная бледность”) и его “довольно крепкое сложение”, как прекрасные (“огненные глаза”, “высокий лоб”), так и уродливые черты лица (“нахальная и грубая улыбка”). Данные оппозиции (здоровье – болезнь, красота – безобразие) связаны с мотивом двойственности в романе, в том числе и внутренним раздвоением героя. Несмотря на то, что Рогожин страшно погружён в зло, в нем сохраняется жажда увидеть свет и способность к совершенствованию. Именно это уберегает его от окончательной гибели» [Ма 2023: 141].

В романе «Бесы» появляется один из самых противоречивых образов Достоевского – Николай Ставрогин. «С одной стороны, он обладает необыкновенной способностью ко злу и совершает самые гнусные преступления. С другой стороны, он крайне искренний и способен принять этот мир без самообмана» [Ма 2023: 142]. В отличие от Петра Верховенского и его сообщников, Ставрогин – подлинный бес. «Петр Верховенский обладает чисто феноменологическим значением, Ставрогин воплощает онтологический принцип зла» [Ален 1984: 76]. «Однако, несмотря на демоническую сущность Ставрогина мы все еще можем заметить попытку героя найти в себе силу духовного возрождения. Сам Ставрогин в своей исповеди признается, что образ малолетней девочки матрёши на пороге смерти вызывает у него небывалый страх. Он глубоко погружается в пучину противоречий» [Ма 2023: 142].

Роман «Подросток» вращается «вокруг разгадки тайны личности двух поколений. А тайна их личности заключается именно в их роковой раздвоенности. В образах Версилова и Аркадия уживаются и благородное и пошлое» [Ма 2023: 142]. Версилов болен «всеми недугами современной ему капиталистической цивилизации. Все зыблется, колеблется и двоится в его сознании: идеи – двусмысленны, истина – относительна, вера – неверие. Трагическая

раздвоенность Версилова определяет в свою очередь участь двойной семьи» [Белов 1990: 207]. «Версилов представляет собой ориентир для Аркадия в процессе его взросления. Он также является главным двойником Аркадия. На протяжении всего повествования подросток стремится к духовному сближению с Версиловым. В процессе понимания Версилова Аркадий обнаруживает свои самые сокровенные чувства: желание стать достойным благородным человеком. Ламберт – неявный двойник Аркадия, отражение темной стороны подростка. Он совершает то, что Аркадий хотел бы совершить и сам, но на что ему не хватило духовных сил [Ма 2023: 142].

«В последнем своем романе Достоевский описывает оппозицию между двумя мирами – христианским и антихристианским. Черт, разговаривающий с Иваном Карамазовым, как и Великий Инквизитор, “отверз уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его и жилище Его и живущих на небе” (Откр.13:6). Иван Карамазов скитается между этими двумя мирами. С одной стороны, Иван сомневается в существовании Бога. Его основной принцип формулируется так: “Если Бога нет, то все позволено”. Ивана можно описать как благовоспитанного негодяя. В его образе воплощено зло, которое прячет лик свой под личиною рационализма. Карамазовская натура даже более четко отражена в Иване, чем в Мите и в старом Карамазове. Иван ненавидит своего отца и брата Дмитрия, желая, что “один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!”. Его идея оказывает большое влияние на Смертякова, который в конце концов становится исполнителем желания Ивана. С другой стороны, Иван сочувствует слабым, которые подвергаются жестокому обращению самовольников. Он особенно ненавидит жестокое обращение с детьми. Он говорит: “Я не Бога не принимаю... я мира, Им созданного, мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять”» [Ма 2023: 142].

«Для Достоевского важный прием изображения сложного внутреннего мира

героев – создать пародирующих двойников. Почти каждый из ведущих героев романов Достоевского имеет несколько двойников, которые по-разному его пародирующих. Таким образом диалоги героев со своими двойниками, на самом деле, являются диалогами с самим собой. В этих диалогах каждый герой “слышит в словах другого отголоски собственной внутренней борьбы, повлиять на исход которой не силах ни сам герой, ни тем более слушатель. Но и без всякой дискуссии, герои слушают друг друга жадно, желая из чужих слов понять самих себя” . Так, Ставрогин и делает Шатова, Кириллова и Верховенского участниками “своего безысходного внутреннего диалога”, в котором он убеждает себя, а не их; Иван Карамазов в диалогах со Смердяковым и чертом узнает и утверждает то, что все время от себя скрывает; образы Свидригайлова и Лужина помогают раскрыть психологический портрет Раскольникова, так как они представляют собой зеркальное отражение его собственного “я”» [Ма 2023: 142].

В «великом пятикнижии» полифония проявляется и на уровне макродиалога. «Здесь происходит подлинный диалог между вполне самостоятельными и равноценными голосами. Эти голоса (идеи) часто имеют антинонический характер, их пересечение вызывают конфликт, а конфликт приводит к трагедии» [Ма 2023: 142]

Нужно отметить, что если в первых трех романах «великого пятикнижия» Достоевский показывает антиномические противоречия и вызванные ими трагические результаты, не предлагая способы их решения, то в последних двух романах он идет дальше. В «Подростке» трагедия противостояния личности и общества «снимается исповедью и перерождением героя», а в «Братьях Карамазовых» трагедия разрешается уже «торжествующей в финале соборностью, основанием которой служит не бунт героической личности, а мученичество простившего всех маленького и физически слабого ребенка» [Степанян 2016: 120-121].

От «Записок из подполья», в которой «героя придавливает “живая жизнь” до того, что “даже дышать стало трудно”, до последних двух больших романах, в которых герои начинают выходить из подполья и становятся способными к росту, мы можем заметить новое авторское понимание проблемы “подпольного человека”. Это, в известном смысле, связано со все более решительным религиозным сознанием Достоевского, которое неоднократно проявляется в “Дневнике писателя”. Но в больших романах писатель придерживается высокого стандарта. Он не делает авторское сознание доминирующим. Некоторые критики считают, что в романе “Братья Карамазовы” позиция автора явно выражена, что у автора те же самые мысли, как и у Зосимы. Действительно, сам писатель признается, что он писал шестую книгу “Русский инок” “со страхом, трепетом, благоговением”, “с большою любовью”, но многие из поучений старца Зосимы (или способ их выражения) “принадлежат лицу его, то есть художественному изображению его”. Поэтому мы слышим только голос героя, а не голос автора. Если действительно нужно назвать того “третьего”, который, согласно Бахтину, никак не представлен в романе, то, на наш взгляд, это всеохватывающая любовь писателя, рожденная его глубоким пониманием человеческой личности» [Ма 2023: 143].

Выводы по 1 главе

М.М. Бахтин в книге «Проблемы поэтики Достоевского» отмечает созданную писателем новую – полифоническую – форму романа. Согласно Бахтину, в полифоническом романе автор рассматривает героев как равноправных собеседников, и точки зрения героев свободно раскрываются без завершающих авторских оценок. Диалогическая позиция автора утверждает самостоятельность и внутреннюю свободу героев.

В ходе рассуждения Бахтина мы можем проследить динамику развития приема полифонии, использованного Достоевским в своем творчестве: «в ранних произведениях писателя контрапункт уже намечается в самой структуре слова, и такая структурная особенность слова остается в больших романах; мотив внутреннего раздвоения героя, прозвучавший в ранних повестях Достоевского, еще более усиливается в великом пятикнижии; голоса, возникающие из-за расщепления сознания героя и не являющиеся вполне самостоятельными и реальными в ранних повестях Достоевского, в романах становятся полноправными; расставленные автором голоса взаимодействуют друг с другом, так и появляется макродиалог романа» [Ма 2023: 143].

Глава 2. Рецепция теории полифонического романа М.М.Бахтина в русском литературоведении (на материале творчества Ф.М. Достоевского)

2.1. Первый этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в русском литературоведении: с 1929 г. до середины 1950-х гг.

Рецепция теории полифонического романа Бахтина в России начинается с литературно-критической реакции на публикацию в 1929 году «Проблем творчества Достоевского» (*М.М. Бахтин, Проблемы творчества Достоевского, изд-во Прибой, Л. 1929*). После выхода в свет данной книги в печати появился ряд статей и откликов.

В числе наиболее значительных откликов на книгу Бахтина следует назвать статью А.В. Луначарского «О “многоголосности” Достоевского» (1929). Первоначально данная статья была опубликована в десятом номере журнала «Новый мир» за 1929 год. Несколько раз переиздавалась (в 1937, 1956 и 1957 гг.).

А.В. Луначарский положительно отзывается о сделанном Бахтиным анализе «многоголосности» Достоевского. Вместе с тем он возражает против Бахтина по ряду моментов. Согласно Луначарскому, Бахтин изучает только структурные моменты художественного видения Достоевского. Он предлагает подкрепить мысли Бахтина социологическим анализом. Причину многоголосности Достоевского Луначарский видит в расщеплении сознания писателя. Он связывает полифонизм с идейным содержанием произведений Достоевского.

В отличие от Бахтина, Луначарский настаивает, что полифонизм свойствен не только Достоевскому, но и Шекспиру и Бальзаку. Полифонизм Шекспира, по мысли Луначарского, заключается в том, что пьесы великого английского драматурга не стремились доказать какой-то тезис, а полифонизм Бальзака – в его чрезвычайной объективности, в великом мастерстве перевоплощения.

По характеристике С.Г. Бочарова, статья Луначарского создала «известную

полифонию» голосов в советской печати. Благодаря статье Луначарского «Проблемы творчества Достоевского» постоянно находились в поле зрения советских исследователей и служила им важным ориентиром при оценке книги Бахтина.

Помимо статьи Луначарского появились и отклики Н.Я. Берковского (1929), А.Л. Бема (1929), П.М. Бицилли (1930), Р.В. Плетнева (1931). В.Л. Комаровича (1934). Исследователи развернули критику по целому ряду проблем теории полифонии Бахтина: «по поводу вопроса авторской позиции в романах Достоевского, оригинальности полифонической идеи Бахтина, применимости полифонической теории Бахтина к всем произведениям Достоевского» [Ма 2022: 103].

Н.Я. Берковский считает, что утверждения Бахтина об «полифоничности» романа Достоевского несостоятельны и ошибочны. Он подвергает сомнению самостоятельность голосов героев в романе Достоевского и отсутствие в нём авторской режиссуры: «В действительности роман Достоевского чрезвычайно объединён, и именно авторской мыслью, авторским смыслом» [Исупов 2001: 187]. По мнению Берковского, сохраняются в книге Бахтина лишь одна ценная часть – философско-лингвистическая, та, в которой «трактуются проблема слова у Достоевского» [Исупов 2001: 185].

П.М. Бицилли в своей рецензии ставит одну важную эстетическую проблему: «Как и почему из множества голосов получается созвучие, как и почему из соединения самых разнообразных стилей всё же возникает какой-то общий стиль?» [Исупов 2001: 190]. Бицилли видит вклад Бахтина в том, что он обнаружил ключ к разрешению данной проблемы – «в его замечании о “вне-временном” восприятии мира у Достоевского» [Исупов 2001: 190].

По мнению А.Л. Бема, наличие в романе Достоевского множества

самостоятельных и неслиянных голосов исознаний было отмечено не только Бахтиным, это общее наблюдение. Вкладом Бахтина являются проведение более глубокого системного исследования, создание сравнительно законченной теории и удачные стилистические наблюдения над рядом произведений Достоевского. Указывая уклоны в книге Бахтина, Бем подчёркивает композиционную роль «третьего», который, по Бахтину, никак не представлен в романе и для которого нет ни композиционного, ни смыслового места. Исследователь приходит к выводу, что «этот странный наблюдатель чужой жизни собственно есть единственное лицо, в себе вмещающее всю сложную трагедию человеческих страстей» [Исупов 2001: 192].

Согласно Р.В. Плетневу, далеко не все произведения Достоевского можно подвести под формулу многоголосности: произведения «Записки из Мертвого дома», «Село Степанчиково и его обитатели», «Игрок» одноголосы, там все события, все вещи и слова «оцениваются с одной точки зрения, с точки зрения рассказчика» [Исупов 2001: 197]. Исследователь опровергает мнение Бахтина о том, что герой Достоевского есть только его слово о себе, и указывает, что ошибки Бахтина происходят от «некоторой неясности и неполноты определения диалога и его сущности» [Там же, с. 198].

В.Л. Комарович подвергает сомнению применимость теории полифонического романа, которая, по его мнению, ограничена непосредственным материалом книги: «вряд ли структурные особенности больших романов можно показать на “Бедных людях”, на “Записках из подполья” или на “Кроткой”» [Исупов 2001: 205]. По мнению Комаровича, ошибки Бахтина заключается в том, что он игнорирует «историческую перспективусозданного Достоевским литературного жанра» [Исупов 2001: 209].

Таким образом, изначально немало русских исследователей критически относились к теории полифонического романа Бахтина. Причины, по нашему

мнению, заключаются в том, что в 1920-е годы господствует или узкий формалистический подход, или марксистский метод, а метод, используемый Бахтиным для интерпретации творчества Достоевского, кажется несвоевременным, поэтому он не признается большинством исследователей.

Интерес к книге Бахтина продолжался недолго. На это обращает внимание В.В. Кожин. Размышляя о первой книге Бахтина о Достоевском, Кожин говорит: «Первую свою книгу, посвященную Достоевскому, возможно, главный труд своей жизни, он дописал в возрасте Христа, и напечатал в 1929 году, достигнув 34 лет. Но вместо творческого общения с собратьями по цеху, он вынужден был замолчать на несколько десятилетий, он как бы не существовал более для читателей и ждал переиздания своей первой книги более 30 лет» [Кожин 1992: 112].

Говоря о причинах долгого времени забвения книги «Проблемы творчества Достоевского», В.В. Здольников объясняет: «Советское литературоведение и в 30-50-е годы продолжало двигаться в русле, проложенном еще в 20-е ревнителями методологической чистоты, – в русле “монологического сознания”, пафосом отрицания которого пронизаны “Проблемы творчества Достоевского”» [Здольников 2003: 21].

2.2. Второй этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в русском литературоведении: с середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг.

Возрождение интереса к книге Бахтина о Достоевском в середине 1950-х гг. во многом обусловлено, по словам С.Г. Бочарова, «воскрешением в общественной и литературной жизни самого Достоевского» [Бочаров 2000: 501]. В сборнике «Творчество Ф.М. Достоевского» были собраны статьи, в которых исследователи Достоевского настойчиво спорили с бахтинской концепцией полифонии.

Так, в статье «Поэтический строй языка в романах Достоевского» А.В. Чичерин отстаивает мысль о решающем значении авторского сознания. Он развертывает дискуссию с точки зрения языка романа. По мнению Чичерин, Бахтин преувеличивает значение так называемых «двойко-направленного слова», «разнонаправленного двуголосого слова», «внутренне диалогизированного слова» в языке романов Достоевского. Исследователь пытается показать «роль автора в монологе, в диалоге, в многоголосице» [Чичерин 1959: 443].

Г.Л. Абрамович в статье «К вопросу о природе и характере реализма Достоевского» обращает особое внимание на проблему автора в полифоническом романе. Он выражает несогласие с тем, что в произведениях Достоевского каждый герой живёт только своей самостоятельной жизнью, как это утверждал Бахтин, или что Достоевский, как показал О. Казус, «лишь “хозяин дома”, умеющий хорошо обойтись со своими различными гостями и не нуждающийся в произнесении последнего слова» [Абрамович 1959: 60]. Исследователь отмечает, что субъективность автора «в значительной мере определяет направление и силу создаваемых им реалистических картин и образов» [Там же].

Г.М. Фридендер, видный исследователь Ф.М. Достоевского, несколько раз выступал против бахтинской идеи о полифоничности романов писателя, разворачивая критику отдельных её положений.

Фридендер подчёркивает, что самостоятельность героев Достоевского «лишь относительна и не ведёт к утрате идейной и художественной целостности произведения», что Достоевский «отнюдь не отказывается от авторской оценки своих персонажей и высказываемых ими идей» [Фридендер 1956: 104]. По мнению исследователя, теория полифонии Бахтина далеко не применима к всем произведениям Достоевского. Он приводит в пример роман «Идиот», где точка зрения автора «на изображаемые события отнюдь не скрыты, а напротив, выражены весьма резко и определенно, хотя и очень своеобразно» [Фридендер

1959: 211].

В монографии «Реализм Достоевского», которую высоко оценивает М.М. Бахтин, Фридлендер отмечает: «те конечные выводы, которые Бахтин делает из анализа художественного полифонизма Достоевского, по нашему мнению, не вытекают из этого анализа, находятся в противоречии с реальной художественной тканью его романов [Фридлендер 1964: 188-189].

В.Б. Шкловский считает, что стилистические особенности романов Достоевского самоочевидными. Он обращает особое внимание на особенности черновых планов Достоевского, отмечая, что именно в черновых планах раскрываются полифоничность романов писателя и незавершённость диалогов [Шкловский 1957: 171-172].

Основой художественной формы произведений Достоевского, согласно Шкловскому, является спор идеологических голосов писателя. В статье «Против» он объясняет, «чем вызван тот спор, следом которого является литературная форма Достоевского, и одновременно, в чем всемирность романов Достоевского, то есть кто сейчас заинтересован этим спором» [Шкловский 1960: 98].

Переизданная в 1963 г. книга «Проблемы поэтики Достоевского» вызвала оживлённую полемику. В советской печати появился ряд острополюемических по отношению друг к другу откликов.

Полемика развернулась вокруг вопроса о методологическом подходе Бахтина в интерпретации творчества Достоевского. Она была открыта статьей А. Дымшица «Монологи и диалоги». Дымшиц попытался найти идеологические преступления у Бахтина. Он обнаружил в книге Бахтина «формализм, субъективизм и признаки метафизического мышления» [Дымшица 1964: 4-5].

Против утверждения Дымшица выступили И. Василевская и А. Мясников. В статье «Разберемся по существу» авторы избирают слова Луначарского в качестве

одного из аргументов: «Первое издание книги М. Бахтина о Достоевском было сочувственно встречено А.В. Луначарским, опубликовавшим большую статью “О ‘многоголосности’ Достоевского”. В самый разгар борьбы с формализмом Луначарский отделил Бахтина от формалистов. Более того, он угадал, увидел антиформалистический характер книги» [Василевская, Мясников 1964: 4-5].

По мнению Л. Шубина, содержание книги Бахтина оказалось значительнее методологической полемики. Исследователь оценивает мнение Бахтина о полифоничности романов Достоевского как одно из самых главных в его работах: «Бахтин обнажает глубочайшую связь структурных элементов поэтики с художественным мышлением писателя» [Шубин 1965:94]. Кроме того, Шубин уделяет особое внимание построению нового варианта книги Бахтина: «Во втором издании изменилась направленность книги. Если раньше М. Бахтину было важно противопоставить свою методологию формализму и вульгарному социологизму, то теперь всё это подчинено более широкой задаче – противопоставить гуманизм Достоевского “достоевщине”» [Там же].

Г.Н. Пospelов, с одной стороны, признаёт, что в книге Бахтина есть «значительная доля истины», но с другой стороны, он предупреждает читателей о «преувеличении от увлечения» [Пospelов 1965: 98]. Согласно Пospelову, утверждения Бахтина «остаются описательными, лишёнными исторического обоснования, так как не связаны с выяснением тех конкретных особенностей, какими отличалось “видение мира” у Достоевского» [Там же]. Пospelов предлагает объяснять отношение Достоевского к идейной жизни героев «исторически сложившимися конкретными особенностями идеологического “миросозерцания” писателя» [Там же].

В 60-70 гг. наблюдается всплеск интереса к полифонической теории Бахтина. Ее оценку мы видим в работах таких известных учёных, как Д.С. Лихачёв, Д.И.

Чижевский, В.Н. Топоров, М.Л. Гаспаров.

В статье «Принцип историзма в изучении содержания и формы литературного произведения» Д.С. Лихачёв отмечает, что правоту Бахтина подтверждают черновики романа «Идиот», в которых писатель «всё время по-разному расставляет своих героев, меняет их образы, их взгляды, устанавливая их соотношение, создавая многоголосый “хор”» [Лихачёв 1965: 31]. Вместе с тем Лихачёв справедливо указывает, что не все произведения Достоевского можно назвать полифоническими, в «Дневнике писателя» полифоничности в художественной структуре совершенно нет [Там же].

Ошибку Бахтина Лихачёв видит в том, что «в увлечении сделанным им открытием М. Бахтин поставил “полифонизм” как художественный принцип выше “монологизма”». По мнению учёного, расцветом русский реализм XIX века обязан ряду выдающихся «монологических» произведений, как литературно-художественный приём “полифонизм” вырос именно на основе “монологизма”, «ни один метод не может быть поставлен выше другого: каждый имеет свои достоинства» [Там же].

В статье «Новые книги о Достоевском» Д.И. Чижевский отмечает один из самых важных тезисов в «Проблемах поэтики Достоевского» – тезис о «равноправии» героев «перед лицом истины». По мнению Чижевского, этим объясняется «тот странный факт, что исследователи идеологии Достоевского характеризуют его мировоззрение на основе высказываний самых различных его героев: от старца Зосимы и Алёши Карамазова до Ивана Карамазова и даже “человека из подполья”!» [Исупов 2001: 211].

В работе В.Н. Топорова роман Достоевского рассматривается в мифопоэтическом аспекте, особенности романной структуры соотносятся с архаическими схемами мифологического мышления. Опираясь на теорию

полифонического романа Бахтина, Топоров указывает, что Достоевский в своём творчестве изменил классическую романную структуру, и применил архаические ходы мифопоэтического мышления, что позволило ему «кратчайшим образом записать весь огромный объём плана содержания и предельно расширить романное пространство» [Исупов 2001: 246]. Сущность трансформации жанра характеризуется Топоровым как новое соотношение сюжета и героя: «Достоевский сумел найти в авантюрном романе такую структуру, которая была предельно независимой от героя и, следовательно, открывала массу дополнительных возможностей для столкновения героя с элементами сюжета» [Там же].

Самым принципиальным оппонентом Бахтина был М.Л. Гаспаров, который рассматривает работы Бахтина как «нигилистический отбор ценностей». Исследователь с неодобрением пишет: «По существу ему близок ни Пушкин, ни Шекспир, ни даже Толстой, он принимает лишь две вещи: во-первых, карнавальную традицию и Рабле, во-вторых, Достоевского: иными словами, или комический хаос, или трагическую разноголосицу» (любопытно, с каким равнодушием к фактам преувеличивает он с чужих слов количество и качество средневековых пародий и как легко отмахивается он от целых линий в истории романа – они «плохие», их авторы не понимали, что такое роман)» [Гаспаров 1997: 494-496].

2.3. Третий этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в русском литературоведении: в 1990-2010-е гг.

2.3.1. Попытка русских исследователей найти истоки бахтинской трактовки романа Ф.М. Достоевского в русской религиозной философии

В 1990-е гг. в русском достоевковедении «наблюдается смена

методологической парадигмы. Судя по названиям ряда научных работ («Достоевский и мировая культура», «Достоевский и церковь: у истоков религиозных убеждений писателя» и т. д.), мы можем сделать вывод, что в 1990-е годы возобладал культурологический подход. Исследователей Достоевского привлекают национально-религиозные корни писателя. Направляющим вектором работ становится религиозный, в частности, православный контекст творчества Достоевского» [Ма 2022: 105]. Вместе с этим поэтику Бахтина многократно рассматривают в контексте русской религиозно-философской традиции.

Так, И.А. Есаулов задает вопрос: православный код поэтики Достоевского действительно очевиден, а почему Бахтин при изучении поэтики писателя совсем не эксплицировал категорию соборности? [Есаулов 1995: 130].

Нужно отметить, что Бахтин писал свои книги в определённой исторической ситуации. Создавая теорию полифонического романа, он уделял внимание «глубинным и устойчивым структурным моментам художественной видения Достоевского» [Бахтин 2002: 7], проводил исторические параллели между полифоническим романом, мениппеей и карнавалом, но не выяснял связь поэтики Достоевского с религиозными убеждениями и общественным идеалом писателя. В беседах с Бочаровым сам Бахтин признавался, что в книге о Достоевском «оторвал форму от главного», что под несвободным небом он умолчал о «главных вопросах» [Бочаров 1993: 72].

Есаулов предлагает сопоставить категорию соборности (православный код) с категорией полифонии Бахтина для их комплексного исследования. Согласно Есаулову, мысль Вяч. Иванова о соборности творчества Достоевского предвосхитила идею Бахтина о полифоническом типе художественного мышления. Исследователь отмечает: «Полифонический тип художественного мышления был уже по сути дела отмечен Вяч. Ивановым как “проникновение в чужое я <...> переживание чужого я как самобытного, беспредельного и полновластного мира”.

Особенно важно, что это проникновение как “актлюбви”, по мысли Вяч. Иванова, содержало в себе “постулат Бога <...> постулат Христа, осуществляющего искупительную победу над законом разделения и проклятием одиночества”» [Есаулов 1995: 130].

Есаулов подчёркивает, что Вяч. Иванов не впрямую развивает славянофильскую идею соборности, что он кардинально переосмысляет понятие соборности и имплантирует в него дионисийский пласт. Причина «умолчания» Бахтина, по мнению Есаулова, заключается и в том, что ему было невозможно использовать эту категорию как антиципацию полифонии без предварительной реконструкции изначального объема понятия, а сама же реконструкция не могла состояться по вышеупомянутой причине.

В 1993 году в журнале «Вопросы философии» была опубликована статья В.Л. Махлина «Бахтин и Запад». В своей статье Махлин утверждает, что Бахтин на Западе более понятен и принят, поскольку идеи русского мыслителя восходят к Когену, Гуссерлю, Шелеру [Махлин 1993: 94-114]. Вопреки мнению Махлина, В.В. Кожин, считающий себя учеником Бахтина, отстаивает идею русского происхождения идей Бахтина. Кожин отмечает, что «определённая нить от Ниловой “беседы” с Богом ведёт и к Достоевскому, и к диалогической идее Бахтина» [Кожин 1993: 123-124].

Кожин объясняет: «По мнению Нила Сорского, не молитвою молится ум, но превыше молитвы бывает, действием духовным двинется душа к Божественным, человек видит в себе Творца мира, любит его, разговаривает с ним и становится с ним единым целым...Уследовав идеи Нила Сорского, Бахтин определил диалог между человеком и Богом как высший предел познания... Бахтин любил говорить: “Царство Божие не внутри нас и не вне нас; оно – между нами”» [Кожин 2000: 333].

Н.Д. Тамарченко попытался искать истоки бахтинской трактовки романа Достоевского в русской религиозной философии. В своей монографии «“Эстетика словесного творчества” Бахтина и русская религиозная философия» исследователь выявляет смысл и своеобразие идей Бахтина, соотнося их с идеями русской религиозной философии (Вл. Соловьёв, В. Розанов, Е. Трубецкой, П. Флоренский, А. Белый). По мнению Тамарченко, спор философско-религиозных традиций о Богочеловечестве (Вл. Соловьёв, Е. Трубецкой) «стимулировал процесс формирования эстетики и поэтики Бахтина как единой системы понятий, ядром которой стала концепция диалогического взаимодействия автора и героя в акте эстетического завершения» [Тамарченко 2011: 154].

Н.К. Бонецкая придерживается противоположной точки зрения по отношению к выше перечисленным исследователям. Она считает, что в воззрениях Бахтина сочетаются и западные, и русские начала. Исследователь указывает многие параллели между идеями Бахтина и русских философов, но в то же время подчёркивает «нерусскость» учёного: «В мире Бахтина для его членов Бога, в сущности, нет: в самом деле, “герои” Достоевского не знают и не помышляют об “авторе”. Именно здесь, по-видимому, основное противостояние Бахтина русской религиозной философии. Итак, “диалог” Бахтина хотя и тяготеет к превращению в систему всеединства, остается диалогом, поскольку рождается из интуиций дружности и вненаходимости”» [Бонецкая 1993: 83-93].

2.3.2. Споры современных русских исследователей о принципиальном равноправии смысловых позиций автора и героев в романах Ф.М. Достоевского

С 1990-х гг. вопрос о роли автора в полифонических романах Достоевского продолжает вызывать большие споры, к дискуссии присоединились ряд

современных исследователей Достоевского. Обсуждения вокруг данного вопроса углубляют изучение творчества Достоевского.

Так, отзываясь о книге Бахтина о Достоевском, Н.Ф. Буданова отмечает, что авторитетность авторского слова у Достоевского не вызывает никакого сомнения, она опирается на авторитетность христианских истин, проводником и провозвестником которых был Достоевский [Буданова 1994: 6-7].

Говоря о причинах, по которым Бахтин обошел полным молчанием вопрос мировоззрения Достоевского, Буданова полагает, что трудно дать конкретный и точный ответ, ведь данный вопрос является определенной загадкой: «цензурные ограничение или стремление утвердить “множественность” как принцип?» [Там же].

В.Е. Ветловская также возражает против бахтинского мнения о «равноправии» голосов автора и его героев, отмечая, что героям никак нельзя превзойти такую глубину, какой автор наделял их. В статье «Теория полифонического романа М.М. Бахтина и этическое учение Ф.М. Достоевского» исследователь высказывает, что какую бы свободу автор «ни предоставлял герою, эта свобода всегда относительна. И какими бы глубокими идеями он его ни наделял, эти идеи всегда остаются только частью еще более глубокой и всеобъемлющей системы воззрений, принадлежащей именно автору» [Ветловская 2002: 36].

К противникам концепции полифонии Бахтина присоединяется и А.Б. Криницын. В монографии «Исповедь и самоанализ героя в романах Достоевского» он подчёркивает, что «авторская позиция складывается из художественного целого произведения, куда входят все образы героев с их идеями, поэтому авторская позиция находится на совершенно ином, высшем коммуникативном уровне» [Криницын 2001: 245]. Тем более, исследователь

отстаивает мысль о том, что романы Достоевского «крайне идеологизированны, и “правда” в них несомненна и однозначна, при всей трудности и противоречивости пути героев к ней» [Там же].

Ф.Т. Михайлов опровергает теорию полифонического романа Бахтина с особой точки зрения. Так, в статье «Авторы и герои (Слово в защиту монолога)» исследователь пытается защищать «монолог». По мнению исследователя, «диалог и монолог не логические формы мышления, а равноправные стороны дискурсивного или художественного построения предмета обращения людей друг к другу, равно действенные в любой логической форме, ибо они просто не существуют вне друг друга» [Михайлов 1996: 70]. В истории развития способов понимания сути вещей Михайлов различает не монологизированное откровение и диалогизированное рассуждение, а исторически нерелексивный и исторически релексивный. Нерелексивный способ мышления «принимает, но не понимает действительность», а релексивный способ мышления своим усилием воспроизводит «становление наличных форм из предшествующих», воссоздавая тем самым собственную историю. На взгляд Михайлова, в творчестве Достоевского Бахтин ищет единое основание «для всего многообразия форм и способов “взаимодействия” героев со своим автором друг с другом», а этим единым основанием становится рефлексия, поскольку в творчестве Достоевского «реализуется исходная движущая сила сознаваемой человеческой жизнедеятельности – необходимость для жизни человека обращаться к другим людям, к “другому” вне себя и только поэтому и в себе (к себе как к другому)» [Михайлов 1996: 59].

Несмотря на множество противоположных мнений еще некоторые исследователи ценят мнение Бахтина об отсутствии доминирующего авторского сознания в романах Достоевского как одно из самых главных. Так, в статье «Бахтин в 1920-е годы» Н.К. Боневская называет эстетику Бахтина в 20-х гг.

«освобождением героя», «возвращением героя в жизнь», или «переходом от героя-вещи (тип) к герою, обладающему личностной свободой (герой романа Достоевского)» [Бонецкая 1994: 26].

Вопрос самостоятельности голосов героев и авторской позиции в полифоническом романе Достоевского является одним из самых главных в процессе рецепции русскими исследователями теории полифонического романа Бахтина. Большинство русских исследователей выступают против мнения Бахтина о роли автора в полифоническом романе.

Важно отметить, что в своей книге Бахтин изучает именно сложное и совершенно новое романное построение Достоевского. Внимание учёного уделяется тому, что «автор в своей “модели мира” показывает, по каким законам устроено мироздание». Бахтин мыслит о «вечно продолжающейся в большом времени жизни великих творений искусства» [Степанян, 2016: 139, 166].

В предисловии к «Проблемам творчества Достоевского» Бахтин подчёркивает, что «в творчестве Достоевского пережило его философскую и социально-политическую идеологию – его революционное новаторство в области романа как художественной формы» [Бахтин 1929: 8].

Интерпретируя Ф.М. Достоевского, многие философы рассматривают писателя как своеобразного предшественника экзистенциальной философии или истинного православия. Такая трактовка творчества Достоевского является односторонней и субъективной, поскольку идейное наследие писателя действительно многомерно и полифонично, оно не содержит только экзистенциальной или православной доминанты. В этом смысле «наибольшего успеха всегда достигали работы, где к философии Достоевского шли не прямо, но через его поэтику и психологию, как в знаменитых книгах М.М. Бахтина» [Креницын 2002: 3].

2.3.3. Синтез философского и филологического методов в интерпретации М.М.Бахтиным романов Ф.М. Достоевского

В работе начала 1920-х годов «Автор и герой в эстетической деятельности» М.М. Бахтин пишет: «Я, как субъект, никогда не совпадаю с самим собою: я – субъект акта самосознания – выхожу за пределы содержания этого акта» [Бахтин 2003: 183]. По мнению учёного, человек ориентируется в мире, воспринимая свой образ глазами другого, в «моём» сознании «другой» выступает в роли той инстанции, которая конституирует «мои» представления о себе, человек для себя никогда не является целостным и завершённым, целостно познать может только Другой.

В диалогическом дискурсе Бахтина принципиально имеется «Другой» как необходимый компонент диалога. Бахтин говорит: «Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, – с ними можно только диалогически общаться» [Бахтин 2002: 80]. Согласно Бахтину, само бытие человека – это непрерывный диалог с Другим, во всём многообразии мира только диалогические отношения между «Я» и «Другим» направлены в будущее.

Разработанные Бахтиным в ранних философских работах понятия «я» и «другой» являются ключевыми для объяснения поэтики Достоевского. Отношения «Я-Другой» могут рассматриваться как эквивалент отношений между автором и героем. В этом смысле автор является псевдонимом Я, а герой является псевдонимом Другого.

По мере всестороннего исследования научного наследия Бахтина русские исследователи начали рассматривать особый подход учёного с более объективной точки зрения. Некоторые ученые полагают, что в интерпретации романов Достоевского Бахтин синтезирует философский и филологический методы.

Так, И.В. Пешков считает, что Бахтин предложил «принципиально иной

научный метод, отнюдь не противопоставленный уже выработанным современными гуманитарными науками методам, но дополняющий их» [Пешков 1998: 69].

По мнению Л.А. Гоготишвили, нельзя замкнуть Бахтина узкими рамками той или иной дисциплины, он открыт содержательной интерпретации: «Бахтинская философия языка тесно связана с литературоведением, и её можно было бы назвать семиотикой литературы, но не потому, что она применяется к литературе, а потому что литература становится её точкой зрения» [Гоготишвили 1992: 144].

О.Е. Осовский в книге «Диалог в большом времени: литературоведческая концепция М.М. Бахтина» указывает, что философии Бахтина всегда опираются на литературный материал, что в ранних философских работах ученого уже можно увидеть его стремление разрабатывать «этико-философскую концепцию на материале художественного творчества» [Осовский 1997: 127]. Осовский ещё отмечает, что исследование слова у Достоевского в свете проблемы противостояния «Я» и «Другого», которая поставлена Бахтиным в ранних текстах, подводит учёного к «кульминационному моменту – определению диалогического характера самосознания героев» [Там же].

Еще некоторые исследователи возражают против рассмотрения работы Бахтина на стыке литературоведения и философии, считая, что это снимает художественную ценность идей ученого. Так, Н.К. Бонецкая подчёркивает: «Вряд ли можно утверждать, что философские вопросы Бахтин решает “на материале” литературы: при таком понимании литературоведение не просто оказывается в трудах Бахтина на вторых ролях, но с него негласно снимается обязанность адекватно описывать свой предмет. <...> В книге о Достоевском Бахтин показал, каким образом художественная ценность может одновременно быть фрагментом реального нравственного бытия» [Бонецкая 1994: 26].

На наш взгляд, совсем справедливую оценку подходу Бахтина дает В.И. Новиков. Согласно Новикову, из всех толкований Достоевского бахтинская трактовка романов писателя самая энергичная, самая окрыляющая, это не интерпретация академического учёного, а интерпретация человека творческого. Исследователь отмечает, что к Бахтину больше подходит слово художник, именно художество у Бахтина соединяет филологию и философию. Он еще подчёркивает, что бахтинская категория носит не отвлечённый, а творческий характер, любой его термин, любое его понятие многозначно, это не просто мысль, это музыка мысли, это поиск того всеединства, которое всегда делало в России философию не просто ремеслом, но образом и стилем жизни.

2.3.4. Издательские проекты, посвященные М.М. Бахтину

В последнее десятилетие XX века в России увеличился поток публикаций, анализирующих различные аспекты идей Бахтина, началось издание собрания сочинений учёного, усилились контакты между российским и западным бахтиноведением.

Ежеквартальный журнал «Диалог. Карнавал. Хронотоп», посвященный изучению научного наследия Бахтина, начал издаваться по инициативе и под редакцией Н.А. Панькова в Витебске с 1992 года. Сначала Паньков хотел издать сборник статей, посвященный личности и творчеству Бахтина. Потом планируемое издание превратится в журнал.

Начиная издавать журнал, редакция журнала писала в первом его номере: «Многие, вероятно, сочтут этот замысел чересчур специфичным и слишком узким, ограниченным очень тесными рамками. Но, по мнению редакции, специфичность, то есть отчётливо выраженная своеобразность – скорее достоинство, чем изъян любого журнала. Что же до тематики публикуемых и намечаемых к публикации

материалов, то редакция надеется на её достаточную обширность и немалое разнообразие» [Паньков 1992: 8]. В журнале были собраны исследования по самым разным аспектам. Он включает в себя как архивные документы, воспоминания, письма, биографические исследования, связанные с жизнью Бахтина и его окружения, так и интервью с различными исследователями, полемика, рецензии, отчёты о конференциях и других научно-культурных событиях. В журнале исследователи из разных стран мира истолковывают теоретические положения Бахтина, рассматривают гуманитарную научную проблематику в свете концепций ученого.

Основатель и главный редактор журнала Н.А. Паньков говорил: «Я хотел, чтобы журнал “Диалог. Карнавал. Хронотоп” стал островком хотя бы временного мира, где можно спорить, но не враждовать, где люди стараются забыть о своих обидах ради высокой цели, каковой я считаю изучение жизни и наследия М.М. Бахтина» [ГАВО, л. 60б]. Желание Панькова осуществилось. В журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп» были опубликованы работы представителей самых разных групп и направлений научного сообщества, младших участников московского круга Бахтина (С.Г. Бочаров, В.В. Кожин, Г.Д. Гачев, Ю.М. Каган, В.Н. Турбин и др.), видных западных бахтиноведов (К. Эмерсон, К. Томсон, К. Брэндиш, Г. Тиханов, К. Адлам и др.).

В редколлегию журнала вошли учёные из разных стран, такие как В.М. Алпатов, Вяч.Вс. Иванов, С.Г. Бочаров, К. Томсон, К. Эмерсон, Ю. Кристева, Х. Сасаки.

В 2003 году издание журнала было прекращено. Это связано с рядом причин: недостаточным финансированием, трудностями с материалами для публикаций и т. д. С 2009 года издание было возобновлено. Но редакция решила выпускать не журнал, а альманах «Диалог. Карнавал. Хронотоп», которая посвящена самым острым и любопытным событиям, связанным с Бахтиным.

Журнал «Диалог. Карнавал. Хронотоп» был интересен многим исследователям и читателям. Благодаря ему исследователи получили платформу для публикаций итогов своих разысканий, а учёные из всего мира получили возможность оперативно знакомиться с последними открытиями. Журнал «Диалог. Карнавал. Хронотоп» внес большой вклад в развитие бахтиноведения как в России, так и во всем мире.

В 1996 году началось издание Полного собрания сочинений М.М. Бахтина. В предисловии редакторы пишут: «Осуществленные до сих пор издания трудов Бахтина надо признать во многих случаях несовершенными текстологически и недостаточно проработанными научно. <...> собрание сочинений М. М. Бахтина должно быть научным. <...> По замыслу авторского коллектива, работающего над собранием, последовательный текстологический и исследовательский комментарий ко всем публикуемым работам должен сложиться в целостную картину бахтинских идей» [Бахтин 1996: 4].

Научный коллектив под руководством С.Г. Бочарова и В.В. Кожина «проделал серьезную работу, выявив, расшифровав и подготовив к публикации многочисленные тексты, фрагменты, рабочие записи и материалы, конспекты, сохранившиеся в архиве ученого» [Осовский 2021: 233]. Сначала вышел в свет пятый том. Это обусловлено рядом причин: большим объемом ранее не публиковавшихся текстов, относительной несложностью комментария и т. д.

Потом, в 2000 году, был издан второй том. Долгое время книга «Проблемы творчества Достоевского» была заслонена вышедшими в 1963 году «Проблемами поэтики Достоевского», и ее особая исторический и философский характер почти не привлекал внимание исследователей. Во втором томе Полного собрания сочинений Бахтина впервые исчерпывающе рассмотрена история создания «Проблем поэтики Достоевского» и дано описание конспектов, предназначенных для использования этой книге.

Во втором томе впервые публикуются записи лекций Бахтина по русской литературе, сделанные Р.М. Миркиной. В одной из лекций, посвященной вопросам о славянофилах и западниках, Бахтин говорил: «У западников не было глубины и цельности славянофилов, и теперь они умерли совершенно, между тем, как славянофилы имеют своих продолжателей в лице Вл. Соловьева, князя Трубецкого, Булгакова, Бердяева и поэта Сергея Есенина. Славянофильство – это значительное явление в истории русской мысли, тогда как западничество – мыльный пузырь, который ничего кроме фраз не создал и лопнул» [Бахтин 2000: 427]. Слова Бахтина свидетельствуют его близость к русским традициям. Через записи Миркиной мы видим яркое трехмерное изображение Бахтина.

В 2002 году вышел в свет шестой том, в основе которого – переработанная и расширенная редакция книги Бахтина о Достоевском и записи ученого 1960-х - 1970-х гг. Во второй редакции книги Бахтин отвечает на некоторые сомнения относительно полифонической теории. Так, Бахтин особо отмечает книгу В. Шкловского «За и против. Заметки о Достоевском», но в то же время указывает, что «Шкловского интересует не столько полифоническая форма Достоевского, сколько исторические (эпохиальные) и жизненно-биографические источники самого идеологического спора, эту форму породившего» [Бахтин 2002: 31].

В изданном в 2003 году первом томе публикуются ранние философские работы Бахтина, не печатавшиеся при жизни ученого. Четвёртый том состоит из двух частей. Он включает в себя разные редакции книги о Ф. Рабле и архивные материалы, связанные с ее историей. Работа над полным собранием сочинений Бахтина завершилась в 2012 году изданием третьего тома, в котором полно собрана бахтинская теория романа.

Авторы комментариев собрания сочинений – ряд видных ученых, таких как С.Г. Бочаров, В.В. Кожин, В.В. Ляпунов, В.Л. Махлин, С.С. Аверинцев, Л.А. Гогтишвили, Н.А. Паньков, И.Л. Попова.

Нужно отметить, что опыт комментирования текстов Бахтина нашел отражение в последующих работах многих вышеупомянутых исследователей (*Попова И.Л.* Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. М., 2009; *Попова И.Л.* Книга М.М. Бахтина о Рабле в контексте идей школы Фосслера (к постановке проблемы) // Новый филологический вестник. 2005; *Попова И.Л.* «Рабле и Гоголь» как научный сюжет М.М. Бахтина // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2009; *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М., 2009; *Гоготшивили Л.А.* Библер, Бахтин и проблема автора // Вопросы философии. 2008; *Махлин В.Л.* Бахтин и неокантианство (несколько подступов) // Неокантианство немецкое и русское. 2010.).

Завершение издания Полного собрания сочинений Бахтина вызвало положительную реакцию исследователей из всего мира. Они выбрали для размышления и оценки самый близкий себе по направлению том. Выход в свет Полного собрания сочинений Бахтина обозначает принципиально новый этап в русском и зарубежном бахтиноведении. Многогранное научное наследие Бахтина обрело необходимую системность и целостность.

Издание «Полного собрания сочинений Бахтина» – лишь часть его исследований. Прослеживание жизненного и творческого пути Бахтина тоже является важной задачей исследователей.

Изданная в 1993 году книга С.С. Конкина и Л.С. Конкиной «Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества»²¹ – первая биография М.М. Бахтина в России. В книге представлен ряд ранее неизвестных документов и архивных материалов, переданы впечатления от личного общения с Бахтиным, дано подробное описание

²¹ *Конкин С.С., Конкина Л.С.* Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 397 с.

трудных личных переживаний и истории сложного творческого пути ученого. Книга приближает читателей к Бахтину.

Большой вклад в изучение биографии Бахтина внес и Н.А. Паньков, обнаруживший и опубликовавший документы раннего периода, в частности, материалы витебского периода. Итогом долговременной исследовательской работы стал опубликованный в 2009 году фундаментальный труд «Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина»²².

Беседы Бахтина с литературоведом В.Д. Дувакиным также можно рассматривать как своего рода биографии Бахтина. Их беседы записаны на магнитофонную пленку в 1973 г. С 1990-х выходили публикации их разговоров. В 1996 году вышла в свет книга «Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным»²³. В беседах с Дувакиным Бахтин говорит о влиянии Вяч. Иванова на себя. Нужно отметить, что в знаменитой статье «Достоевский и роман-трагедии» Вяч. Иванов высказывает идею авторского утверждения в романах Достоевского Другого в качестве не объекта, а другого равноправного субъекта («ты еси»). Данная идея близка концепции полифонии Бахтина. Сам Бахтин в первой главе своей книги о Достоевском называет этот тип отношений «основной структурной особенностью художественного мира Достоевского» [Бахтин 2002: 10].

Через беседу Дувакина с Бахтиным В.Л. Махлин составил «другой разговор». В своей статье «Тоже разговор»²⁴ Махлин частично законспектировал беседу Дувакина и Бахтина, проанализировал академическую мысль Бахтина, добавил свои комментарии, и сформировал таким образом опосредованное

²² *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. Москва: Издательство Московского государственного университета, 2009. 719 с.

²³ *Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным.* Вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. Кожина. М.: Прогресс, 1996. 341 с.

²⁴ *Махлин В.Л.* Также разговор // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 3-45.

интервью с Бахтиным [Махлин 2004: 3-45].

Биографией Бахтина занимается и В.И. Лаптун. Ряд его работ посвящен анализу «саранского периода» жизни Бахтина²⁵. В этих работах представлены подробности пребывания Бахтина в Мордовском пединституте в 1936-1937 годах, детали его жизни в Саранске и его научно-педагогической деятельности.

В 1997 году был издан «Бахтинский тезаурус», который посвящен изучению терминологии и понятий Бахтина²⁶. Сборник состоит из трёх частей. В первой части Н.Д. Тмарченко собрал почти триста терминов, используемых Бахтиным. Тем не менее, некоторые исследователи считают данный словник не полным, указывая, что в нем отсутствуют такие термины, как «большое время», «археологический роман», «серьезно-смеховые жанры» и т. д. Во второй части основное внимание уделяется сравнению слова Бахтина в оригинале и в переводе и сопоставлению бахтинского понятия полифонии с центральным для православного христианства понятием соборности. В третьей части сборника русские исследователи пытаются пояснить бахтинские понятия «полифония», «диалог», «монолог». Они подвергают эти понятия активному толкованию, и изучают их функции в разных контекстах. Так, в статье «Полифония» Д.М. Магомедова сопоставляет все контексты употребления термина «полифония» и его производных («полифонический роман», «полифонический замысел»), выявляет семантические отношения между лексическими единицами, связанными с термином «полифония» и заново ставит вопрос о происхождении термина

²⁵ Лаптун В.И. М.М. Бахтин и А.А. Савицкий: годы совместной работы в Мордовском пединституте в 1945-1950 гг. // Центр и периферия. 2020. № 4. С. 86-93; Лаптун В.И. Первый приезд М.М. Бахтина в Саранск (1936-1937) // Невельский сб. Статьи и воспоминания. СПб., 1996. Вып. 1. С. 61-75; Лаптун В.И. К биографии М.М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 3. С. 76.

²⁶ Тмарченко Н.Д. (ред.). Бахтинский тезаурус: материалы и исследования [научного языка литературоведа и философа М.М. Бахтина]: сборник статей. М.: РГГУ, 1997. 183 с.

«полифония».

«Бахтинский сборник» – издание под редакцией В.Л. Махлина, посвященное анализу философского и филологического наследия Бахтина в русской и мировой культуре. В пятом выпуске сборника²⁷ собраны новейшие на тот момент результаты бахтиноведения в России и за рубежом. Эти работы отражают динамику восприятия научного наследия Бахтина за последние три десятилетия XX века.

Монография В. Линецкого «“Анти-Бахтин”– лучшая книга о Владимире Набокове» – это новое направление в бахтинском исследовании²⁸. Данная работа возникла «реальной почве бурной канонизации Бахтина». Очевидно, что к концепции Бахтина Линецкий высказывает критическое отношение. Исследователь хочет сделать вывод, противоречащий теории полифонии Бахтина на примере Набокова. В данной монографии тексты Набокова специально рассчитаны на деконструирование понятий, входящих в ряд «память – диалог – полифония – монограмма – хронотоп» и т. д.

Издательские проекты, посвященные М.М. Бахтину, способствуют не только российскому, но и зарубежному бахтиноведению. Так, после выхода в свет Полного собрания сочинений и биографии Бахтина, сразу началась работа по их переводу в Китае.

2.4. Четвертый этап рецепции теории полифонического романа М.М.

Бахтина: русское литературоведение последнего десятилетия

²⁷ Бахтинский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. В.Л. Махлин. М.: Языки славянской культуры, 2004. 632 с.

²⁸ Линецкий В. "Анти-Бахтин" - лучшая книга о Владимире Набокове. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 216 с.

В последнее десятилетие концепция полифонии Бахтина становится теоретической основой многих современных исследователей.

Современные русские исследователи активно и творчески используют концепцию полифонии Бахтина для анализа литературных произведений разных направлений. В её свете прочитывают произведения русской и зарубежной литературы (*Авраменко И.А.* Диалогические отношения в романе В. Вулф «На маяк» // *Мировая литература в контексте культуры.* 2012; *Харитонов О.А.* Теория полифонии в романной практике XX века // *Филологос.* 2016; *Дудина Т.П.* Семантический полифонизм «малой» драматургии Л. Толстого // *Филологос.* 2016; *Семенова Н.В.* Роман В. Набокова «Лолита»: «полифония» структуры и оценок // *Балтийский филологический курьер.* 2004; *Спиваковский П.Е.* Полифония у Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына // *Солженицынские тетради: Материалы и исследования.* 2014; *Кукуева Г.В.* Полифония в авторской речи рассказов В.М. Шукшина // *Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: Материалы II международной научной конференции: Алтайская государственная педагогическая академия.* 2014; *Кичева И.В., Локтионова В.Г., Страусов В.Н.* К вопросу о полифонии художественного текста Т. Толстой // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.* 2012; *Осипова О.И.* Повествовательная полифония в романе Г. Служителя «Дни Савелия» // *Научный диалог.* 2021; *Грачева Н.А.* Полифония в романе Ш. де Лакло «Опасные связи» // *Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: Статьи и материалы Седьмой Международной научно-практической конференции.* 2015; *Никитина Н.Ю.* Полифония в рассказах К. Паустовского // *От текста к контексту.* 2014; *Мороз О.Н.* Художественная полифония в романе Юрия Козлова «новый вор» // *Актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: Материалы Всероссийской научно-практической конференции.* 2021; *Игнатова*

С.А. Полифония и постмодернизм в романе У. Эко «Имя розы» // Общество. Среда. Развитие.2012).

Сферой интересов исследователей по-прежнему остаются поиски истоков идей Бахтина и анализ становления бахтинской концепции полифонии.

Л.А. Гогтишвили – автор большого количества работ, посвящённых изучению идей Бахтина. В статье «О возможном истоке полифонической идеи Бахтина» Л.А. Гогтишвили указывает, что «исток полифонической идеи может быть усмотрен в разработанном ранним Бахтиным первопринципе нравственной философии, а именно – в принципе абсолютного исключения себя из события бытия» [Гогтишвили 2014: 118].

В статье «Соотношение между полифоническим романом М.М. Бахтина и музыкальной полифонией (замечания к проблеме)» Гогтишвили отмечает, что создавая теорию полифонического романа, Бахтин ориентировался «в музыкальной сфере не столько на полифонию Баха, создавшую, скорее, предпосылки для воцарения монотональности, сколько на полифонию Шенберга, нацеленную на преодоление музыкальной монотональности, аналогичное преодолению монологизма в бахтинском полифоническом романе» [Гогтишвили 2019: 143].

О.А. Богданова в своих работах «анализирует процесс формирования достоевсковедения как науки и участие в нём Бахтина, выясняет философские и литературные предпосылки создания бахтинской теории полифонического романа» [Ма 2022: 106]. Богданова считает, что термин «полифония» впервые введён в литературоведческий дискурс не Бахтиным в книге о Достоевском (1929), а В.Л. Комаровичем в статье «Роман Достоевского “Подросток” как художественное единство» (1924). Отмечая различия в семантическом наполнении нового термина у Бахтина и Комаровича, Богданова пишет: «Если Комарович

воспринял «полифонию» в контексте отмеченной Христиансенем «телеологии» произведения связал её со «сверхэмпирическим» единством художественной структуры, то Бахтин принципиально противопоставил персонажное «многоголосие» авторской обобщающей воле и указал на несовместимость того и другого» [Богданова 2016: 220].

Актуальным остаётся вопрос, посвященное сопоставлению полифонической идеи Бахтина и других воззрений на творчество Достоевского. Так, например, в статье «А.З. Штейнберг и М.М. Бахтин. К истории идеи диалога» Л.Н. Столович отмечает общность между идеями диалогичности и полифоничности, имеющимися в книгах Бахтина и Штейнберга – «Проблемы творчества Достоевского» (1929) и «Система свободы Достоевского» (1923). Сопоставляя тексты двух книг, исследователь подчёркивает, что эти совпадения – «диалогизм Достоевского, сравнение его творчества с церковью и Данте, с музыкальной полифонией (у Штейнберга – с симфонией) – это та “общая территория”, на которой шло “сражение” принципов, происходила научная полемика, если угодно, диалог различных воззрений на творчество Достоевского, и на соотношение диалога и диалектики, на сущность самой диалектики» [Столович 2011: 20].

С концепцией Бахтина продолжают полемизировать некоторые исследователи.

Так, К.А. Степанян в монографии «Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени» анализирует понятия художественной полифонии, карнавала и «надъюрдического преступления» с обстоятельным учетом работ Бахтина по этим вопросам, при этом исследователь во многом полемизирует с концепцией Бахтина.

По поводу авторской позиции в романах Достоевского Степанян отмечает, что позиция писателя всё-таки проявляется, ссылаясь на работу американского

исследователя Дж.П. Сканлана, утверждавшего, что «философствование Достоевского является диалогическим по стилю и монологическим по существу» [Степанян 2016: 157]. Степанян предполагает, что отказ Бахтина от рассмотрения «содержательной глубины» произведений Достоевского был вызван не только «стремлением остаться в сфере чистой поэтики» и цензурными соображениями, но и особенным мировоззрением мыслителя, считавшего, что «альтернативой идеологическому гнету может быть только признание множественности равноправных истин» [Там же, с. 150].

В статье «Бахтин и Луначарский о публицистике Достоевского» И.Ф. Прийма изучает вопрос критического осмысления публицистики Достоевского в XX веке. Сравнивая подходы М.М. Бахтина и А.В. Луначарского, исследователь указывает уклоны обоих ученых: «Луначарский вместо объективного трезвого анализа стремится либо бросить тень на идеи Достоевского, либо заставить их служить собственной идеологии», а Бахтин совсем не принимает идеологический подход к Достоевскому, он игнорирует «Дневник писателя», в котором присутствует мощное авторское «я», и обвиняет всю литературу о Достоевском в том, что она «слишком непосредственный идеологический отклик на голоса его героев» [Прийма 2016: 30].

В современный период бахтинская концепция полифонии широко применяется не только в собственно филологических отраслях знания, но и во всей русской гуманитарной науке (*Александрова Е.А.* Полифония современной культуры: в поисках новых подходов к межконфессиональному диалогу // Актуальные проблемы социальной психологии: вопросы теории и практики: Сборник научных трудов / Московский государственный психолого-педагогический университет. 2012; *Крижевский М.В.* Неокантианские дискуссии в литературоведении: Б.М. Энгельгардт и М.М. Бахтин о романе Достоевского // Вопросы философии. 2010; *Тюна В.И.* Полифониярусской

эстетической мысли 20-х годов // Эстетическое самосознание русской культуры: 20-е годы XX века: антология / Российский государственный гуманитарный университет. 2003; *Есаулов И.А.* Полифония и соборность (М.М. Бахтин и Вяч. Иванов) // Бахтинский тезаурус: Материалы и исследования: сборник статей. 1997; *Иванова Е.М., Шурник Л.П.* Интерпретация концепции диалога-полифонии М.М. Бахтина как основание для трансформации традиционного диалога в полилог в современном обществе // Грамота. 2013).

Выводы по 2 главе

Если на первых двух этапах реципиентами полифонической теории были в основном исследователи Достоевского и теорию полифонического романа воспринимали вне контекста религиозно-философских идей Бахтина, то начиная с девяностых годов XX века к реципиентами полифонической теории присоединились философы и культурологи, внимание некоторых исследователей уделяется соотношениям между анализом поэтики Достоевского у Бахтина и религиозно-философскими идеями ученого. В работах ряда русских исследователей можно заметить попытку найти истоки бахтинской трактовки романов Достоевского в русской религиозной философии.

С наступлением нового века теория полифонического романа не утратила своей привлекательности. Многие современные исследователи выдвигают конструктивные идеи по поводу данной теории и расширяют сферу ее применения.

Научное наследие Бахтина имеет не только теоретическое, но и методологическое значение. Методологический подход Бахтина в интерпретации творчества Достоевского вызывает большой интерес у многих исследователей. Бахтинский диалогизм, сочетающий философский и литературоведческий анализ

проблемы, широко применяется в современных гуманитарных исследованиях.

Рецепция теории полифонического романа Бахтина в русском литературоведении продолжается и по сей день. Круг исследований русских ученых широк, но в то же время есть и некоторые пробелы в исследованиях. Так, Бахтин в своей книге анализирует способ, каким Достоевский оркестровал множество голосов, но не объясняет разрушительные элементы поэтики писателя. Исследователи полифонической теории также не обращает должного внимания на эти аспекты.

Глава 3. Рецепция теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском литературоведении(на материале творчества Ф.М. Достоевского)

Изначально Бахтин получил известность в Китае как автор книги «Проблемы поэтики Достоевского», что сформировало в глазах китайцев образ учёного как исследователя Достоевского. По мере расширения и углубления исследования Бахтин был принят как литературовед, эстетик, культуролог и философ. Процесс осмысления и принятия теории полифонического романа Бахтина в китайском литературоведении можно разделить на три этапа: 1980-е годы можно рассматривать как первый этап рецепции теории полифонического романа Бахтина в китайском литературоведении; 1990-е годы можно рассматривать как второй этап рецепции теории полифонического романа Бахтина в китайском литературоведении; третий этап рецепции теории полифонического романа Бахтина в китайском литературоведении начинается с 2000-х гг. и продолжается до наших дней.

3.1. 1980-е годы как первый этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском литературоведении

3.1.1. Первое знакомство китайских исследователей с М.М. Бахтиным как с исследователем творчества Ф.М. Достоевского

Первоначально имя М.М. Бахтина в сознании китайцев было неразрывно связано с именем Ф.М. Достоевского. Однако в процессе осмысления и принятия Китаем идей Бахтина, труды учёного становились всё более заметными и наконец заняли особо положение среди трудов других исследователей творчества Достоевского.

В 1981 году в Китае появился целый ряд исследований, приуроченных к столетней годовщине со дня смерти Достоевского. По этому случаю в журнале

«Советская литература» было переведено несколько романов Достоевского, опубликовано несколько рецензий китайских учёных на его творчество. Именно таким образом Бахтин впервые попал в поле зрения китайцев: о нём говорилось в двух статьях. Одной из них стала статья Ся Чжунъи «Искусство проникновения в душевные тайники (Рассуждения о художественном творчестве Достоевского)», которая была опубликована в первом номере журнала «Советская литература» за 1981 год. Отмечая, что произведения Достоевского превзошли западноевропейские психологические романы по степени проникновения в человеческую душу, Ся Чжунъи впервые в китайской печати упоминал так называемый «полифонический роман»: «В произведениях Достоевского всегда присутствует множество самостоятельных и неслиянных голосов, занимающих равноправные позиции и излагающих свою точку зрения. Раскольников, Иван Карамазов, Ставрогин, Версилов, все эти герои думают и действуют самостоятельно. Их голоса существуют вне сюжета и не зависят от мировоззрения самого автора. Некоторые исследователи начали рассматривать данную особенность романов Достоевского в качестве основной характеристики так называемого полифонического романа» [Ся 1981: 135].

Другая статья была написана Гуань Шанем под названием «Некоторые аспекты изучения творчества Достоевского» и опубликована в третьем выпуске китайского журнала «Исследования по зарубежной литературе» за 1981 год. В данной статье появились первые упоминания имени Бахтина и его книги «Проблемы поэтики Достоевского»: «В 20-х годах в Советском Союзе наблюдался подъём исследований творчества Достоевского, главным вдохновителем которого выступал Луначарский. Кроме него исследованиями в данной области занимались Жуков, Томашевский, Бахтин, Бердяев. <...> Перу Бахтина принадлежит труд «Проблемы творчества Достоевского» [Гуань 1981: 140].

Это самые ранние упоминания о Бахтине в китайских научных изданиях. До

этого оригиналы произведений Бахтина, конечно, имели хождение в Китае, но из-за ряда историко-культурных причин идеи ученого не были представлены. Именно с этого момента в Китае началось осмысление и принятие идей Бахтина.

Теория полифонического романа Бахтина изначально не была полностью признана. Так, в своей статье Ся Чжунъи, с одной стороны, утверждает, что использование форм, сходных с полифоническими формами такого музыкального произведения, как fuga, художественно обогащает роман, делая его гораздо более реалистичным, а с другой стороны, он подвергает это суждение сомнению, отмечая, что эта точка зрения на данный момент является спорной, так как традиционный роман в отличие от полифонического по крайней мере по форме обладает более законченной и целостной структурой, к тому же на сегодняшний день крайне трудно предположить, в каком именно направлении будет развиваться такая полифоническая форма, учитывая тот факт, что она появилась в конце XIX века и стала порождением последних дней царской России [Ся 1981: 135].

В Китае первыми реципиентами Бахтина стали исследователи творчества Достоевского. Представляя теорию Бахтина, они намеревались более глубоко изучить творчество Достоевского. Китайские исследователи не могли и предположить, что впоследствии Бахтин станет лидирующим теоретиком целого поколения. Сила влияния идей Бахтина превзошла ожидания самых первых исследователей.

3.1.2. Восприятие М.М. Бахтина как создателя теории полифонического романа

В 1980-х годах произведения Достоевского привлекли пристальное внимание китайских читателей и вызвали множество обсуждений. Всестороннее знакомство с творчеством Достоевского стало важной задачей китайских

исследователей. Они начали рассматривать больше количества точек зрения на творчество писателя. В процессе углублённого изучения творчества Достоевского китайские исследователи начали интересоваться теорией полифонического романа Бахтина, что позволило осознать уникальность идей учёного. Оценки теории Бахтина мы можем увидеть в работах таких исследователей, как Ся Чжунъи, Цянь Чжунвэнь, Лю Ху, Хэ Байхуа, Пэн Шэн и т. д.

В четвёртом номере журнала «Мировая литература» за 1982 год был опубликованы повесть Достоевского «Записки из подполья», статья Ся Чжунъи «Записки из подполья Достоевского и проблемы полифонической структуры романа» и перевод первой главы «Проблем поэтики Достоевского» под названием «Полифонический роман Достоевского и его освещение в критической литературе», сделанный Ся Чжунъи.

В статье «Записки из подполья Достоевского и проблемы полифонической структуры романа» Ся Чжунъи отмечает, что эта повесть действительно можно понимать двояко: с одной стороны, все суждения человека из подполья можно воспринимать как отражение мыслей самого автора, высказанных в форме монолога, в соответствии с таким пониманием «Записки из подполья» – только неудачная попытка осуществить политическую полемику и материалы оппозиционного характера; а с другой стороны, в полифоническом романе Достоевского действительно отражена идеология общества того времени, писатель создает совсем новую художественную концепцию, согласно которой мысли главного героя не следует приравнивать к идеям самого писателя, их необходимо рассматривать как проявление голоса, объективно существующего в реальной жизни, таким образом главный герой выступает в качестве самостоятельного голоса, отстаивающего отличную от автора позицию [Ся 1982: 111-112].

Согласно Ся Чжунъи, целью отделения идей писателя от идей героя стало

желание Бахтина защитить и оправдать позицию автора. Такое мнение встречается и у немалых последующих исследователей. Однако, такое понимание не соответствует смыслу Бахтина. Ведь с точки зрения самого Бахтина, теория полифонического романа «посвящена проблемам поэтики Достоевского и рассматривает его творчество только под этим углом зрения» [Бахтин 1997: 7]. Именно поэтому, раскрывая проблему полифонического романа, Бахтин в первую очередь рассматривает Достоевского как художника, а не как философа или публициста. Но благодаря статье Ся Чжунъи состоялось знакомство китайских читателей с теорией полифонического романа.

Цянь Чжунвэнь был первым исследователем, который дал относительно объективную оценку теории полифонического романа Бахтина. В своей статье «Полифонический роман и его теоретические аспекты как один из компонентов описательной теории Бахтина», опубликованной в 1983 году, он в основном соглашается с Бахтиным по поводу новой романной структуры, открытой Достоевским. По мнению исследователя, новаторство Достоевского заключается в том, что он обогащает искусство романа XIX века полифонической формой, усиливает субъективность персонажа и увеличивает открытость формы романа. Цянь Чжунвэнь подчёркивает, что полифония проявляется как в структуре романа, так и в героях, крайне нервных, болезненных, имеющих необычную участь. Но вместе с тем Цянь Чжунвэнь выступает против мнения Бахтина о том, что «полифонический роман весь сплошь диалогичен», что полифонический роман противоположен монологическому роману [Цянь 1983: 32-33].

Нужно отметить, что в статье Цянь Чжунвэня появилась и неправильная трактовка. Например, исследователь полагает, что в работах таких советских исследователей старшего поколения, как Шкловский, Гроссман и Кирпотин, уже говорилось о явлении полифонии, и была дана трактовка этих понятий, поэтому он видит заслугу Бахтина в обобщении их опыта и придании теории

полифонического романа достаточно законченного вида [Там же, с. 27].

В статье «Раздвоение сознания героев Достоевского» исследователь Лю Ху подтверждает уникальность концепции полифонии Бахтина, но в то же время он указывает, что Бахтин сосредоточен лишь на особенностях художественной структуры романов Достоевского. Исследователь подчёркивает, что односторонность Бахтина в определённой степени обусловлена тем, что он отошёл от изучения содержания произведения (темы, основной мысли и т.д.) в пользу изучения его структурной формы и не разрешил в должной мере проблему соотношения формы и содержания произведения. Он ставит перед собой цель восстановить связь между полифоническим романом и идейным содержанием произведений Достоевского. По мнению Лю Ху, если полифонизм рассматривается в качестве структурной особенности произведений Достоевского, то раздвоение сознания является особенностью идейно-тематического содержания произведения и порождает явление полифонизма. Лю Ху объясняет противостояние, возникающее между сознаниями разных героев в произведениях Достоевского, раздвоением личности самого писателя. Вопреки смыслу Бахтина, он пытается дополнять теорию полифонического романа идеологическими воззрениями автора [Лю 1985: 24-25].

Таким образом к середине 1980-х гг. статус Бахтина как создателя теории полифонического романа был утверждён. В последующее десятилетие некоторые китайские исследователи начали обращать внимание на различия между романом Достоевского и полифоническим романом, описанным Бахтиным.

Так, по мнению Цин Цзяна, создателем законченной формы полифонического романа был Бахтин, а не Достоевский, ведь именно Бахтин первым представил систематическое описание теории о полифоническом романе, взяв за основу творчество Достоевского. В своей статье «Интерпретация и новый взгляд – об идейном содержании произведений Достоевского» исследователь

излагает, что полифония, действительно, воплощается в произведениях Достоевского, но Достоевский жил во второй половине XIX века, из-за ограниченности своей эпохи ему трудно понять плюрализм в мировой культуре и диалогичность мышления, и тем самым создать совсем новый, открытый полифонический роман, а Бахтин, благодаря своему мощному теоретическому фундаменту и передовым идеям, обнаружил художественное своеобразие произведений Достоевского, выдвинул теорию полифонического романа, и показал миру новые аспекты творчества писателя [Цин 1995:105-106].

В работе Чэн Цзиньхай «Церковь и рай: теория полифонического романа как эстетическая теория» романы Достоевского были названы полифоническими романами «церковного» типа, а идеализированные модели Бахтина – полифоническими романами «райского» типа. Использование данных терминов продемонстрировало различие, существующее между романами, а также показало, что по мнению Чэн Цзиньхай, так называемый полифонический роман Достоевского не может считаться аналогом идеализированной модели Бахтина и является её воплощением только в некоторых аспектах. В работе Чэн Цзиньхай также выразилось несогласие с Бахтиным по поводу всесторонней диалогичности романов Достоевского и утверждалось, что эти произведения лишь отчасти являются диалогичными полифоническими романами [Чэн 2001: 71-74].

3.1.3. Дискуссия о самостоятельности героя произведения Ф.М. Достоевского в китайской критике

В феврале 1986 года в Шанхае состоялась I всекитайская конференция по творчеству Ф.М. Достоевского. При рассмотрении таких вопросов, как самостоятельность героев произведения Достоевского, характер отношений между автором и героем, а также вариативность идей М.М. Бахтина в разные

периоды, у китайских исследователей возникла горячая дискуссия. Некоторые из них критически отзывались об «односторонности» и «категоричности» теории Бахтина. Дискуссия продолжалась после завершения конференции.

Так, одни исследователи в лице Цянь Чжунвэня выступают в роли защитника бахтинской теории полифонического романа. Цянь Чжунвэнь отмечает, что с точки зрения отношений создавшего и созданного в процессе творчества автор – «Зевс», его герой обладает относительной самостоятельностью; а в пределах художественного замысла автор – «Прометей», его герой оторвался от автора-творца и приобрел свободу, автор не может его не уважать, в этом смысле герой и автор-творец равны между собой [Цянь 1987: 37-38].

Следует отметить, что Цянь Чжунвэнь разделяет концепцию полифонии Бахтина, но он не соглашается с преувеличением Бахтиным степени автономности героя в полифоническом романе, отмечая, что самостоятельность и индивидуальность героя произведения присущи не только полифоническому роману.

В отличие от Цянь Чжунвэня, который сосредоточен на художественном своеобразии произведений Достоевского, Сун Дату и Чжан Цзе обращают большое внимание на идеологию писателя [Сун 1987: 41-48; Чжан 1989: 37-44]. Они используют идею Бахтина об отношениях между автором и героем в качестве ещё одной трактовки идейно-философской позиции Достоевского. По их мнению, в романах Достоевского автор внешне никак не проявляет себя, он вкладывает свои идеи в уста героев, мысли, взгляды и идеи автора выражаются в признаниях, объяснениях и оценочных суждениях его героев [Там же]. Чжан Цзе подвергает сомнению самостоятельность героев произведения, ссылаясь на слова А.В. Луначарского [Чжан 1989: 40].

В интерпретации Сун Дату и Чжан Цзе концепция полифонии Бахтина

может быть выражена следующим образом: чем более скрыта идея писателя, тем лучше.

Аналогичное мнение встречается у Хэ Маочжэна. В статье «Теория полифонического романа Бахтина и эстетическая оценка произведений Достоевского» Хэ Маочжэн, с одной стороны, указывает, что данная теория имеет определенное значение не только для понимания художественного творчества Достоевского, но и для изучения творчества других романистов, а также для обогащения теории художественной литературы и литературной методологии; а с другой стороны он подчёркивает односторонность теории полифонического романа, отмечая, что Бахтин преувеличивает самостоятельность героев до такой степени, что он полностью отрицает решающую роль автора, а на самом деле идеологические взгляды Достоевского очевидны, просто писатель не выражает свои мысли прямо, а вкладывает их в уста героев [Хэ 1986: 72-77].

Хуан Мэй является представителем деконструкционизма. Она познакомилась с творчеством Бахтина по английскому переводу собрания сочинений Бахтина «The dialogic imagination by M.M. Bakhtin». Под влиянием англо-американского литературоведения и деконструкционизма у Хуан Мэй сформировалось собственное мнение при восприятии теории полифонического романа Бахтина.

В своей работе Хуан Мэй указывает на несоответствие идей Бахтина в разные периоды, рассматривает его как теоретика, подчёркивающего изменения и сомневающимся в выводах, и связывает идеи Бахтина с деконструктивизмом. По её мнению, теория Бахтина подчёркивает самодеконструктивные (self-deconstructive) моменты, в этом смысле лучше рассмотреть теорию полифонического романа как приём чтения, чем как теорию литературного творчества. Кроме этого, Хуан Мэй в своей работе выражает собственный взгляд на характер отношений между автором и героем, противоположный мнению Цянь

Чжунвэня. Она отмечает, что в книге «Слово в романе», написанную М.М. Бахтиным в 1934-1935 гг., такая лексика, как герой, самостоятельность героя, почти полностью отсутствует, и в этой книге Бахтин излагает, что игра условным автором или рассказчиком – чисто композиционный приём, в который входит и использование речей героев, поэтому относительно условного автора герой, конечно, обладает самостоятельностью, но если говорить, что мысли героев совсем отделяются от мыслей Достоевского, это просто невозможно. На взгляд Хуан Мэй, вопрос о характере отношений между автором и героем – только начало мышления Бахтина, а не вывод [Хуан 1989: 11].

Очевидно, что исследователь не совсем точно интерпретирует концепцию Бахтина, однако для китайских исследователей взгляды Хуан Мэй играют важную роль в дальнейшем восприятии идей Бахтина. Осознав, что теоретические достижения Бахтина не ограничены теорией полифонического романа, китайские исследователи начали всестороннее изучение его наследия. Таким образом, осмысление теории романа Бахтина 1930-х годов началось именно с Хуан Мэй.

Дискуссия о самостоятельности героя произведения Достоевского и характере отношений между автором и героем является одной из самых напряжённых в истории восприятия теории полифонии Бахтина в Китае. В процессе интерпретации полифонической теории произошло столкновение и переплетение большого количества разных мнений, что позволило китайским исследователям расширить границы её восприятия и углубить изучение творчество Достоевского.

3.1.4. Полифонический роман Ф.М. Достоевского в культурной парадигме «реализм – модернизм»

В 1980-е годы в Китае сосуществуют различные литературные направления.

Благодаря полифонической теории Бахтина «изучение связей Достоевского с реализмом и модернизмом стало чрезвычайно актуальной темой» [Цзэн 2004: 36].

Нужно отметить, что в книге «Проблемы поэтики Достоевского» М.М. Бахтин обобщает три особенности реализма Достоевского: «Во-первых, Достоевский считает себя реалистом, а не субъективистом-романтиком, замкнутым в мире собственного сознания; свою новую задачу – изобразить “все глубины души человеческой” – он решает “при полном реализме”... Во-вторых, Достоевский считает, что для решения этой новой задачи недостаточен реализм в обычном смысле... а требуется особый подход к “человеку в человеке”, оттесать реализм “в высшем смысле”. В-третьих, Достоевский категорически отрицает, что он психолог» [Бахтин 2002: 71-72].

Начиная с Ся Чжунъи, китайские исследователи обращали пристальное внимание на описанные Бахтиным три особенности реализма Достоевского. Китайские исследователи попытались рассмотреть творчество Достоевского, поместив его в культурной парадигме «реализм – модернизм».

Ся Чжунъи является сторонником реализма. По его мнению, в отличие от других писателей-реалистов XIX века, Достоевский сосредоточен не на том, кем является его герой в мире, а прежде всего на том, каков мир в собственном сознании героя, тем более, другие писатели стремятся описать людей, а Достоевский пишет об идеях, для этого необходимо свести авторское «я» к минимуму и объективно написать другое «я». Поэтому Ся Чжунъи приходит к выводу, что в полифоническом романе отсутствует субъективное и он является примером реалистической литературы [Ся 1982: 113].

Цянь Чжунвэнь делает акцент на первых двух особенностях реализма Достоевского. По его мнению, идея Бахтина, с одной стороны, имеет свою оригинальность, ведь полифонический метод позволяет заглянуть в глубину

человеческого духу и добиться реализма в высшем смысле, но с другой стороны, идея Бахтина не совсем объективна, поскольку он преувеличивает полифонический метод. Цянь Чжунвэнь считает, что и Толстой, и Достоевский достигли реализма в высшем смысле, просто один из них использует диалектику разума, другой препарировывает человеческую психологию [Цянь 1983: 33-35].

Приверженцы трансцендентализма в лице Лю Вэньсяо считает реализм Достоевского «идеальным реализмом». Исследователи утверждают, что сутью реализма Достоевского является поиск человека и познание человеческой души, и что в таком случае вполне допустимо называть такой реализм реализмом духовного мира, отделяя его тем самым от реализма, царящего в мире материальном. По мнению Лю Вэньсяо, такого рода реализм носит исключительно символический характер, он является признаком больших перемен в развитии реалистической литературы, признаком ее углубления и возвышения. Исследователь подчеркивает, что такая перемена столь же важная, как изменения, вызванные поэзией Бодлера в современной и новейшей поэзии [Лю 1989: 136-137].

После того, как китайские исследователи познакомились со взглядами западных модернистов, началось исследование связей Достоевского с модернизмом.

Так, Ван Шэнсы в своей работе «Модернизм Достоевского в романе “Преступление и наказание”» указывает, что в отличие от традиционных монологических романов, представленных в творчестве Толстого, романам Достоевского присущи черты модернизма, что позволяет считать полифонический роман представителем модернистской прозы. Причины формирования такой полифонической формы, по мнению исследователя, заключаются в противоречивости российского общества того времени. На взгляд Ван Шэнсы, уже во второй половине XIX века Достоевский предложил свой взгляд на общество в

форме литературы, а такая форма более доступна современному читателю, так как противоречие современного общества сложнее, чем во времена Достоевского, плюрализм и многообразие стали отличительными чертами современного мира [Ван 1986: 76].

Таким образом теория полифонического романа Бахтина широко цитировалась и «как теория, продолжающая традиции реализма Достоевского, и как теория трансцендентального направления, и как теория, впитавшая в себя дух модернизма. Эту особенность нельзя не отнести к высокой совместимости теории с разными литературными направлениями» [Цзэн 2004: 36].

3.2. 1990-е годы как второй этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском литературоведении

3.2.1. Восприятие теории полифонического романа М.М. Бахтина в аспекте нарратологии

По мере распространения идей формализма и нарратологии, которые сосредоточивают внимание исследователей на тексте, китайские ученые стали обращаться к рассмотрению структуры романов в свете тех точек зрения, с которых ведётся повествование. С 1990-х появился ряд статей и монографий, посвящённых изучению теории полифонического романа в аспекте нарратологии.

В работе Сяо Хэ «Текст. Автор. Герой. Исследование теории повествования Бахтина» рассмотрено отношение автора к герою в плане нарратологии. Сяо Хэ указывает на то, что М.М. Бахтин на полвека раньше французского литературоведа Ц. Тодорова исследовал отношение между автором и героем и в начале 20-х годов XX века уже выдвинул три общих типичных случая отношения автора к герою: «Первый случай: герой завладевает автором. Эмоционально-волевая предметная установка героя, его познавательно-этическая

позиция в мире настолько авторитетны для автора, что он не может не видеть предметный мир только глазами героя и не может не переживать только изнутри события его жизни. <...> Второй случай: автор завладевает героем, вносит вовнутрь его завершающие моменты. <...> Третий случай: герой является сам своим автором, осмысливает свою собственную жизнь эстетически, как бы играет роль» [Сяо 1994: 112].

Сяо Хэ сопоставляет типы повествования, выдвинутые Бахтиным и французскими литературоведами, и получает следующую схему:

Ж. Пуйон	Ц. Тодоров	Ж. Женетт	М. Бахтин
«Взгляд сзади»	Повествователь > персонаж (повествователь знает больше персонажа)	Повествование с нулевой фокализацией (focalizationzero)	Автор завладевает героем («всезнающее» повествование)
«Взгляд вместе»	Повествователь = персонаж (повествователь говорит только то, что знает персонаж)	Повествование с внутренней фокализацией (focalizationinterne)	Герой завладевает автором («ограниченное» повествование)
«Взгляд извне»	Повествователь < персонаж	Повествование с внешней	Автор и герой находятся в одном

	(повествователь говорит меньше, чем знает персонаж)	фокализацией (focalization externa 1)	плане повествования ²⁹
--	---	---	--------------------------------------

Сяо Хэ утверждает, что именно с опорой на эти типичные случаи отношения автора к герою Бахтин отличает полифонические романы Достоевского от монологических романов. Анализируя отношение автора к герою в аспекте нарратологии, Сяо Хэ отмечает большой вклад Бахтина в развитии теории романа.

В 1994 году увидела в свет монография Дун Сяоин «Ещё раз на Вавилонскую башню – М.М. Бахтин и теория диалога», в которой главное внимание уделено новой художественной позиции автора по отношению к герою – диалогической позиции [Дун, 1994]. По мнению Дун Сяоин, «диалоги» являются не только идейно-философской основой полифонического романа, но и необходимым формообразующим моментом полифонизма. В полифонических романах автор видит предметный мир лишь глазами героев. Автор рассматривает героев как равноправных собеседников, и точки зрения героев свободно раскрываются без завершающих авторских оценок. Каждое лицо независимо раскрывает и обосновывает свою правоту. Такой тип повествования позволяет читателям получить представление о точке зрения не только автора, но и героев.

Дун Сяоин подробно рассматривает две разновидности диалога,

²⁹ В таком случае, по мнению Сяо Хэ, дистанция между жизненным событием и эстетически оформленным миром другого сознания исчезает, вместо двух сознаний мы получаем одно и в результате создаётся произведение, имеющее уже внеэстетический, публицистический смысл — исповедь, обвинение, памфлет и т.п. Такой тип повествования не аналогичен типу повествования Ц. Тодорова «повествователь < персонаж» или типу повествования Ж. Пуйона «взгляд извне».

выдвинутые Бахтиным, – макродиалог и микродиалог.

В понимании макродиалога Дун Сяоин выделяет два аспекта – структурный и идеологический. Первый – структурный: в полифоническом романе Достоевского новая художественная позиция автора по отношению к герою – это осуществлённая в рамках всего произведения диалогическая позиция. Этот «большой диалог» присущ творческому процессу Достоевского в целом и реализуется в романе как необходимый формообразующий момент. Второй – идеологический: макродиалог – это диалог сознаний и мыслей, диалог человеческих культур. Диалогические отношения представляют собой широкое и универсальное явление, пронизывающее все отношения и проявления человеческой жизни [Там же].

При рассмотрении микродиалога Дун Сяоин тоже выделяет два аспекта. В первом случае исследователь исходит из того, что структурно микродиалог состоит из двух согласованных реплик. В романах Достоевского эти две реплики диалога, вместо того чтобы следовать друг за другом и произноситься двумя разными субъектами речи, накладываются друг на друга и сливаются в одно высказывание. Эти реплики идут в противоположных направлениях, сталкиваются между собой. Диалогическое столкновение уходит в структурные элементы речи. Диалог проникает внутрь каждого слова, и слово имеет двоякую направленность. Во втором случае микродиалог – это диалогизованный внутренний монолог героев. В нём все слова двуголосые, в каждом слове происходит спор голосов [Там же].

В монографии Дун Сяоин обсуждены еще такие вопросы, как «предпосылки диалогов», «принципы диалогичности», «диалогическое мышление Бахтина» и т.д. Дун Сяоин поставила перед собой цель восполнить пробелы теории диалога Бахтина и тем самым сделать её совершенной и практической системой.

Отличия метода Бахтина от биографическо-исследовательского метода, к которому мы уже привыкли, раскрываются Цянь Чжунвэнем в статье «Вопросы повествовательной конструкции полифонического романа». Пользуясь формально-структурным методом, исследователь уточняет, что важнейшим бахтинским понятием для изучения общественной жизни является «диалогизм», лежащий в основе его концепции полифонического романа [Цянь 1987: 37-38].

Ван Циньфэн в работе «Обновление времени в романах Достоевского», применяя аналитический метод структуралистской нарратологии, обнаруживает «возникновение полифонизма в отдельном голосе». Исследователь заявляет, что в произведениях Достоевского не только голоса персонажей вводятся в голос рассказчика, голос рассказчика также вводится в голоса персонажей. Согласно Ван Циньфэну, данная область исследования не могла быть замечена Бахтиным с той позиции, которую он сам занимал по отношению к полифоническому роману, ведь Бахтин анализирует отношения между повествовательным и персонажным дискурсом по тону, он обнаружил голоса персонажей в повествовательном дискурсе, но ему не удалось обнаружить структурного совпадения между этим двумя голосами в дискурсе персонажей, поэтому теория полифонического романа неизбежно имеет свои ограничения [Ван 1992: 86].

На этом этапе теория полифонии Бахтина способствовала исследованиям по нарратологии и эстетике романа, диалогизм Бахтина активизировал контргегемонистский и антидогматический дух свободы у китайских учёных-гуманитариев.

3.2.2. Восприятие китайскими исследованиями формы времени и хронотопа в полифонических романах Ф.М. Достоевского

Размышления Бахтина над понятием хронотопа продолжают долго. В

работу 1920-х гг. «Автор и герой в эстетической деятельности» включены главы «Пространственная форма героя» и «Временное целое героя». В 1930-х гг. помимо «Форм времени и хронотопа в романе», в которой разработана теория хронотопа, в работе «Роман воспитания и его значение в истории реализма» учёным обсуждается проблема форм времени и пространства в произведениях Гете. В работе 1940-х гг. «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» Бахтин подробно рассматривает хронотоп в произведениях Рабле. А в другой работы этого периода «Романи эпос (О методологии исследования романа)» ученый анализирует различия между романом и эпосом с точки зрения форм времени и пространства. В 1960-х гг. в переизданной книге о Достоевском Бахтин анализирует поэтику хронотопа в карнавальной литературе. В 1970-е гг. добавлена Бахтиным десятая часть работы «Формы времени и хронотопа в романе», в которой подчеркнута значимость понятия хронотопа.

В «Проблемах поэтики Достоевского» Бахтин излагает художественную концепцию времени и пространства Достоевского: «Достоевский почти вовсе не пользуется в своих произведениях относительно непрерывным историческим и биографическим временем, то есть строго эпическим временем, он “перескакивает” через него, он сосредоточивает действие в точках кризисов, переломов и катастроф, когда миг по своему внутреннему значению приравнивается к “биллиону лет”, то есть утрачивает временную ограниченность. И через пространство он, в сущности, перескакивает и сосредоточивает действие только в двух «точках»: на пороге (у дверей, при входе, на лестнице, в коридоре и т. п.), где совершается кризис и перелом, или на площади, заменой которой обычно бывает гостиная (зал, столовая), где происходит катастрофа и скандал. Именно такова его художественная концепция времени и пространства» [Бахтин 2002: 113].

В Китае восприятие теории хронотопа Бахтина и исследование времени и пространства в романах Достоевского приблизительно началось с 1990-х гг. По

сравнению с такими понятиями Бахтина, как «полифония», «диалог», «карнавализация», понятие «хронотоп» не подвергается в Китае подробному толкованию. В немногочисленных работах, посвященных изучению понятия «хронотоп», рассмотрены формы времени и хронотопа в романах Достоевского, отношения между бахтинскими понятиями «диалог», «полифония», «хронотоп».

В 1991 году исследователь Сяо Хэ первым представил бахтинскую теорию хронотопа в журнале «Советская литература»³⁰. В последующие десять лет он публиковал ряда статей на ту же тему. В 2016 году вышла в свет его монография «Поэтика художественного времени и теория хронотопа Бахтина»³¹, которая в настоящее время является единственной монографией по теории хронотопа в Китае. По мнению Сяо Хэ, хронотоп – один из самых центральных вопросов в теории романа Бахтина, он служит предпосылкой теории диалога и теории карнавала Бахтина.

В монографии «Ещё раз на Вавилонскую башню – М.М. Бахтин и теория диалога» Дун Сяоин упоминает о понятии хронотопа Бахтина, но она только дает обобщенное представление о данном понятии. Исследователь определяет хронотоп как пространство и время, в котором существует диалог.

Исследователь Тянь Юйин в своих работах³² не только подробно рассматривает теории хронотопа Бахтина, но и конкретно анализирует формы

³⁰ 晓河. 巴赫金的“赫罗诺托普”理论. 苏联文学联刊. 1991. 第1期. 79-86页. (Сяо Хэ. Теория хронотопа Бахтина // Советская литература. 1991. № 1. С. 79-86.)

³¹ 晓河. 艺术时间诗学与巴赫金的赫罗诺托普理论. 北京: 北京大学出版社. 2016. 共312页. (Сяо Хэ. Поэтика художественного времени и теория хронотопа Бахтина. Пекин: Издательство Пекинского университета. 2016. 312 с.)

³² 田右英. 巴赫金的小说时空体理论研究. 桂林: 广西师范大学. 2008. 共131页. (Тянь Юйин. Исследование теории хронотопа Бахтина. Гуйлинь: Гуансийский педагогический университет. 2008. 131 с.); 田右英. 时间形式的空间化. 作家杂志. 2008. 第3期. 160-161页. (Тянь Юйин. Пространственно-временные формы // Писательский вестник. 2008. № 3. 160-161.)

времени и хронотопа в романах Достоевского, солидаризируясь с мнением Бахтина. По мнению Тянь Юйин, органичное слияние времени и пространства порождает в романах Достоевского диалог, а цель диалога – рождение идей [Тянь 2008: 160]. Исследователь отмечает, что в романах Достоевского одно мгновение способно преодолеть линейное время и создать бесконечный простор, а люди, находящиеся в разных местах, могут сразу собираться в одно пространство, например, в романе “Идиод” за десяток часов собирается много людей и происходит много событий, разные герои одновременно присутствуют в одном пространстве, где происходит диалог и столкновение идей [Там же].

Пань Юэцин в статье «Исследование теории хронотопа Бахтина» отмечает значение особой постановки времени и пространства в романах Достоевского для развития сюжета и создания образа героя. Исследователь указывает, что Достоевский умеет максимально использовать случайность в рамках ограниченного времени, часто меняя пространство, в котором находится герой, и вовлекая его в разные события, что, несомненно, значительно ускоряет ритм произведения и держит читателя в напряжении. Тем более, по мнению исследователя, с самого начала произведения Достоевского намекается, что произойдет какое-то важное событие, и главный герой в самом начале находится в состоянии необъяснимого напряжения, по мере быстрого развития сюжета герой становится все более напряженным и параноидальным, конфликты между героями также обостряется [Пань 2005: 63].

В статье «Ещё раз об академической ценности теории хронотопа Бахтина» Сюе Гэньхуа выясняет значимость теории хронотопа в системе идей Бахтина. Исследователь отмечает, что в силу пространственно-временных различий между субъектами формируется позиция вневходимости, позиция вневходимости делает диалог между субъектами возможным, «диалог» служит основным принципом карнавального мышления, а полифонический роман Достоевского

берет свое начало от карнавальской культуры. Таким образом получится цепочка «хронотоп-внезаходимость-диалог-карнавализация-полифония», в которой «хронотоп» выступает именно как исходное понятие в системе идей Бахтина [Сюе 2018: 116].

Некоторые китайские исследователи применяют теорию хронотопа Бахтина к анализу литературного текста (*Лю Си. Пьесы Чехова в аспекте теории хронотопа // Журнал Цицикарского университета. 2013; Чжу Сюэфэн. Поэтика хронотопа в поздних беккетовских пьесах // обзор зарубежной литературы. 2011.; Чжан Юаньюань. Исследование формы времени и хронотопа в произведениях Х.Л. Борхеса. Ганьсу: Северо-Западный педагогический университет, 2008. и др.*). В общем, понятие «хронотоп» не активно применяется для интерпретации текстов литературных произведений.

3.2.3. М.М. Бахтин и формальная школа

В «Проблемах поэтики Достоевского» Бахтин пытается фокусироваться только на проблемах художественной формы романов Достоевского, оставляя в стороне связь между его мировоззрением и творчеством. Но в других трудах Бахтин несколько раз подчеркивает важность изучения идей автора для анализа формы литературного произведения. Так, в «Формальном методе в литературоведении» Бахтин отмечает, что нельзя исключить идейность и социальность из литературного исследования. Разделяя литературно-критический процесс на четыре части: литературное произведение, литературная ситуация, общая ситуация формы общественного сознания, ситуация общественной экономики, он подчеркивает, что надо обращать внимание на связь между всеми четырьмя частями. Создавая теорию полифонического романа, Бахтин сначала рассматривает произведения Достоевского в контексте литературного процесса

XIX столетия, а затем выявляет полифонический характер творчества Достоевского и описывает его генезис, восходящий к культурным явлениям античной мениппеи и средневековой карнавализации, далее он разбирает специфику карнавального мышления как культурного феномена, возникающего при резкой смене экономического уклада и, соответственно, изменения социально-общественных формаций. Бахтин возражает против точки зрения формализма и вульгарного социологизма, поскольку формализм остановил свою работу на литературной ситуации, нашёл связь между произведением и литературной ситуацией, а вульгарный социологизм игнорировал второе и третье звено и прямо искал связи первого звена с четвёртым (экономической ситуацией времени создания).

Наличие подобных противоречий вызывает у китайских исследователей большой интерес. Бахтин создал свою теорию в такой ситуации, в которой происходил какой-то диалог между ним и другими школами, среди которых главной была формальная школа. Китайские исследователи развернули дискуссию вокруг проблемы связи между Бахтиным и формальной школой.

Так, в статье «Литературность над формальностью: анализ критики русского формализма Бахтиным» Дун Сяо показывает, как Бахтин преодолел односторонность формальной «литературности» и творчески расширил представление о ней [Дун 2000: 10-13].

Исследователь Чжан Цзе называет бахтинскую теорию «целостной критикой», которая отличается от «частичных критик» в России и на Западе, учитывающих либо текст, либо автора, либо общественный контекст. Он полагает: «Бахтиным тоже было трудно не касаться мировоззрения автора при анализе конструкции полифонического романа. В нескольких местах своей монографии ему приходилось останавливаться на соотношении между мировоззрением автора и его творчеством. <...> В литературоведении он долго искал оптимальный путь,

на котором можно соединить марксистский метод с изучением художественной формы. Хотя в своём исследовании романов Бахтин делал упор на жанр, но его работа сочетала текст с точкой зрения автора, жанр с фоном общественной культуры, языковой символ с характером героя. Бахтин старался найти связь между ними» [Чжан 1996: 172-173].

В работе «Лицом к оригинальной экологии, просмотр больших направлений – о картине русской литературной теории двадцатых годов» Чжоу Цичао отмечает, что Бахтин находился с формальной школой в творческом диалоге, выступая по отношению к ней и оппонентом, восприимчивым к её достижения [Чжоу 2001: 76].

Таким образом китайские исследователи признают тесную связь между Бахтиным и формальной школой, но в то же время подчеркивают различия между ними.

3.3. Третий этап рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском литературоведении с 2000-х гг. до наших дней

3.3.1. Соотнесение между анализом поэтики Ф.М. Достоевского у М.М. Бахтина и культурно-философскими идеями учёного

С наступлением нового века восприятие научного наследия Бахтина в Китае углубилось. Появились работы, посвященные изучению теории полифонического романа Бахтина в культурно-философском аспекте.. Исследователи анализируют истоки полифонического романа Достоевского и его внутреннюю связь с карнавализованной литературой, рассматривают разработанные Бахтиным в ранних философских работах понятия «я», «другой», «диалог» как философское обоснование феномену творчества Достоевского, обсуждают несовместимость двух ключевых бахтинских понятий – «полифонии» и «внезаходимости».

В статье «Поэтика культуры М.М. Бахтина» Чэн Чжэнминь подчеркивает вклад учёного в открытие истоков полифонического романа и его внутренней связи с карнавализованной литературой. Исследователь указывает, что «Бахтин отмечает три основных корня романного жанра: эпический, риторический и карнавальный, в зависимости от преобладания какого-нибудь одного из этих корней формируются три линии в развитии европейского романа: эпическая, риторическая и карнавальная (между ними существует много переходных форм), а среди различных разновидностей карнавольной линии романа существует и разновидность «диалогическая», которая ведёт к полифоническому роману Ф.М. Достоевского» [Чэн 2000: 122-123]. Далее Чэн Чжэнминь объясняет, что для формирования этой разновидности определяющее значение имеют «сократический диалог» и «Мениппова сатира», эти два жанра принадлежат к области серьёзно-смехового, особенность всех жанров серьёзно-смехового – злободневная современность, нарочитая многостильность и разноголосность, все жанры серьёзно-смехового проникнуты специфическим карнавальным мироощущением и духом равноправного диалога [Там же].

Чэн Чжэнминь считает, что Достоевскому была хорошо знакома и близка карнавализованная литература и карнавализованная литература оказала большое влияние на творчество писателя.

В работе начала 1920-х годов «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин обсуждает отношения между «я» и «другим». Бахтинские высказывания об отношениях «Я-Другой» связаны китайскими исследователями с его анализом поэтики Достоевского.

Так, в работе «Об отношениях между “я” и “другим” в теории диалога Бахтина» Гу Цянь отмечает, что разработанные Бахтиным понятия «я» и «другой» являются ключевыми для объяснения поэтики Достоевского, отношения «Я-Другой» могут рассматриваться как эквивалент отношений между автором и

героем, в этом смысле автор является псевдонимом Я, а герой является псевдонимом Другого [Гу, 2005].

Чжоу Цичао считает, что литературоведческое исследование Бахтина опирается на его философские идеи, что разработанное Бахтиным в ранних философских работах понятие «диалог» даёт философское обоснование феномену творчества Достоевского. Чжоу Цичао обращает особое внимание на многозначность концепции полифонии Бахтина. В статье «Полифония» он отмечает, что теории литературы полифония выступает как жанровая характеристика романной формы; в философии определяет отношения различных субъектов, находящихся в состоянии «нераздельности-неслиянности»; в культурологии характеризует равноправный диалог взаимного познания, взаимного действия и взаимного дополнения [Чжоу 2002: 80].

По мнению Чжан Кайяня, теория полифонического романа сложилась у Бахтина как система в процессе анализа романов Достоевского, однако данная теория представляет собой не столько результат оценки романов Достоевского, сколько следствие «встречи» философии и этики Бахтина с поэтикой писателя [Чжан 2000: 46].

По мысли Чжан Сумэй, Бахтин выдвигал теорию полифонического романа, рассматривая, каким образом жанровые особенности произведений Достоевского помогают выявить их смысл, понять его героев, но данная теория уже распространялась за пределы художественного мира Достоевского, в наше время полифоническое мышление можно рассмотреть как вид мышления, который может быть использован человеком в ходе познания мира [Чжан, 2006].

По мере углубления изучения идей Бахтина несовместимость двух ключевых бахтинских понятий – «полифонии» и «внезаходимости» – вызвала у китайских исследователей большой интерес.

Понятие «внеаходимость» выдвигается Бахтиным в его ранних работах. По мнению учёного, человек ориентируется в мире, воспринимая свой образ глазами другого, в «моём» сознании «другой» выступает в роли той инстанции, которая конституирует «мои» представления о себе. Бахтин объявляет «внеаходимость» основным принципом эстетического видения.

Важно отметить, что Бахтин применяет понятие «внеаходимость» для литературоведческого исследования. Он указывает, что в художественных произведениях автор находится вне героя, и позиция «внеаходимости» автора порождает авторский «избыток видения» по отношению к герою, благодаря этому избытку видения автор может создать образ целого героя, события и завершённое литературное произведение.

Изучая творчество Достоевского, Бахтин подчёркивает, что его герой не является лишь моментом самореализации автора, писатель даёт героям самим высказать себя и своё видение других людей, он строит свои отношения с героями на равных. Опираясь на произведения Достоевского, Бахтин развивает диалогическую концепцию. В диалогийно-полифоническом произведении понятие позиции «избытка видения» автора по отношению к герою заменена понятием «диалогическая позиция».

Такое изменение, по мнению Лун Юйся, может рассматриваться не столько как противоречие идей Бахтина, сколько как развитие его идей, потому что идея «внеаходимость» послужила основанием для возникновения теории полифонического романа [Лун 2010: 152-158]. В статье «Возникновение теории полифонического романа: идея внеаходимость Бахтина и его культурная поэтика» Лун Юйся отмечает, что из позиции избытка видения автор способен собрать «разбросанную» натуру героя в целое, показать его окружение – людей, вещи, природные ландшафты, и дать представление о его внешности, рисовать его портрет, но из позиции «внеаходимости» автор с трудом показывает внутренний

мир героя, поскольку духовный мир людей в большой степени невидим, исследуя произведения Достоевского, в которых большое внимание обращено на внутренний мир героев и глубокое познание их психики, Бахтин нашёл новую позицию автора по отношению к герою – диалогическую позицию [Там же, с. 155].

Таким образом с нового века китайские исследователи начали рассматривать соотношение между анализом поэтики Достоевского у Бахтина и культурно-философскими идеями учёного. Различные толкования полифонической теории появляются в силу её богатства и сложности – она шире проблем типологии романа Достоевского, поскольку имеет отношение не только к поэтике и проблеме литературных жанров, но и к философии и основам гуманитарных наук.

3.3.2. Изучение связи идей Бахтина с контекстом русской религиозной традиции

При работе над данным разделом были использованы материалы моей публикации «М.М. Бахтин как носитель русской традиции: современное восприятие идей Бахтина в Китае» (Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 2. С. 359-370.)

В современный период китайские исследователи заинтересовались связями идей Бахтина с русской религиозной традицией, в частности с идеей соборности. Отображение соборности также находят как в поэтике, так и в идеях Достоевского.

Так, некоторые исследователи «рассматривают полифонический роман как порождение соборной православной культуры» [Ма 2022: 364]. В статье

«Соборность в творчестве Ф.М. Достоевского» Чжан Цзе отмечает: «Бахтин определил роман Достоевского как полифоническую художественную структуру, но сознательно избежал ее религиозных источников, а в действительности глубинная причина формирования художественной структуры полифонического романа заключается именно в сознании соборности писателя» [Чжан 2010: 73].

Гуань Юеэ в статье «Православная концепция “соборность”: с точки зрения полифонического романа и теории структурной поэтики» указывает, что «исток полифонической идеи Бахтина может быть усмотрен в принципе соборности и общинной культуры, потому что в основе соборности лежит свобода и единство в множестве, и в полифонических романах “соборность” проявляется в том, что “множественность равноправных и неслиянных голосов и сознаний сочетается в единство некоторого события”, сохраняя свою самостоятельность» [Гуань 2018: 57].

Следует особо отметить исследования Ван Чжигэна, перу которого принадлежит ряд работ, посвященных изучению идей Достоевского и Бахтина в русской национальной культуре. По мнению исследователя, соборность – это единство при большом разнообразии, два основных элемента соборности – «свобода» и «любовь», многоголосность Достоевского глубоко укоренена именно в русской духовной культуре, а бахтинская концепция полифонии родственна идее православной соборности.

Анализируя влияние соборности на творческое сознание Достоевского, Ван Чжигэн подчёркивает, что «в художественном мире Достоевского существует как взаимное, так и единое пространство, основанное на любви, что делает возможным свободу личности, а свобода может быть основана только на соблюдении заповедей, и только такая свобода значимая» [Ван 2003: 113].

По мнению Ван Чжигэна, «если Достоевский высказывает свои мысли о

соборности в созданном им художественном мире, то Бахтин создает единое диалогическое пространство, в котором каждый имеет единственное время и место и каждый отвечает другим с того единственного места-времени, которое он занимает в бытии. Если в диалоге какой-то голос абсолютно авторитетен, и тем самым всевластно определяет и уродует другие голоса, то этот диалогический мир становится механическим и мертвым, поэтому единое диалогическое пространство Бахтина возникает только в процессе взаимного общения» [Ма 2022: 364].

По мнению некоторых китайских исследователей, даже бахтинская интерпретация феномена карнавала обусловлена «парадигмой христианской культуры, и в частности, русско-византийской, где шутовство могло принимать формы юродства как одного из канонов святости» [Ма 2022: 364].

Сун Чуньсян в работе «Религиозный аспект феномена карнавала: исследование теории карнавала Бахтина» связывает юродство как феномен русской культуры с карнавальным комизмом, указывая, что «несмотря на чёткую разницу между юродством и карнавальным шутовством бахтинский карнавал вбирает в себя оба начала», что заметна общность святого дурака и карнавального шута как литературных образов [Сун 2008: 138-139].

Исследователь Чжоу Вэйчжун подчеркивает близость амбивалентности карнавала и свойств двух природ Христа. О возможности этого сближения свидетельствует его статья «Амбивалентность карнавала и две природы Иисуса Христа». В статье исследователь отмечает: «Одной из основных черт карнавала Бахтин считает амбивалентность, вся символика карнавала основывается на принципе амбивалентности: все вариации карнавального “ада” амбивалентны; карнавальный смех сугубо амбивалентен; гротескные образы строят двутелое тело... Бахтинская идея о амбивалентности карнавала, скорее всего, истекает из представления о соединении двух природ в

одной Личности Христа» [Чжоу 2008: 122].

Немало китайских исследователей сравнивают идеи Бахтина с западной философией. Заметив существенные различия между идеями Бахтина и западной философией, они пришли к выводу, что идеи Бахтина имеют русско-православный характер.

Так, исследователь Чжан Синь отмечает, что Бахтин «наследовал основные идеи русской религиозной философии, в то же время заметил “недозрелость” и непоследовательность русского философствования, поэтому он принял терминологию и аналитизм формы изложения, которые будут более понятны и приняты на Западе» [Ма 2022: 366]. Однако, по мнению Чжан Синь, нельзя считать Бахтина мыслителем западного типа, поскольку «западная Европа уделяет большое внимание разработке логического способа познания и рациональности, и игнорирует отношения между людьми, в западной культуре подчёркивается монологичность западного сознания, тема личного героизма находит широкое отражение в западной литературе» [Чжан 2008: 281].

В работе «Влияние русской религиозной философии на создание теории романа Бахтина» Чжан Синь обсуждает влияние русской религиозной философии на нравственную философию Бахтина, излагает истоки и процесс формирования теории полифонического романа и теории диалога Бахтина. Исследователь рассматривает «Другой-для-меня» Бахтина как «конкретизацию идеи соборности, отмечая, что в полифонических романах Достоевского, где диалогическая позиция осуществлена до конца произведений, отношения «Я-Другой» могут рассматриваться как эквивалент отношений между героем и автором» [Ма 2022: 366].

Сяо Цзиньюй в монографии «Металингвистика М.М. Бахтина» высказывает мнение о том, что «существование человека, жизнь по Бахтину – это постоянное

общение, диалог, не только внешне выраженный, но и внутренний, не прерываемый никогда и смертью Другого» [Ма 2022: 366-367]. Автор убедительно пишет о том, что «для Бахтина особой значимостью обладает Другой, независимая личность, в общении с которой имеют место не только согласие, но и несогласие (однако не догматическое), не только понимание, но и непонимание (однако не категоричное)» [Сяо 2007: 2]. Автор также отмечает, что «если для Г. Гадамера важно «что» говорить, то для Бахтина, российского мыслителя, значителен акцент на том, “кто говорит” и “кому” предназначена диалогическая речь» [Там же, с. 3].

Цзи Минцзюй подчёркивает русскость Бахтина как мыслителя, полагая, что он вбирал в себя дух русской нации.

В работе «М.М. Бахтин и славянофильский характер его теории» Цзи Минцзюй отмечает: «В своих концепциях Бахтин развивает идею диалога как основы бытия, где отношения взаимности, обращенности, участия являются необходимыми признаками человеческого существования. Бахтин обращает особое внимание на взаимозависимость и взаимосвязь между людьми. В его понимании само бытие человека – это непрерывный диалог с Другим» [Цзи 2008: 52-53]. По мнению исследователя, «идеи Бахтина имеют сходство с философскими взглядами славянофилов, которые ценят соборное объединение личности, и резко контрастируют с экзистенциальным взглядом на другость... в полифонических романах Достоевского Бахтин нашел открытые для разных людей христианские церкви, там есть грешники и праведники, нераскаянные и раскаявшиеся, осужденные и спасенные, там происходит “общение неслиянных душ”» [Ма 2022: 367].

Тем более, Цзи Минцзюй анализирует связь культурологических идей Бахтина с русской традицией. По его мнению, Бахтин увлекается идеей народности, обращает большое внимание на национальную культуру, эстетические идеалы и образ мышления народов, и стремится слиться с народной

толпой. Бахтинская идея о народности, как отмечает Цзи Минцзюй, берет своё начало от идей славянофилов.

Таким образом, немало китайских исследователей связывают идеи Бахтина с русской традицией и православием, с идеей соборности. Это объясняется тем, что «концепция “соборность” имеет сходство с китайским коллективизмом. В Китае коллективизм имеет глубокие исторические корни. Социально-экономическая автономность в Древнем Китае определила особый вид коллективизма – добровольный коллективизм, который оформился не в результате давления надстройки общества во имя блага общества, а как выражение доброй воли индивидов, их потребности в эмоциональной сплоченности. Поэтому китайским исследователям не трудно принять концепцию соборности» [Ма 2022: 368].

3.3.3. Попытка китайских исследователей найти полифонию у китайских писателей

3.3.3.1. Изучение полифонии в произведениях китайской классической, реалистической и модернистской литературы

При работе над данным разделом были использованы материалы моей публикации «Китайская литература в аспекте полифоничности» (Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 287-290.)

По мере распространения теории полифонического романа Бахтина в Китае исследователи пытаются найти полифонию у китайских писателей.

Многие исследователи предпринимают попытку найти полифонию у писателей классической литературы. Они прочитывают произведения классической литературы в свете теории полифонического романа Бахтина (Бао Юэ. Многоголосие мира – первоначальное исследование диалогичности романа «Сон

вкрасной тереме» // Чжэцзянское издательство. 1999; Чжан Юэшэн. Повествовательная структура и культурная полифония романа «Речные заводы» // Исследование романов Мин и Цин. 1993; Чжао Яньцю. Полифонизм в романе «Сон в красном тереме» // Журнал Иянского педагогического университета. 2002; Цинь Чжаохуэй. Роман «История Инбин» в свете теории полифонического романа Бахтина // Преподавание и управление. 2005; Чжоу Цюлян. Феномен полифонии в «Ляо-чжай-чжи-и» // журнал Чуаньшань. 2005.)

Таким образом, возникает вопрос: насколько применима теория полифонического романа к китайской литературе?

На наш взгляд, теория полифонического романа более применима к анализу произведений современной и новейшей китайской литературы, которые отвечают бахтинскому условию «равноправного диалога». В китайских классических романах «автор управляет героем и является всезнающим. Идеи автора становятся суждениями героя, и автор имеет привилегию на единственную точку зрения. Можно сказать, что почти все произведения китайской классической литературы являются монологическими, в них отсутствует равноправие между позициями автора и героев, отсутствует и столкновение разных голосов» [Ma 2022: 287].

Немало китайских исследователей считают, что полифоничность свойственна произведениям основоположника современной китайской литературы Лу Синя и современного писателя Мо Яня. Большое количество работ посвящено изучению полифонизма в творчестве этих двух писателей (*Янь Цзянь. О полифонических романах Лу Синя* // Издательство Пекинского университета. 2011; *У Сяодун. К вопросу о полифонизме в романах Лу Синя от первого лица* // Литературное обозрение. 2004; *Ян Сяньцзянь. Микродиалог и макродиалог: сравнение двух типов полифонических произведений (на примере рассказа Лу Синя «Одинокий человек» и романа Юй Хуа «Братья»)* // Литература Аньхой. 2007; *Пэй Чжэн, Цзи Хунчжэнь. Еще раз об искусстве полифонии в «Дневнике*

сумасшедшего» // Серия исследований современной китайской литературы. 2019; Хоу Синьянь. Феномен полифонии в «Дневнике сумасшедшего» // Литература Цзяннань. 2011; Чжоу Вэньвэнь. Анализ полифонии «Скорби по ушедшей» // Литературная жизнь • Вэнь Хай И Юань. 2013; Ван Вэнь. О диалогичности романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» // Литературная жизнь • теория литературы. 2013; Чжан Лин. Полифония и диалог в романах Мо Яня: исследование структурных особенностей романов Мо Ян // Вестник Цзяньханьского университета. 2010; Лю Гуаньюань. О повествовательной полифонии в романах Мо Яня // Вестник Шэньянского педагогического университета. 2007.).

Действительно, «бахтинское понимание полифонии во многом актуально для произведений Лу Синя и Мо Яня. Диалогизм оказывается важным приёмом, с помощью которого они придают своему произведению многогранность и многоголосость» [Ма 2022: 287].

Лу Синь – один из первых последователей Достоевского в Китае. «Идеи Достоевского оказывают большое влияние на творческие искания Лу Синя. В своём творчестве Лу Синь, как и Достоевский, стремится к изображению человеческой души, он хочет излечить “болезненные явления” в китайском обществе» [Ма 2022: 288].

Многие произведения Лу Синя обладают полифоническими свойствами. Полифонические особенности произведений Лу Синя проявляются в разных аспектах.

Так, герои Лу Синя «имеют нерешённую мысль, они напряжённо думают о жизни, о любви, о прогнившем обществе, о спасении людей. Они колеблются в выборе ответов на эти вопросы. Внутреннее раздвоение героев раскрывается во внутренних диалогах» [Ма 2022: 288].

«Перенесение слов из одних уст в другие, где они, оставаясь содержательно

теми же, меняют свой тон и свой последний смысл, – основной приём Достоевского» [Бахтин 2002: 241]. Данный приём использует и Лу Синь. Например, в «Записках Цзюань-шэна» и «Дневнике сумасшедшего» большое место «занимают двуголосое слово и скрытая полемика. Разговаривая с другим, главный герой всегда старается угадать мысли другого, наблюдать за его реакцией, и тем самым даёт свой ответ. В самосознание героя проникает сознание другого о нём, и в связи с этим речь героя имеет двойное направление» [Ма 2022: 288].

Для произведений Лу Синя «характерно явление контрапункта. Именно контрапункт приводит к диалогам между разными сознаниями и мыслями. Однако из-за небольшого объёма произведений голосов-сознаний обычно бывает немного» [Ма 2022: 288].

Синхронность как одна из важных черт полифонических произведений по Бахтину характерна для творчества Лу Синя. Иногда Лу Синь не выясняет логическую связь между прошлым и будущим, а позволяет читателям оставаться в одном и том же временном интервале и видеть больше за ограниченное время.

На вопрос о будущем у Лу Синя нет однозначного ответа. Например, в предисловии к «Дневнику сумасшедшего» говорится об излечении героя от своего сумасшествия. Он выздоровел и стал таким же, как все. Своё прошлое состояние он сам уже оценивает как сумасшествие. То есть герою, по сути, не удалось спастись: он сам стал одним из «людоедов». Хотя повесть заканчивается горьким и преисполненным надежды призывом: «Может, есть ещё дети, не евские люди? Спасите детей!» [Лу 1973: 291]. Будут ли спасены «дети», будет ли спасён мир? Этот вопрос остаётся открытым.

Таким образом нетрудно заметить влияние Достоевского на творчество Лу Синя. Но в отличие от Достоевского, Лу Синь «не даёт длинных диалогов, не описывает природы, большая часть его произведений ведётся от первого лица, и

количество персонажей бывает меньше. Как основоположник современной китайской литературы, Лу Синь мастерски показывает развитие самосознания героев, живущих в полуколониальном и полуфеодальном обществе, открывает их сложный внутренний мир, и раскрывает самые насущные проблемы своего времени» [Ма 2022: 288].

В современной китайской литературе творчество Мо Яня уникально. Писатель раскрывает сущность и глубину души персонажей, его творчество напоминает «лабораторию человеческих душ». По признанию самого писателя, при написании романов часто бывает, что герой доминирует над самим автором.

В отличие от героев Достоевского, многие герои Мо Яня – крестьяне, простые рабочие, необразованные женщины, они не способны разглагольствовать. Поэтому в произведениях китайского писателя микродиалог и скрытая полемика занимают важное место. Диалогические отношения бывают в каждом выражении, в каждом переживании.

Творчество Мо Яня «свойственны “многопланность” и “многоголосость”. В его романах существует явление контрапункта, и эти отношения контрапункта имеют более сложный характер, чем в произведениях Лу Синя» [Ма 2022: 288].

Приведем в пример роман «Устал рождаться и умирать», где диалогическая позиция автора по отношению к героям осуществляется на разных уровнях.

В структурном аспекте диалог «выступает в качестве основного писательского приёма Мо Яня и остаётся в романе как необходимый формообразующий момент. В идеологическом аспекте диалог происходит между разными сознаниями, мыслями и судьбами героев. В романе самые важные философские вопросы, взгляды героев на жизнь и любовь, двойственность внутреннего мира героев раскрываются в диалогах. Здесь не только внутренний конфликт героя между борьбой и смирением, противостояние единоличника Лань

Ляня и общества в целом, противопоставление женщины-ангела и женщины-демона, но и конфликт между разными поколениями» [Ма 2022: 290].

В романе «Устал рождаться и умирать» автор «не осуждает своих персонажей, и не оправдывает их. Они поступали так, как хотели, как получалось. Здесь человек остаётся человеком в хорошем и плохом смысле этого слова. Автор не осуждает новое время. Обнаружив многочисленные злоупотребления, скрытые под оболочкой экономического бума, он испытал надежду на эту новую эпоху. Также, как и Бахтин, на вопрос о будущем Мо Янь не даёт однозначного ответа» [Ма 2022: 290].

Таким образом мы согласны с мнением китайских исследователей о том, что произведениям китайских писателей Лу Синя и Мо Яня присуща полифоничность. «Полифонические особенности их произведений проявляются в следующих аспектах: во-первых, в этих произведениях нет абсолютного суда над героем, изложение героями их идей не менее убедительно, чем авторская их оценка; во-вторых, в душе героя постоянно ведётся напряжённая борьба, автор мастерски открывает сложный внутренний мир героя; в-третьих, голоса-сознания героев находятся в состоянии равноправного диалога, сам диалог представляет собой источник бесконечной художественной глубины; в-четвёртых, в речи героя присутствует чужое слово» [Ма 2022: 290].

3.3.3.2. Распространение китайскими исследователями теории полифонии М.М. Бахтина на драматургию

При работе над данным разделом были использованы материалы моей публикации «Возможности применения теории полифонии М.М. Бахтина к анализу драматических произведений» (Litera. 2022. № 10. С. 156-166.)

В «Проблемах поэтики Достоевского» М.М. Бахтин возражает против

мнения А.В. Луначарского о том, что Шекспир является предшественником Достоевского в области полифонии. Согласно Бахтину, полифония и сценичность исключают друг друга. Он объясняет: «Подлинная многопланность разрушила бы драму, ибо драматическое действие, опирающееся на единство мира, не могло бы уже связать и разрешить её. В драме невозможно сочетание целостных кругозоров в надкругозорном единстве, ибо драматическое построение не даёт опоры для такого единства» [Бахтин 2002: 23].

Бахтинские высказывания о драме вызывают сомнение у многих китайских исследователей. Они находят в утверждениях Бахтина спорные моменты, отмечая, что романам Достоевского свойственна сценичность, но это не препятствует полифоническому многоголосию произведений писателя. Китайские исследователи считают возможным применить теорию полифонии к драме, в частности, к новой драме, в которой все действующие лица оказываются уравненными в своих правах. При этом ещё некоторые исследователи не совсем точно интерпретируют концепцию полифонии Бахтина. Они рассматривают многолинейную, многотемную драму как полифоническую.

Так, в статье «Полифонизм и Шекспир» Ван Яоцзинь «анализирует явление контрапункта в шекспировских драмах, отмечая, что драма Шекспира строится на основах художественного контрапункта, это и есть многоголосие, которое раскрывает многообразие жизни. Исследователь выясняет социально-исторические причины многоголосия Шекспира и объясняет, что полифонизм произведений Шекспира и Достоевского во многом обусловлен противоречиями эпохи» [Ma 2022: 158].

По нашему мнению, трудно согласиться с соображениями Ван Яоцзиня. Во-первых, «объективная сложность, действительно, оказывает особое влияние на творчество Шекспира и Достоевского, но она не служит определяющим моментом формирования новой художественной формы. Как отмечает Бахтин, “новые

формы художественного видения готовятся медленно, веками, эпоха создаёт только оптимальные условия для окончательного вызревания и реализации новой формы». Во-вторых, нельзя ставить знак равенства между контрапунктом и многоголосием. Контрапункт, может, приводит, к более конкретным отношениям диалогов, а может, и нет. Например, в драме «Король Лир» существует явление контрапункта, но между персонажами и их мирами нет равноправных диалогических отношений. В ней только полноценный голос главного героя, все другие герои предстают в его восприятии» [Ма 2022: 158].

Есть еще мнение о том, что по мере развития драматургии «новая драма» Чехова преодолевает монологическое единство мира и становится многомирной.

Так, Лю Юэ в своей статье «Анализ полифонии драматического произведения А.П. Чехова “Чайка”» указывает: «В “Чайке” нет абсолютного главного героя, каждое лицо независимо раскрывает и обосновывает свою правоту, автор не имеет привилегию на единственную точку зрения. Кроме того, в своей пьесе Чехов пытается смягчить сюжет и выделить философские конфликты. <...> Он стремится к раскрытию психологии персонажей и изображению переплетения и столкновения разных идей. <...> Таким образом, «Чайке» присущ полифонизм» [Лю 2018: 61].

Чжу Яньян и Фэн Юнь в статье «Многоголосие жизни: “Вишнёвый сад” в свете теории полифонии Бахтина» отмечают: «В “Вишнёвом саде” бывают самые разные персонажи: помещики-дворяне Раневская и Гаев, представитель капиталистического класса Лопахин, представители молодого поколения Аня и Петя, а также слуги с разными характерами. Каждый персонаж свободно высказывает свою точку зрения. Всё произведение представлено как своеобразная симфония» [Чжу, Фэн 2013: 127].

Действительно, у Чехова специфический диалог в драмах. Как и герои

Достоевского, чеховские герои глубоко одиноки. Разговаривая между собой, они говорят только о чём-то своём, в результате чего диалоги превращаются в монологи отдельных персонажей. Немирович-Данченко писал про «подводное течение» в драмах Чехова, когда персонажи не до конца выражают свои мысли в диалоге, который может оборваться или кончиться непониманием. В этом новаторство Чехова. Но драма Чехова «далеко не полифоническая: в драмах Чехова авторская позиция очевидна, герои предстают перед нами завершёнными авторским сознанием. В пьесе “Чайка” автор передаёт свои взгляды на театр и новые формы в искусстве именно устами Треплева. А в пьесе “Вишнёвый сад” автор чётко показывает, что гибель дворянского класса была исторически закономерна. Тем более, хотя в пьесах Чехова диалог между героями незавершен, и никто из героев “не знает настоящей правды”, но сам вывод о его незавершённости всё равно является “завершённое авторское мнение”» [Ма 2022: 161].

Особое внимание китайских исследователей уделяется и драматическим произведениям Цао Юя.

Цао Юй начал свой творческий путь тогда, когда Китай находился в полном хаосе: народ страдал от внутренних проблем и внешних войн, столкновение феодализма и национального капитализма стало действительно сложным. Цао Юй весьма пронизательно отметил изменения вокруг: «В эти годы я бродил по этому причудливому миру, видел много страшных демонических лиц, переживал столь ужасные вещи. Я никогда не забуду этих впечатлений: они отчаянно бросаются на меня, обжигают моё сердце» [Цао 2004: 381]. В своих драматических произведениях Цао Юй отражает переломную эпоху страны, показывает столкновение двух миров: уходящего и нарождающегося.

Ранние драмы Цао Юя рассматриваются некоторыми китайскими исследователями как полифонические.

Так, в работе «Анализ полифонии ранних драматических произведений Цао Юя» Хуан Сюелин указывает, что ранним драмам Цао Юя свойствен диалогизм. Исследователь анализирует большой диалог драмы Цао Юя в её целом и внутренний диалог героев, отмечая, что в этих произведениях диалог имеет не только противоречивый характер, но и унисонный характер [Хуан, 2001].

В статье «Полифонизм в драмах Цао Юя» Го Хуайюй отмечает, что драма Цао Юя отнюдь не однозначна, в своих драмах Цао Юй показывает стремление найти ключ к тайнам вселенной и тоску по неспособности получить ответ» [Го 2009: 68].

Нужно отметить, что Цао Юй создаёт ряд ярких женских персонажей, которые обладают сложными и противоречивыми характерами. Так, например, героиня «Грозы» Фань-и изнеженная, спокойная, но в то же время в ней есть некая первобытная дикость. В её душе горит стремление к свободе. Фань-и мучит внутренний конфликт между горячей любовью к пасынку Пину и осознанием безнравственности такой любви, между жаждой личной свободы и бессилием в борьбе со страшной действительностью. Героиня «Восхода солнца» – проститутка Бай-лу восторженная, яркая, но в то же время печальная, подавленная. В душе героини борются честь и порок, жалость и равнодушие. Бай-лу радуется солнцу, весне. Но осознав, что солнца ей не принадлежит, она кончает свою жизнь самоубийством.

Несомненно, что модель мира Цао Юя – не одно монологическое целое, а вселенная, распавшаяся на множество отдельных «кусков». Диалогизм оказывается важным способом, с помощью которого Цао Юй раскрывает тайны вселенной. В ранних драматических произведениях Цао Юя мысли и эмоции героев обнаруживаются в диалогах с другими. Однако, в произведениях Цао Юя аваторская позиция очевидна: она выражена крайне трагическим финалом.

С 1980-х гг. начинается небывалого расцвета китайской литературы, её золотой век. Китайская драматургия вступает в новый этап своего развития. В поле зрения зрителей начинают попадать экспериментальные драмы Гао Синцзяня.

На взгляд Гао Синцзяня, «полифоническое мышление может быть использовано в построении драматических произведений. Часто бывает, что в его пьесах многие персонажи говорят одновременно, с разной громкостью и высотой звука. Гао Синцзянь стремится придать своим произведениям многоголосость не только “по форме”, но и “по смыслу”» [Ма 2022: 161]. С помощью диалогов героев поднимаются самые разные проблемы. Каждый герой свободно высказывает своё мнение об этих проблемах. Автор не осуждает кого бы то ни было, он как бы отстраняется.

«Драматические опыты Гао Синцзяня привлекают интерес современных китайских исследователей. Одни считают, полифония придаёт драме Гао Синцзяня особую уникальность, а другие подвергают сомнению экспериментальные драмы Гао, отмечая, что его драматические опыты совсем неудачны [Ма 2022: 162]. Так, известный китайский критик Лин Кэхуань говорит: «В конце пьесы “Автобусной обстановки”, когда семь исполнителей говорят одновременно, зрители слушают только шум, а не так называемый “многоголосие”» [Лин 987: 35].

По нашему мнению, Гао Синцзянь «употребляет термин “полифония” в более общем значении, основанном на толковании музыкального термина. Хотя экспериментальные драмы Гао Синцзяня не являются очень зрелыми, но они, безусловно, способствуют развитию творческих идей современных китайских драматургов» [Ма 2022: 162].

По мысли Бахтина, полифония романа Достоевского «проявляется на всех

его уровнях: во внутреннем диалоге героя, в большом диалоге романа в его целом, в диалогической позиции автора по отношению к героям, в двуголосном слове» [Ма 2022: 162]. А в вышеупомянутых драматических произведениях «полифония» проявляется не в таком же полном смысле, который приписывает роману Ф.М. Достоевского Бахтин, и голоса персонажей не полностью отвечают бахтинскому условию автономии. Поэтому трудно согласиться с тем, что теория полифонии применима к этим драматическим произведениям.

Выводы по 3 главе

Теория полифонического романа Бахтина – одна из важнейших литературоведческих теорий XX века в Китае.

Сначала проникновение теории полифонического романа Бахтина в Китай значительно повлияло на активизацию исследований творчества Достоевского. Бахтин и его полифоническая теория стали неисчерпаемым полем деятельности для исследователей писателя. Обсуждения вокруг проблемы «Достоевский – Бахтин – полифонический роман» способствовали углублению исследований романов Достоевского и восприятию полифонической теории Бахтина. Со временем китайские учёные осознавали значимость теории полифонического романа не только для изучения творчества Достоевского, но и для обычных литературных исследований. С наступлением нового века теория о полифонической природе романа привлекла учёных, занимающихся зарубежной и китайской литературой. Она постоянно применяется в интерпретации литературных текстов.

Под влиянием русских исследователей китайские исследователи начали искать истоки идей Бахтина. Многие из них связывают идеи Бахтина с русской традицией и православием. Исследования китайских исследователей «по этому

направлению сосредоточены на разных аспектах: одни обсуждают влияние соборности на творческое сознание Достоевского, структуру художественных произведений и полифонические идеи Бахтина, другие пишут о карнавале как о русском культурном феномене у Бахтина, третьи говорят о христианской антропологии и психологии в творчестве Бахтина, и четвёртые делают сравнительный анализ Бахтина как носителя русской философской традиции и западной философии» [Ма 2022: 359].

Сегодня Бахтин известен уже не только среди исследователей Достоевского и бахтинистов, но и во всей китайской литературно-художественной среде. Книга Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» стала важным пособием в некоторых университетских курсах по теории литературы. По поводу научного наследия Бахтина был написан ряд магистерских и кандидатских диссертаций. Можно сказать, что за последние 40 лет китайские исследователи добились больших успехов в изучении идей Бахтина.

Россия в прошлом веке претерпела большие изменения. Сходной была ситуация в Китае в XX веке. Возникает вопрос, почему в России появился Бахтин, а в Китае не появился сопоставимого с ним мыслителя? Трудно объяснить это, но, на наш взгляд, существуют и религиозные, и культурные причины.

На протяжении тысячелетий конфуцианство глубоко укоренилось в китайском обществе. Одной из основных черт конфуцианства является продвижение в обществе иерархического порядка. Поэтому эстетика традиционной китайской культуры характеризуется тишиной и спокойствием. Под влиянием традиционной культуры китайские интеллигенты более склонны к конформизму, чем к прорывам и инновациям. Более ста лет китайские исследователи изучают японские, европейские, американские и русские теоретические концепции литературы, но не создают своих собственных оригинальных. Вот что мы заметили в процессе изучения рецепции теории

полифонического романа Бахтина.

Глава 4. Сопоставление рецепции теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском и русском литературоведении(на материале творчества Ф.М. Достоевского)

4.1. Процесс первого осмысления теории полифонического романа М.М. Бахтина в китайском и советском литературоведении

Первое осмысление теории полифонического романа Бахтина в советском литературоведении сложилась из нескольких объемных (А.В. Луначарский, И. Гроссман-Рошин) и небольших (Н.Я. Берковский, А.Л. Бем, П.М. Бицилли, Р.В. Плетнев и др.) рецензий, опубликованных после выхода в свет «Проблем творчества Достоевского».

Интерес к данной книге и в целом бахтинской теории полифонического романа продолжался недолго. С начала 1930-х гг. до середины 1950-х гг. появилось мало работ, посвященных «Проблемам творчества Достоевского» и теории полифонии. Но благодаря публикации рецензии А.В. Луначарского в разных изданиях Бахтин еще находился в поле зрения советских литературоведов. Как один из первых редакторов «Проблем поэтики Достоевского Л.А. Шубин отмечает, что долгие годы, когда Бахтин «был “отлучен” от литературы и книга его стала библиографической редкостью, статья Луначарского была почти единственным источником информации о книге» [Шубин 1965: 80].

В Китае восприятие теории полифонического романа М.М. Бахтина начало распространяться гораздо позже, чем в России, – только с начала 1980-х гг. Почему китайские исследователи так поздно заметили теорию Бахтина?

В Китае рецепция теории полифонического романа Бахтина тесно связана с процессом восприятия творчества Ф.М. Достоевского.

Осмысление творчества Достоевского в Китае началось в 1920-х годах. Изначально китайские исследователи рассматривали только те произведения

Достоевского, центральной идеей которых являлись переживания и размышления на тему «бедных людей», поскольку эти труды отвечали духовным требованиям того периода.

С 40-х гг. до второй половины 70-х гг. XX в. количество китайских исследований, посвященных творчеству Достоевского, намного сократилась. На это повлиял ряд исторических событий: война с японским захватчиком, создание КНР, культурная революция. В частности, во время культурной революции большинство произведений Достоевского было включено в список «реакционных» романов. В библиотеках находилась лишь малая часть трудов Бахтина, и мало кто интересовался его идеями.

После культурной революции в Китае сложилась более свободная атмосфера. С 1980-х годов наступил новый этап осмысления творчества Достоевского в Китае. Произведения Достоевского снова оказались в центре внимания китайских исследователей и вызвали активную полемику. Всестороннее знакомство с творчеством Достоевского и рассмотрение большего количества точек зрения на его творчество стало важной задачей китайских исследователей. В процессе углублённого изучения творчества Достоевского китайские исследователи начали интересоваться теорией полифонического романа Бахтина. Именно с тех пор Бахтин стал входить в поле зрения китайских исследователей.

Как только познакомились с теорией полифонического романа Бахтина, Китайские исследователи быстро отреагировали и провели большое количество исследований. До сих пор теория полифонического романа Бахтина остаётся важной теоретической основой для исследований творчества Достоевского.

В процессе восприятия китайскими исследователями идей Бахтина русские исследователи играют ведущую роль. В начале изучения теории Бахтина китайские учёные опираются на работы А.В. Луначарского, В.В. Кожина, В.Л.

Махлина и др.

4.2. Изменение фокуса внимания китайских и русских исследователей на разных этапах восприятия теории полифонического романа М.М. Бахтина

4.2.1. Осмысление русскими и китайскими исследователями роли автора в полифоническом романе Ф.М. Достоевского

Как только познакомились с теорией полифонического романа Бахтина, и китайские исследователи, и русские исследователи сосредоточились на главном тезисе данной теории – принцип равноправия автора и героя. Нужно отметить, что обсуждение данного вопроса в русском литературоведении продолжается действительно долго.

В России после публикации первой редакции книги «Проблемы поэтики Достоевского» уже в оценках ряда исследователей сложилась «парадигма возражений» (С.Г. Бочаров) против бахтинской мнения о равноправии автора и героя. В сборнике 1959 года «Творчество Достоевского» основная масса исследователей возражают против бахтинской концепции романов Достоевского. Ситуация не изменилась и по отношению к второй редакции книги Бахтина о Достоевском. В последние десятилетия к дискуссии присоединились некоторые современные исследователи. Можно сказать, что большинство русских исследователей выступают против мнения Бахтина о роли автора в полифоническом романе.

Русские исследователи, которые не разделяют концепции полифонии Бахтина, в основном исходят из того, что в полифонических романах Достоевского авторское сознание все-таки играет решающую роль, и авторская позиция очевидна: автор был проводником христианских истин.

Еще некоторые исследователи видят в катастрофе определяющий для поэтики романов Достоевского фактор, полагая, что в «Проблемах поэтики Достоевского» Бахтин оставил без внимания эту область и тем самым сделал неправильный вывод о поэтике писателя.

Так, В.Л. Комарович в своей статье отмечают функцию катастрофы в структуре романов Достоевского и решающую роль автора: «Ни сам герой, ни владеющая им “идея” не замыкаются у Достоевского в “самосознании” героя, якобы изолированном от авторской оценки; нет, герой и идея в основном сохраняют свою окончательную завершенность (и, соответственно, авторскую оценку) в совершенно иной сфере, в сферехудожественно-объективных событий – катастроф. <...> важнейшая функция катастрофы в “романной структуре” Достоевского – другая: катастрофа у Достоевского вовсе не “взаимодействие сознаний”, а результат, итог этого взаимодействия и в этом смысле – завершающая оценка или указание на конечный вывод автора» [Исупов 2001: 207].

Немногочисленными сторонниками концепции полифонии Бахтина являются П.М. Бицилли, Р.Г. Назиров, Н.К. Бонецкая. Нужно отметить, что в научном творчестве Р.Г. Назирова можно наблюдать изменения его отношения к концепции полифонии Бахтина. Если в первой статье по этой проблеме Назиров ещё критически относится к бахтинской концепции романов Достоевского, делая попытку «совместить “указующий авторский перст” с изображением сознания героев, когда достигается равновесие между “самораскрытием героя и обнаженной авторской позицией”» [Данилин 2009: 152], то в статье «Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (К концепции полифонического романа)», опубликованной в 2005 г., Назиров уже принимает главный тезис концепции полифонии Бахтина. При этом Назиров отмечает, что «равноправие героя и автора у Достоевского избирательно», «в равноправном диалоге с автором участвуют только герои-идеологи» [Назиров 2005: 135].

Концепция полифонии Бахтина в Китае, сравнительно с Россией, была более положительно принята.

Согласно исследователю Ся Чжунъи, который первым представил китайским читателям теорию полифонического романа, целью Бахтина отделить идеи писателя от идеи героя стало желание защищать и оправдать позиции автора. Исследователь отмечает, что согласно новой художественной концепции мысли главного героя не следует приравнять к идеям самого писателя, их необходимо рассматривать как проявление голоса, объективно существующего в реальной жизни, главный герой выступает в качестве самостоятельного голоса, отстаивающего отличную от автора позицию, а писатель описывает идею, но не выражает своего отношения к ней [Ся 1982: 111].

В представленном Ся Чжунъи описании присутствуют неточности: здесь Достоевский был представлен как реалист в марксистском понимании этого слова. Такого рода толкование объясняется тем, что в начале 1980-х гг. Китай испытывал необходимость в восстановлении идей марксистской теории реализма и воссоздании поэтики китайского реализма.

Интерпретация Ся Чжунъи оказывает определенное влияние на последующих исследователей. Сун Дату и Чжан Цзе являются «последователями» идей Ся Чжунъи. Во второй половине 1980-х гг. появилось немало работ, авторы которых разделяют бахтинское мнение о равноправии автора и героя в полифонических романах Достоевского. Представителем «сторонника» Бахтина стал Цянь Чжунвэнь. Это было связано с тем, что во второй половине 1980-х гг. интерес китайских исследователей к творчеству Достоевского значительно возобновился. Анализ поэтики писателя, проведенный Бахтиным, отличается от суждений ряда советских исследователей большой оригинальностью. Поэтому теория полифонии Бахтина привлекла внимание многих китайских исследователей. Тем более тогда в китайском литературоведении и литературной

критике доминировал анализ поэтики китайского реализма, с преобладанием значения идеологического содержания произведения над его художественной формой, но в конце 80-х XX века ей уже был брошен вызов. Полифоническая теория Бахтина построена именно на анализе художественной формы романов Достоевского. Поэтому презентация данной теории отвечает потребностям трансформации дискурса литературной критики Китая, произошедшая в конце 80-х - начале 90-х гг. XX века.

По мере проникновения структурной поэтики в Китай с 1990-х гг. китайские исследователи начали изучать отношения между автором и героем в романах Достоевского в аспекте нарратологии. На этом этапе сторонниками концепции полифонического романа Бахтина можно назвать исследователи Сяо Хэ, Дун Сяоин и т. д.

В новом веке вопрос об авторской позиции в полифонических романах Достоевского рассматривается с новой точки зрения в Китае. Некоторые исследователи уделяют внимание разработанным Бахтиным в ранних философских работах понятиям «я» и «другой», считая, что отношения «Я-Другой» могут рассматриваться как эквивалент отношений между автором и героем в полифонических романах Достоевского, в этом смысле автор является псевдонимом Я, а герой является псевдонимом Другого.

Таким образом дискуссии по вопросу об авторской позиции в полифонических романах Достоевского в Китае длились сравнительно недолго, и противников было меньше.

4.2.2. Использование бахтинской теории полифонии для анализа литературного наследия XX-XXI вв.

Хотя рецепция теории полифонического романа в русском

литературоведении началась рано, но, казалось бы, лишь в последние десятилетия русские исследователи начали активно применять бахтинскую концепцию полифонии для анализа разных литературных произведений. В её свете русские исследователи прочитывают произведения русской реалистической, модернистской и постмодернистской литературы, а также произведения зарубежной литературы (В.В. Набоков, А.И. Солженицын, В.М. Шукшин, Т.Н. Толстая, Ю.В. Козлов, К.Г. Паустовский, У. Эко, Ш. де Лакло и др.).

По сравнению с русскими исследователями китайские исследователи быстрее стали применять теорию полифонического романа для интерпретации литературных текстов. В последние десятилетия с помощью теории полифонии они анализируют классическую и современную прозу и поэзию, разные драматические произведения (Цао Сюэцинь, Лу Синь, Шэнь Цунвэнь, Мо Янь, Цюй Юань, Шу Тин, Цао Юй, Ф. Кафки, Милан Кундера, Кэндзабуро Оэ и др.).

«Полифония» также рассматривается китайскими и русскими исследователями как особый режиссёрский метод [Вевер, 2006; Гамидова, 2009; Ли, Линь, 2008; Ни, 2019].

Нужно отметить, что по сравнению с русскими исследователями некоторые китайские исследователи слишком свободно порой трактуют манифестированный Бахтиным ряд понятий и терминов. Собственно это и нарочито звучит в работах, которые посвящены анализу полифонии в классической китайской прозе, поэзии и разных драматических произведениях.

Причины, по нашему мнению, заключаются в следующем:

Во-первых, в Китае перевод книги «Проблемы поэтики Достоевского» вышел в свет в 1988-ом году. Перед этим китайские исследователи познакомились с теорией полифонического романа Бахтина главным образом по сделанному Ся Чжуньи переводу первой главы из книги «Проблемы поэтики

Достоевского». Одностороннее знакомство с творчеством Бахтина приводит к неточному или неправильному пониманию его теории полифонического романа.

Во-вторых, в Китае принят такой стиль мышления, который называется холистическим. Важная черта древнекитайской философии – холизм. Древние китайцы предпочитают рассматривать мир и составляющие его части как «целостную структуру», в которой дао (то, что рождает вещи) и ци (мать духа), инь (женская земная сила) и ян (мужская небесная сила), у-син (пять элементов: вода, огонь, дерево, металл и земля) находятся в гармоническом единстве.

Холистическое мышление, бравшее начало тысячи лет назад в древнем Китае, оказывает большое влияние на китайцев. Например, на рубеже XX-XIX вв., когда китайский народ столкнулся с вторжением западных держав, представитель «движения по усвоению заморских дел» Чжан Чжидун выдвинул концепцию «чжунсюэ вэй ти, сисюэ вэй юн» («китайские национальные науки должны быть в качестве основы, а западные – для применения, практики»). Вместо того, чтобы сосредоточиться на больших контрастах между западным и китайским учением, Чжан Чжидун старался объединить конфуцианство и западное в единую систему.

Под влиянием холистического мышления китайские исследователи стараются найти общую точку между произведениями китайской литературы и полифоническим произведением, описанным Бахтиным. Но иногда они игнорируют коренные различия между выбранными произведениями и подлинной полифонией, в результате чего толкования некоторых исследователей не совсем точно соответствуют замыслу создателя теории полифонического романа.

И китайские, и русские исследователи уделяют особое внимание творчеству таких писателей, как В.В. Набоков и А.И. Солженицын, отмечая, что их творчеству присущ полифонизм.

1) Достоевский и Набоков

Понимание Набоковым и Бахтиным творчества Достоевского существенно различается.

Так, Набоков критикует Достоевского за то, что в его романах нет развития характеров, нет становления духа. А Бахтин считает, что «основной категорией художественного видения Достоевского было не становление, а сосуществование и взаимодействие», Достоевский «видел и мыслил свой мир по преимуществу в пространстве, а не во времени» [Бахтин 2002: 36].

Набоков замечает, что в романах Достоевского «отсутствуют описания природы, как и вообще всё, что относится к чувственному восприятию» [Набоков 2010: 174]. А по мнению Бахтина, это совсем не ослабляет очарования художественного мира Достоевского, способность писателя видеть все в сосуществовании и взаимодействии делает его «слепым и глухим к очень многому и существенному», но в то же время обостряет «его восприятие в разрезе данного мгновения и позволяла увидеть многое и разнообразное там, где другие видели одно и одинаковое» [Бахтин 2002: 38].

Набоков критикует Достоевского за то, что он описывает только «пейзаж идейный, нравственный» [Набоков 2010: 174]. А Бахтин видит в этом достоинства Достоевского: «идея в его творчестве становится предметом художественного изображения, а сам Достоевский стал великим художником идеи» [Бахтин 2002: 96].

Бахтин отмечает, что «герой Достоевского не объектный образ, а полновесное слово, чистый голос», романы Достоевского насыщены длинными диалогами [Бахтин 2002: 63]. Это служит тому, чтобы герои свободно высказывали свои мысли. А Набоков заявляет, что романам, состоящим в основном из диалогов или публицистических комментариев, абсолютно отказано в месте на его прикроватном столике.

Набокова особенно раздражает эпизод чтения Раскольниковым и Соней Евангелия. По его мнению, Раскольникова и Соню невозможно сравнивать: «Убийца и блудница за чтением Священного Писания – что за вздор! Здесь нет никакой художественно оправданной связи» [Набоков 2010: 182]. А Бахтин, подчёркивая внутреннюю связь полифонического романа Достоевского с карнавализованной литературой и менипповой сатирой, своеобразно трактует этот эпизод: «знаменитая сцена первого посещения Сони Раскольниковым является почти завершённой христианизированной мениппеей: острые диалогические синкрисы (веры с неверием, смирения с гордостью), острая анакриса, оксюморные сочетания (мыслитель – преступник, проститутка – праведница), обнажённая постановка последних вопросов и чтение евангелия в труппной обстановке» [Бахтин 2002: 175].

Бахтин подчёркивает вклад Достоевского в открытие новой – полифонической – формы романа. А Набоков считает, что автор, как единственный создатель своего художественного мира, имеет привилегию на единственную точку зрения: «замысел романа прочно держится в моем сознании, и каждый герой идет по тому пути, который я для него придумал. В этом приватном мире я совершеннейший диктатор, и за его истинность и прочность отвечаю я один» [Набоков 2018: 14].

В настоящее время пока трудно найти данные, чтобы судить о взглядах Набокова на теорию полифонического романа Бахтина, но нетрудно заметить, что творческая манера Набокова в определённой степени противоречит полифонической теории Бахтина. Несмотря на это некоторые русские и китайские исследователи настаивают, что произведения Набокова имеют полифонические признаки.

Так, по мнению китайского исследователя Сунь Юньши, хотя Набоков много критиковал Достоевского, но художественные приёмы, используемые

обоими писателями, похожи. Исследователь полагает, что теория полифонического романа Бахтина также применима к Набокову. В своей работе «Проблемы поэтики Набокова» он сопоставляет явление контрапункта в романах Достоевского и Набокова, выявляет карнавальный характер романов Набокова, анализирует диалогичность слово у Набокова [Сунь, 2010].

Как самый спорный роман Набокова, «Лолита» долгое время находится в центре внимания критиков. Обычно критики подходили к «Лолите» с привычными мерками монологического романа. Но была сделана и попытка прочитать «Лолиту» как «полифонический» роман.

Н.В. Семенова в статье «Роман В. Набокова "Лолита": "полифония" структуры и оценок» отмечает особую сосредоточенность Набокова на теме двойничества и связывает эту проблему с проблемой полифонического романа: «Тип героя внутренне раздвоенного, с двумя голосами, звучащими в нём, первое условие полифонического романа. Все другие – внешние – голоса соотносятся так или иначе с его голосами внутренними. Двойников в “Лолите” имеют все главные герои» [Семенова 2004: 37]. Автор еще указывает, что многоголосие «Лолиты» дополняется жанровым многоголосьем: «“Лолита” – это исповедь в изначальном значении, и защитное слово в суде (риторический жанр), и дача показаний (юридический жанр). <...> Слияние жанровых голосов, несоединимых по своей природе, – это доведенное до абсолюта “резкое чередование различнейших типов слова” полифонического романа Достоевского» [Семенова 2004: 41].

Китайский исследователь Чжан Хэ в своей статье «О диалогичности романа “Лолита”» выделяет разные типы диалогов в «Лолите»: диалог между «нарративным я» и «испытывающим я», диалог между героям и его двойником, диалог между повествователем и условным адресатом. По мнению исследователя, скрытый диалог между двумя «я» позволяет читателю при прочтении попадать в предварительно установленную повествователем самокритическую позицию,

устраняет тем самым сомнения и критику в отношении действий героя [Чжан 2007: 50].

На наш взгляд, высказывания этих исследователей не совсем убедительны. Они заметили элемент полифонии в творчестве Набокова, но проигнорировали его абсолютное господство над собственным художественным миром. Ведь Набоков настаивает на том, чтобы быть Богом своего вымышленного мира и контролировать направление своей работы.

2) Достоевский и Солженицын

Долгое время на сходство Солженицына с Достоевским обращают внимание многие исследователи. Большинство из них сосредоточены на переключке идей в творчестве обоих писателей. Исследовательских работ, посвященных изучению художественных приёмов Солженицына, относительно мало.

Теория полифонического романа Бахтина открывает новое направление для изучения творчества Солженицына. Некоторые исследователи начали изучать сходства в поэтике Достоевского и Солженицына. Они пытаются проследить полифоническую концепцию произведений Солженицына в разных аспектах – в изображении героев, места и времени действия, в структуре, в особенностях языка.

Так, в статье «Традиции Достоевского в романе Солженицына “Раковый корпус”» китайские исследователи Ван Чжигэн и Фань Цяньжун отмечают, что Солженицын был не только идейным последователем Достоевского, но и приверженцем его поэтики, в своих крупных эпических произведениях Солженицын использует полифоническую композицию, там отсутствует главного героя, автор сосредоточен на судьбе каждой отдельной личности [Ван, Фань, 2018: 65-72].

В работе «Исследование повествовательной полифонии в романе “в круге

первом»» Гун Цзинюнь выявляет полифонические приемы в повествовании романа «В круге первом». Особое внимание исследователя уделяется анализу плотности времени и пространства в романе Солженицына. По мнению исследователя, карнавализация времени и пространства предоставляет возможность для сосуществования и взаимодействия разных сознаний, позволяет полностью показать разные голоса. Гун Цзинюнь также рассматривает контрапункты в линиях сюжетов и в структуре персонажей. По мнению исследователя, контрапунктами структуры являются макродиалог романа, придают роману открытость и незаконченность [Гун, 2017].

Действительно, в произведениях Солженицына можно заметить полифонические специфики, но между полифонией Достоевского и Солженицына есть разница. На это обращает внимание русский исследователь П.Е. Спиваковский. Объясняя полифонию в романе «Красное колесо», исследователь пишет: «когда мы читаем главу, посвящённую какому-то из героев... возникает ощущение, что автор (точнее, образ автора) близок именно этому персонажу... Но дальше мы переходим к другой главе, видим, что с автором вдруг произошло нечто невообразимое: он вдруг переключается на нового героя и совпадает по точке зрения уже с ним... Фактически перед нами возникает деконструкция («перестройка», новое построение) образа автора. Точнее, единый образ автора для нас фактически перестаёт быть единым, он распадается, и, благодаря этому, возникает мощный полифонический эффект» [Спиваковский 2014: 59]. П.Е. Спиваковский справедливо указывает, что «это полифония совершенно иного типа по сравнению с полифонией Достоевского. Если у писателя XIX века она строится на диалоге, на жестком идеологическом столкновении голосов персонажей, то здесь перед нами полифония индивидуальных восприятий» [Там же].

4.2.3. Контекстуальное измерение концепции диалога М.М. Бахтина

Обсуждение теории полифонии привело русских и китайских исследователей к её идеологическому ядру – к структуре диалога между субъектами.

Нужно отметить, что понятие «диалог» встречается у многих западных европейских философов. Ф. Розенцвейг и М. Бубер подробно его разработали. В 1921 г. вышла в свет книга Ф. Розенцвейга «Звезда спасения», в которой основные аспекты бытия представлены с точки зрения «диалогического мышления». В 1923 г. М. Бубер опубликовал свой трактат «Я и Ты», содержащий другой вариант диалогической философии. Понятие «Другой», тоже одно из ключевых понятий бахтинского дискурса, представлено у Э. Левинаса.

Специфика Бахтина, на наш взгляд, заключается в том, что его философе́мы всегда опираются на литературный материал. Бахтин рассматривает бесконечный диалог как основной структурообразующий принцип романов Достоевского, и утверждает, что любой диалог в принципе не может иметь завершения. Сопоставляя разнообразные контексты, в которых говорится о диалоге в книге «Проблемы поэтики Достоевского», мы можем разделить различных уровней диалогичности. Все эти виды диалога, согласно Бахтину, взаимообусловленные и перетекающие один в другой, в результате чего складывается поэтическая система принципиально нового, полифонического романа.

Из наблюдений над прозой Достоевского вырастает у Бахтина философское понимание культуры как диалога. Вся человеческая культура, в понимании Бахтина, может быть представлена как «большой диалог». Бахтин вводит понятие «большого времени», и различает «большое» и «малое» времени культур: человек живёт в малом времени, но общается с большим. Бахтин утверждает, что «нет ничего абсолютно мёртвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [Бахтин 1979: 280]. Человек Бахтина свободен, потому что он способен на диалог со временем. В «большом времени» человек может общаться, например, с

Шекспиром. Диалог с Шекспиром переводит человека, живущего в «малом времени» в «большое время» Шекспира, приобщает его к непреходящим ценностям, и расширяет его мир.

В последние десятилетия в Китае и России появился ряд статей, в качестве ключевых слов использующих понятия «диалог», «диалогизм» (*Лин Цзяньхоу. Теория диалога и методология гуманитарных наук. Исследование философской идеи Бахтина // Тяньцзиньские общественные науки. 2001; Цянь Чжунвэн. Литературная теория диалога. Погрешность, активация и инновация // Аспирантский вестник Академии общественных наук Китая. 1993; Сяо Цзиньюй. Диалогизм в философии языка Бахтина // Современная философия. 2001; Чжэн Хуань. От «долженствования» до «диалога». Внутренний философский дух вне языкознания // Вестник Сычуаньского ин-та иностранных языков. 2003; Цянь Чжунвэн. Литературная теория коммуникативного диалогизма. О значении Бахтина // Литературное обозрение. 1999; Чэн Чжэнмин. Идея диалога Бахтина и современность литературной теории // Литературное обозрение. 2000; Махлин В.Л. Причастная автономия. К вопросу о «диалогизме» М.М. Бахтина // Вопросы философии. 2022; Зиновьев И.В. Диалогизм М.М. Бахтина в контексте современного гуманитарного знания // Вопросы культурологии. 2008; Маслова В.А. Принцип диалогизма М.М. Бахтина и его преломление в филологии // Психологический Vademecum: Витебщина М.М. Бахтина: Сборник научных статей / Под редакцией С.Л. Богомаза, В.А. Каратерзи, С.Ф. Пашковича. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2018; Якушева Ю.А. Диалогичность гуманитарного знания в концепции М.М. Бахтина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2019; Рождественская О.Ю. У истоков теории диалога // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2015; Богуславская С.М.*

Диалог в трудах М.М. Бахтина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011; Варсонова Д.А. Сущность диалога в концепции М.М. Бахтина // Экономика, социология, право: проблемы, пути решения: материалы IV всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2022.).

Появились также работы, посвящённые изучению соотношения бахтинской концепции диалога с разными направлениями мысли. Эти контекстуальные измерения углубляют понимание идей Бахтина в китайской и русской гуманитарной сфере.

4.2.3.1. Бахтин и культурология

Некоторые исследователи рассматривают концепции «полифония», «диалог» Бахтина в широком культурном пространстве.

Так, по мнению Лю Кана, ядро теории полифонии – это формирование самосознания в процессе диалога с другим и становление субъективности в период культурного разрыва и перехода. В статье «Культурная теория в переходный период. О судьбе диалогизма Бахтина в современной теории литературы» Лю Кан отмечает, что согласно Бахтину, Достоевский создал совершенно новые отношения между субъектами – отношения равноправного диалога, взаимного дополнения и одновременного сосуществования, формирование таких отношений обусловлено целым рядом исторических условий: глубокие общественные кризисы, столкновение различных культурных систем в период культурных трансформаций, именно в таком историческом контексте субъект наиболее остро осознает существование голоса Другого и необходимость утверждение я-субъекта [Лю 1994: 163].

К.А. Степанян в монографии «Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени» сопоставляет творческое наследие Достоевского и

великого английского драматурга Шекспира и подчёркивает диалог двух творца в большом времени.

Исследователь анализирует историко-культурный контекст времени, в котором жили Шекспир и Достоевский: «...Англию конца XVI – начала XVII века и Россию XIX объединяло многое. Вторую половину XVI века и XVII век принято называть “Золотым веком” испанской культуры. Примерно те же процессы происходили в последней трети XVI – начале XVII веков – время жизни Шекспира – в Англии. Сходной была и ситуация в Российской империи времен Достоевского – XIX век был в ее истории временем наибольшего территориального расширения, экономического и военного могущества, “Золотым веком” русской культуры» [Степанян 2016: 54]. Он отмечает, что «Шекспир и Достоевский создали, по существу, нового героя трагедии – рефлектирующего героя», что общность героев Шекспира и Достоевского в определённой степени обусловлена сходствами культурных контекстов, в котором два творца жили [Там же, с. 103].

Е.В. Волкова и Е.А. Богатырева в статье «В большом времени культуры: М.М.Бахтин» указывают, что «Бахтин же включает искусство в Большое время культуры, рассматривая, каким образом выдающиеся произведения подготавливаются столетиями и выявляют свои смыслы, отложившиеся в жанре, в стилистике, в целом героя и т. п., в последующих веках, ибо у каждого смысла есть свой “праздник возрождения”» [Волкова, Богатырева 1991: 51].

Отмечая, что бахтинские концепции «полифония» и «диалог» уже выходят за пределы литературы, китайские исследователи активно используют их для анализа культурных явлений. Так, по мнению Ли Яньчжу, с окончанием холодной войны в мире наблюдаются тенденции перехода от конфронтации к диалогу, в конце 1990-х гг. в китайских культурных кругах идеи Бахтина пользуются большой популярностью, бахтинский диалогизм играет важную теоретическую

роль в культурном обмене между Востоком и Западом» [Ли 2001: 51].

4.2.3.2. Бахтин и экзистенциализм

Не раз становилось поводом к обсуждению проблема «Бахтин и экзистенциализм». В частности, исследователи попытались сопоставить диалогизм Бахтина и немецкого религиозного философа-экзистенциалиста Мартина Бубера.

Так, китайский исследователь Чэн Сяопин анализирует экзистенциалистские мотивы, заложенные в ранней философской работе Бахтина «К философии поступка» и его поэтике, и сопоставляет мысли Бахтина с экзистенциалистской мыслью ряда западных философов. Чэн Сяопин нашел сходства между диалогическими концепциями Бахтина и Мартина Бубера.

Нужно отметить, что по мнению Бубера, рационалисты объективируют Бога и рассматривают его как нависающий, статичный объект, это не вера в Бога, а хула на Бога. Бубер предлагает преодолеть овеществление Бога и рассмотреть Бога как Ты, таким образом отношения между человеком и Богом уже не являются отношениями «Я-Оно», а отношениями «Я-Ты». Чэн Сяопин отмечает, что отношения «Я-Ты», представленные в работах Бубера, подобны отношениям между автором и героем, описанные Бахтиным, и Бубер, и Бахтин принимают совсем новый способ мышления, который впитывает в себя древнееврейские традиции и стремится найти «отношения» между предметами» [Чэн 2001: 24].

Данный вопрос размышляет и Мэнь Вэйвэй в своей статье «Диалогизм Бахтина как наследование и развитие “Я и Ты” Мартина Бубера». По мнению исследователя, Бубер лишь указывает, что между “я” и “ты” не существует никакой преграды между ними возможен самый прямой контакт, но он не задумывается над тем, как построить отношения “Я-Ты”, а Бахтин более подробно

изучает вопрос об отношениях “Я-Ты”, он рассматривает его в конкретном контексте. Мэнь Вэйвэй отмечает, что в “Проблемах поэтики Достоевского” Бахтин анализирует отношения между “я” и “другим” на основе текста художественных произведений Достоевского, и приходит к выводу: автор и герой имеют равноправный статус, главный герой становится субъектом собственных мнений, а не объектом авторского сознания [Мэнь 2013: 27].

Аналогичного мнения придерживается русский исследователь Н.К. Бонецкая. Она причисляет Бахтина к русским экзистенциалистам. Бонецкая полагает: «Если экзистенциалистом называют создателя диалогической философии Мартина Бубера, то почему не счесть за такового и русского диалогиста Бахтина...?» [Бонецкая 2021: 10]. Бонецкая рассматривает феномен философского кружка Бахтина как одни из ключей к пониманию взглядов Бахтина: «Отношения в бахтинском кружке сам мыслитель уподоблял разговорам у Достоевского “русских мальчиков”, пытающихся “мысль разрешить”, – тем разговорам, которые, по Бахтину, и обусловили “поэтику”– внутреннюю форму романов великого писателя. Диалогический экзистенциализм и отобразил философски жизнь этого кружка, где сам Бахтин играл роль Сократа» [Бонецкая 2021: 10-11].

Вместе с тем существует и противоположное мнение. Так, А.А. Сычев отмечает: «Хотя экзистенциальные мотивы в творчестве Бахтина так же, как и влияние на него С. Кьеркегора, Ф. Ницше и Ф.М. Достоевского, очевидны, его сложно отнести к представителям именно экзистенциализма. Одна из составляющих феномена Бахтина, как представляется, выражается в том, что его труды дают возможность для интерпретации этого мыслителя с различных теоретических позиций, но при этом ни к одной из этих позиций его свести нельзя» [Сычев 2021: 1].

4.2.3.3. Бахтин и постструктурализм

Соотнесение бахтинской концепции диалога и знаменитого понятия Ю. Кристевой «интертекстуальность», который ассоциируется с постструктурализмом, не раз становилось причиной обсуждений. Исследователи выявляют влияние, оказанное Бахтиным на Кристеву, и рассматривают сходства и различия между концепциями Бахтина и Кристевой.

Китайский исследователь Цянь Хань в статье «От диалогичности до интертекстуальности» отмечает, что эти две концепции принадлежат к разным парадигмам понимания литературы, первая концепция по природе гуманистична, а вторая – антигуманистична, Бахтин понимает под диалогом общение между субъектами, в то время как интертекстуальность представляет собой существование языка без субъекта, без общения и без автора» [Цянь 2008: 275].

Ло Тин в статье «Теория диалога Кристевой и Бахтина» указывает, что теория диалога является важной частью западной теории литературы XX века, Бахтин впервые обсуждал функции диалога с точки зрения речи и повествовательной структуры романа, преодолевая статичный, закрытый режим формалистского исследования открывая процесс динамического исследования структуры текстов и отношений между текстами, Ю. Кристева наследует и развивает теоретические идеи Бахтина, она вводит в теорию литературы термин «интертекстуальность». Ло Тин подчёркивает отличие Кристевой от Бахтина, отмечая, что ее обсуждение отношений между автором и читателем / получателем имеет постструктуралистский характер, и ее взгляд на автора как на нулевое состояние, пустоту, близок к идее “нулевого письма” Р. Барта, так что читатель / получатель уже имеет тенденцию выходить за рамки статуса автора [Ло 2002: 38].

Цинь Хайин считает, что непосредственным источником “интертекстуальности” Кристевой является бахтинская концепция диалога, эти

две концепции похожи, но при внимательном анализе можно обнаруживать, что они различны. Их различия, по мнению исследователя, заключаются в том, что теория диалога Бахтина фокусируется на этических и религиозных отношениях между “я” и “другим”, в то время как Кристева обращает больше внимания на взаимоотношения между текстами, что отражает различия между структурализмом и Бахтиным в эпистемологии [Цинь, 2003].

А.В. Кремнева в статье «Трансформация теории диалогизма М.М. Бахтина в контексте структурализма и постструктурализм» анализирует большое влияние теории Бахтина на работы Ю. Кристевой, вместе с тем он подчеркивает принципиальное отличие взглядов Кристевой от идей Бахтина: «Бахтинское понятие расщепленного сознания получает у Ю. Кристевой совершенно иное, фрейдистское толкование: у Бахтина это диалог с другим или собой – другим, а у Ю. Кристевой – это борьба между сознанием и подсознанием, между разумом и желанием, между рациональным и иррациональным, между коммуникабельным и некоммуникабельным. <...> она [Ю. Кристева] переносит идею “расщепленного субъекта” на анализ внутренней структуры текста, в которой, согласно ее концепции, сосуществуют два вида текстов, или два поля, в терминологии Ю. Кристевой (fields): символическое и семиотическое, отражающие расщепленное сознание субъекта, вечную борьбу между логическим и алогическим, сознанием и подсознанием» [Кремнева 2014: 86].

Выводы по главе 4

Несомненно, что в процессе рецепции китайскими исследователями теории полифонического романа Бахтина русские исследователи играют важную роль. Исследования А.В. Луначарского, В.В. Кожина, В.Л. Махлина и многих других стали важной основой для аргументации китайскими исследователями своей

точки зрения.

Вопрос об авторской позиции в полифоническом романе Достоевского долгое время находится в центре внимания китайских и русских исследователей. Большинство русских исследователей возражают против бахтинского мнения о равноправии автора и героя. А многие китайские исследователи, наоборот, поддерживают основной тезис Бахтина.

Восприняв теорию полифонического романа Бахтина, китайские исследователи по сравнению с русскими исследователями быстрее начали использовать ее для анализа разных литературных произведений, несмотря на то, что между подлинными полифоническим романом и выбранным ими произведениям существуют большие различия. Это один из главных вопросов, который возникает в процессе рецепции Китаем полифонической теории Бахтина.

Отношения между концепцией диалога Бахтина и разными направлениями мысли привлекают внимание и русских, и китайских исследователей. Они нашли переклички между бахтинской концепцией диалога и культурологией, экзистенциализмом, постструктурализмом и т. д.

Заключение

В результате проведённой работы сделаны выводы, которые и будут изложены далее.

1. С 1980-х гг. по настоящее время история восприятия теории полифонического романа Бахтина (на материале творчества Достоевского) в Китае насчитывает уже более сорока лет. Если в 1980-х гг. проникновение теории Бахтина в Китай в значительной степени повлияло на активизацию исследований творчества Достоевского, то с 1990-х гг. влияние теории полифонии Бахтина уже охватило разные аспекты китайского литературоведения. Теория полифонии Бахтина была использована китайскими исследователями для продвижения трансформации дискурса литературной критики Китая. В 1980-х гг. модернизм начал проникать в Китай. Затрагивая тему модернистской литературы, многие известные европейские теоретики ссылались на Достоевского. Приняв во внимание данные суждения о писателе, Китай также изменил негативное представление о Достоевском, сформированное в 1950-1960-х гг. под влиянием Советского Союза. Презентация теории Бахтина стала своевременным событием. В последние десятилетия китайские исследователи активно изучают полифонизм в разных произведениях, сравнивая их с полифоническими произведениями Достоевского. Можно сказать, что бахтинские понятия «полифония», «диалог», «карнавал» оказывают большое влияние на китайское литературоведение.

2. Обращение к теоретическому наследию Бахтина в Китае, начавшись в кругу литературоведов, в частности, исследователей Достоевского, скоро трансформировалось в общезначимую культурфилософскую рецепцию. С наступлением нового века китайские исследователи начали принимать во внимание соотношение между анализом поэтики Достоевского у Бахтина и культурно-философскими идеями ученого, изучать связи идей Бахтина с контекстом русской религиозной традиции и православия. Они также попытались

изучить соотнесение бахтинской концепции диалога с разными направлениями мысли.

3. С 1982 года по настоящее время в Китае вышло около 30 монографий, посвящённых изучению идей Бахтина, а количество статей о Бахтине, включенных в Китайскую национальную инфраструктуру знаний, достигло около 3700. Большинство работ посвящено представлению и оценке бахтинских понятий «полифония», «диалог», «карнавал», а также бахтинской металингвистике. В процессе рецепции теории полифонического романа Бахтина китайские исследователи выдвинули некоторые конструктивные идеи. Так, например, они рассматривают Бахтина как носителя русской традиции, отмечая, что при анализе специфики поэтики Достоевского Бахтин развивает идеи православных богословов, сравнивают произведения китайских писателей и Достоевского и обнаруживают полифонию у Лу Синя и Мо Яня. Но китайские ученые в своих исследованиях строго следовали основным положениям теории Бахтина, не предлагая собственной ее разработки. Поэтому они скорее продолжают общемировую тенденцию применить теорию полифонического романа к реалиям современного литературного процесса, без персональных теоретических инноваций.

4. Достижения бахтиноведения в России, сравнительно с Китаем, поразительны. Широта и глубина исследований русских ученых не имеют аналогов. В Российский индекс научного цитирования включено около 14000 статей, в ключевые слова которых входит «Бахтин». Русские исследователи рассматривают самые разные вопросы, касающиеся теории полифонического романа Бахтина: применимость полифонической теории к всем произведениям Достоевского, методологический подход Бахтина в интерпретации творчества Достоевского, истоки бахтинской трактовки романа Достоевского и т. д.

5. Дискуссия об отношениях между автором и героем в романах

Достоевского не утихает в России до сих пор. Хотя большинство русских исследователей не разделяют концепции полифонии Бахтина, подчёркивая решающую роль авторского сознания в полифоническом романе, но теория полифонического романа Бахтина до сих пор авторитетна, многие научные труды строятся именно на положениях данной теории.

6. Концепция диалогизма Бахтина, сочетающая философский и литературоведческий аспекты анализа, вызывает большой интерес у современных гуманитариев. Как важный метод в гуманитарных науках, диалогизм Бахтина был востребован широким кругом русских и китайских исследователей. Данный метод также был использован для изучения научного наследия самого Бахтина. В последние десятилетия исследователи Бахтина рассматривают идеи ученого в широком контексте философии, эстетики, литературы, истории и культуры всего двадцатого века. Это, безусловно, открыло новый простор для дальнейших изысканий. Сравнивая Бахтина с его современниками, с русской религиозной философией и западной философией XX века, русские и китайские исследователи значительно углубляют как понимание теории Бахтина, так и в целом русского культурного процесса XX века.

7. Согласно Бахтину, «передача и обсуждение чужих речей, чужого слова – одна из самых распространённых и существенных тем человеческой речи». Описывая механизмы, позволяющие наилучшим образом передавать первоначальную идею чужого слова, Бахтин вводит такое понятие, как «обрамляющий контекст». Он считает, что «включённая в контекст чужая речь, как бы она ни была точно передана, всегда подвергается известным смысловым изменениям. Объемлющий чужое слово контекст создаёт диалогизирующий фон, влияние которого может быть очень велико» [Бахтин 2012: 91-93]. Высказывания ученого как раз демонстрируют трансформацию и неправильную интерпретацию теории полифонии, наметившуюся в процессе принятия Китаем и Россией идей

Бахтина.

Идейное наследие Бахтина является настоящим сокровищем для всего мира. Теория полифонического романа Бахтина своей оригинальностью, разнообразием и открытостью привлекает к себе всё больше новых исследователей. С наступлением XXI века искусство художественной литературы развивается в разнообразных направлениях. В дальнейшем исследование теории полифонического романа Бахтина остаётся перспективным.

Библиография

1. Абрамович Г.Л. К вопросу о природе и характере реализма Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского: сборник статей. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 55-64.
2. Аллен Л. Роман «Бесы» в свете почвенничества Достоевского // *Dostoevsky Studies*. Klagenfurt, 1984. Т. 5. С. 71-76.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Том 2: «Проблемы творчества Достоевского», 1929. Статьи о Л.Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922-1927. М.: Русские словари, 2000. 798 с.
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 3: Теория романа (1930-1966 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 877 с.
5. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 5: Работы 1940-х-начала 60-х годов. М.: Русские словари, 1997. 731 с.
6. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7-ми томах. Т. 6: «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы 1960-х-1970-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 799 с.
7. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 625 с.
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
9. Бахтинский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. В.Л. Махлин. М.: Языки славянской культуры, 2004. 632 с.
10. Белов С.В. Федор Михайлович Достоевский. М.: Просвещение, 1990. 206 с.
11. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / вступ. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. Кожина. М.: Прогресс, 1996. 341 с.

12. Богданова О.А. О происхождении литературоведческого понятия «полифония» // Stephanos. 2016. № 3 (17). С. 220-226.
13. Бонецкая Н.К. Бахтин в 1920-е годы // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 1. С. 16-62.
14. Бонецкая Н.К. М.М. Бахтин и традиции русской философии // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 83-93.
15. Бонецкая Н.К. Русский экзистенциализм. СПб.: Алетейя, 2021. 665 с.
16. Бочаров С.Г. Книга о Достоевском на пути Бахтина // Бахтинский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. В. Л. Махлин. М., 2004. С. 281-314.
17. Бочаров С.Г. Комментарии // Бахтин М. М. Собрание сочинений. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. С. 431-543.
18. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70-89.
19. Буданова Н.Ф. Ответы на вопросы анкеты ДКХ // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 1. С. 6-7.
20. Линецкий В. "Анти-Бахтин" - лучшая книга о Владимире Набокове. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 216 с.
21. Василевская И., Мясников А. Разберемся по существу // Литературная газета. 1964. № 93. С. 4-5.
22. Ветловская В.Е. Теория «полифонического романа» М.М. Бахтина и этическое учение Ф.М. Достоевского // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М.: ИД «Грааль», 2002. С. 22-37.
23. Волкова Е.В., Богатырева Е.А. В большом времени культуры: М.М. Бахтин // Вестник Моск. ну-та. Сер. 7. Философия. 1991. № 1. С. 48-58.

24. Гамидова С.З. Полифония режиссёрских идей спектакля “мертвецы” как формосмыслообразующий фактор сценического произведения // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2009. № 10 (40). С. 81-84.
25. Гаспаров М.Л. М.М. Бахтин в русской культуре XX века // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 494-496.
26. Гоготишвили Л.А. Библер, Бахтин и проблема автора // Вопросы философии. 2008. № 9. С. 85-110.
27. Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. М.:Языки славянских культур, 2006. 716 с.
28. Гоготишвили Л.А. О возможном истоке полифонической идеи Бахтина // Философский журнал. 2014. № 17. С. 118-154.
29. Гоготишвили Л.А. Соотношение между полифоническим романом М. Бахтина и музыкальной полифонией (замечания к проблеме) // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 143-156.
30. Гоготишвили Л.А. Философия языка М.М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма // Бахтин как философ. М., 1992. С. 144-177.
31. Горбунова М.Ю., Короткова Е.Г., Куряев И.Р., Паршина И.Ю., Ромашова Н.Ю., Самойленко В.А., Старцев Д.И. Вопросы бахтинского наследия в российской гуманитаристике в 2010-х гг. // E-Scio. 2017. № 5 (8). С. 57-81.
32. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 795. Оп. 2. Д. 18. Л. 60б.
33. Данилин С.Ю. Одна из рецепций «полифонического романа»: версия Р.Г. Назирова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2009. № 2. С. 151-161.
34. Долгорукова Н.М. Стратегии рецепции М.М. Бахтина в СССР. К постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2017. № 1(40). С. 20-34.

35. Дымшиц А.Л. Монологи и диалоги // Литературная газета. 1964. № 82. С. 4-5.
36. Есаулов И.А. Глава 5. Идеи права и благодати в поэтике Достоевского («Братья Карамазовы») // Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского ун-та, 1995. С. 93-110.
37. Здольников В.В. Книга М. Бахтина о Ф. Достоевском в контексте литературной борьбы 20-х годов // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2003. № 1-2. С. 5-21.
38. Вяч. Иванов. Достоевский и роман-трагедия // Собрание сочинений. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 401-444.
39. Кожевникова В.М., Николаева П.А. (ред.) Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. 750 с.
40. Кожинов В.В. Бахтин и его читатели. Размышления и отчасти воспоминания // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2/3. С. 120-134.
41. Кожинов В.В. Как пишут труды, или происхождение несозданного авантюрного романа (Вадим Кожинов рассказывает о судьбе и личности М.М. Бахтина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 109-122.
42. Кожинов В.В. Победы и беды России. М.: Алгоритм, 2000. 444 с.
43. Комарович В.Л. Новые проблемы изучения Достоевского: 1925-1930. Часть 2. // М.М. Бахтин: pro et contra. СПб., 2001. С. 202-209.
44. Корчинский А. Политика полифонии: опасная современность и структура романа у Достоевского и Бахтина // Новое литературное обозрение. Москва, 2019. №1(155). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/155_nlo_1_2019/article/20634/
45. Кремнева А.В. Трансформация теории диалогизма М.М. Бахтина в контексте

- структурализма и постструктурализма // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 83-90.
46. Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф.М. Достоевского. Москва: Диалог МГУ: МАКС Пресс, 2001. 370 с.
47. Лаптун В.И. К биографии М.М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 3. С. 72-79.
48. Лаптун В.И. М.М. Бахтин и А.А. Савицкий: годы совместной работы в Мордовском пединституте в 1945-1950 гг. // Центр и периферия. 2020. № 4. С. 86-93.
49. Лаптун В.И. Первый приезд М.М. Бахтина в Саранск (1936-1937) // Невельский сб. Статьи и воспоминания. СПб., 1996. Вып. 1. С. 61-75.
50. Лихачёв Д.С. Принцип историзма в изучении содержания и формы // Русская литература. 1965. № 1. С. 16-32.
51. Лосский Н.О. История русской философии. М.: советский писатель, 1991. 559 с.
52. Луначарский А.В. Собрание Сочинений. Т. 1. М.: Художественная литература, 1963. 615 с.
53. Махлин В.Л. Бахтин и Запад (Опыт обзорной ориентации) // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 94-114.
54. Махлин В.Л. Бахтин и неокантианство (несколько подступов) // Неокантианство немецкое и русское / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 441-461.
55. Махлин В.Л. Полифония // Литературная энциклопедия терминов и понятий.

- Гл. ред. и сост. А.Н. Николукин. М.: Интелвак, 2001. С. 756-759.
56. Махлин В.Л. Тоже разговор // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 3-45.
57. Михайлов Ф.Т. Авторы и герои (Слово в защиту монолога) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996, № 2. С. 39-72.
58. М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М. М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2001. Т. 1. 551 с.
59. М.М. Бахтин: pro et contra. Творчество и наследие М. М. Бахтина в контексте мировой культуры. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2002. Т. 2. 711 с.
60. М.М. Бахтин в зеркале критики: сборник / отв. ред. и сост. Т.Г. Юрченко. Москва: ИНИОН, 1995. 191 с.
61. Махлин В.Л. (ред.). Михаил Михайлович Бахтин. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2010. 440 с.
62. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. 446 с.
63. Набоков В. Строгие суждения. М.: КоЛибри, 2018. 416 с.
64. Назиров Р.Г. Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (К концепции полифонического романа) // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 134-149.
65. Накамура Кэнноскэ. Словарь персонажей произведения Ф.М. Достоевского / пер. с яп. А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 2011. 399 с.
66. Осовский О.Е. Диалог в большом времени: литературоведческая концепция

- М.М. Бахтина. Саранск: Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева, 1997. 191 с.
67. Осовский О.Е. Книга М.М. Бахтина о Достоевском в восприятии советской критики 1929-1930 годов // Бахтинский сборник. Вып. 3. М.: Лабиринт, 1997. С. 86-110.
68. Осовский О.Е. Дубровская С.А. Бахтин, Россия и мир – рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996-2020 годов // Научный диалог 2021. № 7. С. 227-265.
69. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. Москва: Издательство Московского государственного университета, 2009. 719 с.
70. Пешков И.В. Введение в риторику поступка. М., 1998. 283 с.
71. Попова И.Л. Книга М.М. Бахтина о Рабле в контексте идей школы Фосслера (к постановке проблемы) // Новый филологический вестник. 2005. № 1. С. 224-233.
72. Попова И.Л. Книга М.М. Бахтина о Франсуа Рабле и ее значение для теории литературы. Москва: Институт мировой литературы РАН, 2009. 463 с.
73. Попова И.Л. «Рабле и Гоголь» как научный сюжет М.М. Бахтина // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2009а. Т. 68. № 6. С. 12-18.
74. Поспелов Г. Преувеличения от увлечения // Вопросы литературы. 1965. № 1. С. 78-108.
75. Прийма И.Ф. Бахтин и Луначарский о публицистике Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-2 (61). С. 29-32.

76. Семенова Н.В. Роман В. Набокова «Лолита»: «полифония» структуры и оценок // Балтийский филологический курьер. 2004. № 4. С. 35-43.
77. Спиваковский П.Е. Полифония у Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. М.: Рус. путь, 2014. С. 51-63.
78. Степанян К.А. Шекспире, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени. М.: Глобал Ком: Языки славянской культуры, 2016. 292 с.
79. Столович Л.Н. А.З. Штейнберг и М.М. Бахтин. К истории идеи диалога // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 4. С. 17-24.
80. Сычев А.А. М.М. Бахтин на фоне философии экзистенциализма // Бахтинский вестник. 2021. № 1 (5). С. 1-4.
81. Тамарченко Н.Д. (ред.). Бахтинский тезаурус: материалы и исследования [научного языка литературоведа и философа М.М. Бахтина]: сборник статей. М.: РГГУ, 1997. 183 с.
82. Тамарченко Н.Д. Наследие Бахтина сегодня // Новый филологический вестник. 2005. № 1. С. 170-173.
83. Тамарченко Н.Д. Поэтика Бахтина и современная рецепция его творчества // Вопросы литературы. 2011. № 1. С. 291-340.
84. Тамарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества» Бахтина и русская религиозная философия: пособие по спецкурсу. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2001. 199 с.
85. Творчество Ф.М. Достоевского [Текст]: [Сборник статей] / Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького; [Ред.: Н. Л. Степанов (отв. ред.) и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 546 с.

86. Топоров В.Н. Поэтика Достоевского и архаические схемы мифологического мышления // М.М. Бахтин: pro et contra. СПб., 2001. С. 244-265.
87. Фридендер Г.М. Достоевский // История русской литературы: В 10 т. Т. IX. Литература 70-80-х годов. Ч. 2. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1956. С. 7-118.
88. Фридендер Г.М. Реализм Достоевского. М.: Л.: Наука, 1964. 404 с.
89. Фридендер Г.М. Роман «Идиот» // Творчество Ф.М. Достоевского: сборник статей. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 173-215.
90. Хомяков А.С. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1900. 503 с.
91. Шкловский В.Б. За и против. Заметки о Достоевском. М.: Советский писатель, 1957. 259 с.
92. Шкловский В.Б. Против // Вопросы литературы. 1960. № 4. С. 98-101.
93. Шубин Л. Гуманизм Достоевского и «достоевщина» // Вопросы литературы. 1965. № 1. С. 78-94.
94. Чжан Цзе. Бахтиноведение в Китае // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 167-176.
95. Чижевский Д.И. Новые книги о Достоевском <фрагмент> // М.М. Бахтин: pro et contra. СПб., 2001. С. 210-212.
96. Чичерин А.В. Поэтический строй языка в романах Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского: сборник статей. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. С. 417-444.
97. 曾军. 接受的复调: 中国巴赫金接受史研究. 桂林: 广西师范大学出版. 2004. 共 254 页. (Цзэн Цзюнь. Рецептивная полифония: История рецепции Бахтина в Китае. Гуйлинь: Гуансиский пед. ун-т, 2004. 254 с.)

98. 曾军. 新世纪以来中国巴赫金研究的现状及其问题. 人文杂志. 2017. 第 2 期. 69-78 页. (Цзэн Цзюн. Состояние китайского бахтиноведения и его проблемы в новом веке // Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 69-78.)
99. 周启超, 王加兴. 跨文化视界里的巴赫金丛书. 南京: 南京大学出版社. 2014. (Исследование М.М. Бахтина под углом межкультурного зрения. В 5 тт. «Китайские ученые о Бахтине», «Русские ученые о Бахтине», «Европейские и американские ученые о Бахтине», «Бахтин в диалоге», «Бахтин в глазах современных ученых») / Под ред. Чжоу Цичао и Ван Цзяпина. Нанькин: Нанькинский ун-т, 2014.)
100. 周启超. “复调”、“对话”、“狂欢化”之后与之外 — 当代中国学界巴赫金研究的新进展. 北京第二外国语学院学报. 2010. 第 4 期. 1-10 页. (Чжоу Цичао. После и помимо понятий «полифония», «диалог», «карнавализация». Изучение Бахтина в современном Китае // Второго пекинского института иностранных языков. 2010. № 4. С. 1-10.)
101. 李斌. 国内巴赫金研究述评. 文艺理论研究. 1998. 第 4 期. 92-96 页. (Ли Бинь. Обзор отечественного бахтиноведения // Исследование по теории литературы. 1998. № 4. С. 92-96.)
102. 晓河. 巴赫金研究在中国. 文艺理论与批评. 1998. 第 6 期. 122-126 页. (Сяохэ. Изучение Бахтина в Китае // Литературная теория и критика. 1998. № 6. С. 122-126.)
103. 范晔. 巴赫金的复调理论极其在中国的理论旅行. 福建师范大学. 2017. 共 90 页. (Фань Е. Теория полифонии Бахтина и ее теоретический путь в Китае [Текст]: магист. дисс. Фучжоу: Фуцзяньский педагогический университет. 2017. 90 с.)

104. 夏仲翼. 窥探心灵奥秘的艺术 — 陀思妥耶夫斯基艺术创作散论. 苏联文学. 1981. 第 1 期. 132-136 页. (Ся Чжунъи. Искусство проникновения в душевные тайники (Рассуждения о художественном творчестве Достоевского) // Советская литература. 1981. № 2. С. 132-136.)
105. 关山. 关于陀思妥耶夫斯基研究的一些情况. 外国文学研究. 1981. 第 3 期. 140-141 页. (Гуань Шань. Некоторые аспекты изучения творчества Достоевского // Исследования по зарубежной литературе. 1981. № 3. С. 140-141.)
106. 夏仲翼. 陀思妥耶夫斯基的《地下室手记》和小说复调结构问题. 世界文学. 1982. 第 4 期. 105-115 页. (Ся Чжунъи. «Записки из подполья» Достоевского и проблемы полифонической структуры романа // Мировая литература. 1982. № 4. С. 105-115.)
107. 钱中文. “复调小说”及其理论问题: 巴赫金的叙述理论之一. 文艺理论研究. 1983. 第 4 期. 27-36 页. (Цянь Чжунвэнь. Полифонический роман и его теоретические аспекты как один из компонентов теории повествования Бахтина // Исследование теории литературы. 1983. № 4. С. 27-36.)
108. 何茂正. “复调小说”理论与陀氏小说的鉴赏. 东北师大学报. 1986. 第 6 期. 72-78 页. (Хэ Маочжэна. Теория полифонического романа Бахтина и эстетическая оценка произведений Достоевского // Вестник Северо-восточного педагогического университета. 1986. № 6. С. 72-78.)
109. 钱中文. 复调小说: 主人公与作者 — 巴赫金的叙述理论. 外国文学评论. 1987. 第 1 期. 37-38 页. (Цянь Чжунвэнь. Автор и герой: вопросы повествовательной конструкции полифонического романа // Обзорение зарубежной литературы. Пекин. 1987. № 1. С. 37-38.)

110. 宋大图. 巴赫金的复调理论和陀思妥耶夫斯基的作者立场. 外国文学评论. 1987. 第1期. 41-48页. (Сун Дату. Теория полифонического романа Бахтина и авторская позиция в романах Достоевского // Обзорение зарубежной литературы. 1987. № 1. С. 41-48.)
111. 张杰. 复调小说作者意识与对话关系 — 也谈巴赫金的复调理论. 外国文学评论. 1989. 第4期. 37-44页. (Чжан Цзе. Авторское сознание и отношения диалога в полифонических романах: анализ теории полифонического романа Бахтина. 1989. № 4. С. 37-44.)
112. 张杰. 陀思妥耶夫斯基小说创作艺术的“聚合性”. 外国文学研究. 2010. 第5期. 73-78页. (Чжан Цзе. Соборность в творчестве Ф. М. Достоевского // Исследование зарубежной литературы. 2010. № 5. С. 73-78.)
113. 刘虎. 陀思妥耶夫斯基小说中人物性格的意识分裂性. 文史哲. 1985. 第4期. 24-27页. (Лю Ху. Раздвоение сознания героев Достоевского // Литература. История. Философия. 1985. № 4. С. 24-27.)
114. 王圣思. 陀思妥耶夫斯基的现代性 — 析《罪与罚》. 读书. 1986. 第10期. 76-81页. (Ван Шэнсы. Модернизм Достоевского в романе «Преступление и наказание» // Чтение. 1986. № 10. С. 76-81.)
115. 黄梅. 也说巴赫金. 外国文学评论. 1989. 第1期. 10-11页. (Хуан Мэй. О Бахтине // Обзорение зарубежной литературы. Пекин. 1989. № 1. С. 10-11.)
116. 刘文孝. 陀思妥耶夫斯基对传统现实主义的超越. 文艺研究. 1989. 第6期. 135-144页. (Лю Вэньсяо. Трансцендентальный реализм Достоевского // Исследование литературы и искусства. 1989. № 6. С. 135-144.)
117. 王钦峰. 陀思妥耶夫斯基对小说叙事时间的革新. 外国文学评论. 1992.

- 第 2 期. 81-88 页. (Ван Циньфэн. Обновление времени в романах Достоевского // Обозрение зарубежной литературы. 1992. № 2. С. 81-88.)
118. 董小英. 再登巴比伦塔. 北京: 三联书店, 1994 年版. 共 327 页. (Дун Сяоин. Ещё раз на Вавилонскую башню. Бахтин и теория диалога. Пекин: Саньянь, 1994. 327 с.)
119. 青江. 阐述与首倡 — 关于陀思妥耶夫斯基作品中的思想. 国外文学. 1995. 第 1 期. 105-106 页. (Цин Цзян. Интерпретация и новый взгляд — об идейном содержании произведений Достоевского // Зарубежная литература. 1995. № 1. С. 105-106.)
120. 晓河. 文本 · 作者 · 主人公 — 巴赫金的叙述理论研究. 文艺理论与批评. 1995. 第 2 期. 108-114 页. (Сяо Хэ. Текст. Автор. Герой. Исследование теории повествования Бахтина // Литературная теория и критика. 1995. № 2. С. 108-114.)
121. 晓河. 巴赫金的“赫罗诺托普”理论. 苏联文学联刊. 1991. 第 1 期. 79-86 页. (Сяо Хэ. Теория хронотопа Бахтина // Советская литература. 1991. № 1. С. 79-86.)
122. 晓河. 艺术时间诗学与巴赫金的赫罗诺托普理论. 北京: 北京大学出版社. 2016. 共 312 页. (Сяо Хэ. Поэтика художественного времени и теория хронотопа Бахтина. Пекин: Издательство Пекинского университета. 2016. 312 с.)
123. 田右英. 巴赫金的小说时空体理论研究. 桂林: 广西师范大学. 2008. 共 131 页. (Тянь Юйин. Исследование теории хронотопа Бахтина. Гуйлинь: Гуансийский педагогический университет. 2008. 131 с.)
124. 田右英. 时间形式的空间化. 作家杂志. 2008. 第 3 期. 160-161 页. (Тянь

- Юин. Пространственно-временные формы // Писательский вестник. 2008. № 3. 160-161.)
125. 潘月琴. 巴赫金时空体理论初探. 俄罗斯文艺. 2005. 第3期. 60-64页.
(Пань Юэцинь. Исследование теории хронотопа Бахтина // Русское литературоведение. 2005. № 3. 60-64.)
126. 薛亘华. 巴赫金时空体理论的学术价值重译. 新疆大学学报. 2018. 第46卷第2期. 114-119页. (Сюе Гэньхуа. Ещё раз об академической ценности теории хронотопа Бахтина // Вестник Синьцзянского университета. 2018. Т. 46. № 2. С. 114-119.)
127. 董晓. 超越形式主义“文学性”：试析巴赫金对俄国形式主义的批判. 国外文学. 2000. 第2期. 10-13页. (Дун Сяо. Литературность над формальностью: анализ критики русского формализма Бахтиным // Зарубежная литература. 2000. № 2. С. 10-13.)
128. 程金海. 教堂与天堂:作为审美理念的复调小说理论. 河海大学学报. 2001. 第1期. 71-74页. (Чэн Цзиньхай. Церковь и рай: теория полифонического романа как эстетическая теория // Вестник Хэцэйского ун-та. 2001. № 1. С. 71-74.)
129. 程正民. 巴赫金的文化诗学. 文学评论. 2000. 第1期. 122-123页. (Чэн Чжэнминь. Культурная поэтика М.М.Бахтина // Обзорение литературы. 2000. № 1. С. 122-133.)
130. 顾倩. 论巴赫金对话理论中自我与他者的关系. 南京: 南京师范大学. 2005. 共40页. (Гу Цянь. Об отношениях между «я» и «другим» в теории диалога Бахтина [Текст]: магист. дисс. Нанкин: Нанкинский педагогический университет, 2005. 40 с.)

131. 张开焱. 开放人格 — 巴赫金. 武汉: 长江文艺出版社. 2000. 共 316 页.
(Чжан Кайянь. Открытая личность: Бахтин. Ухань: Издательство литературы и искусства имени реки Янцзы, 2000. 316 с.)
132. 周启超. 直面原生态, 检视大流脉 — 二十年代俄罗斯文论格局刍议. 文学评论. 2001. 第 2 期. 68-78 页. (Чжоу Цичао. Лицом к оригинальной экологии, просмотр больших направлений — о картине русской литературной теории двадцатых годов // Обозрение литературы. 2001. № 2. С. 68-78.)
133. 严家炎. 论鲁迅的复调小说. 上海: 上海教育出版社, 2002 年版. 共 274 页. (Янь Цзянянь. О полифонических романах Лу Синя. Шанхай: Изд. Шанхайского просвещения, 2002. 274 с.)
134. 周启超. 复调. 外国文学. 2002. 第 2 期. 80-86 页. (Чжоу Цичао. Полифония // Иностранная литература. 2002. № 2. С. 80-86.)
135. 李凤亮. 复调: 音乐术语与小说观念 — 从巴赫金到热奈特再到昆德拉. 外国文学研究. 2003. 第 1 期. 92-97 页. (Ли Фэнлянь. Теория полифонии: от М. Бахтина до Ж. Женетта и М. Кундра // Исследование зарубежной литературы. 2003. № 1. С. 92-97.)
136. 张素玫. 与巴赫金对话. 上海: 华东师范大学. 2006. (Чжан Сумэй. Диалог с Бахтиным. Бахтин и критика китайской современной литературы [Текст]: магист. дисс. Шанхай: Педагогический университет Восточного Китая, 2006.)
137. 刘广远. 论莫言小说的复调叙事模式. 沈阳师范大学学报. 2007. 第 3 期. 49-51 页. (Лю Гуанюань. Вопросы повествовательной конструкции полифонического романа Мо Яня // Вестник Шэньянского пед. ун-та. 2007. № 3. С. 49-51.)
138. 徐岱, 龙玉霞. 复调的生成 — 外位性思想与巴赫金的文化诗学. 浙江大

- 学学报. 2010. 第4期. 152-158页. (Сюй Дай, Лун Юйся. Возникновение теории полифонического романа: идея вневходимости М.М. Бахтина и его культурная поэтика // Вестник Чжэньяньского ун-та. 2010. № 4. С. 152-158.)
139. 宋春香. 狂欢的宗教之维—巴赫金狂欢理论研究. 北京: 中国人民大学, 2008. (Сун Чуньсян. Религиозный аспект феномена карнавала: исследование теории карнавала Бахтина [Текст]: магист. дисс. Пекин: Народный университет Китая, 2008.)
140. 周卫忠. 狂欢人格的双重性与基督位格的双重性. 东北师大学报. 2008. 第3期. 118-124页. (Чжоу Вэйчжун. Амбивалентность карнавала и две природы Иисуса Христа // Вестник Северо-восточного пед. ун-та. 2008. № 3. С. 118-124.)
141. 季明举. 巴赫金极其理论的斯拉夫主义性质. 俄罗斯文艺. 2008. 第1期. 48-53页. (Цзи Минцзюй. М.М. Бахтин и русско-православный характер его идей // Русская литература и искусство. 2008. № 1. С. 48-53.)
142. 张欣. 巴赫金与俄罗斯宗教哲学. 文化与诗学. 2008. 第2期. 278-291页. (Чжан Синь. М.М. Бахтин и Русская религиозная философия // Культура и поэзия. 2008. № 2. С. 278-291.)
143. 张欣. 从对话看宗教因素对巴赫金小说理论的影响. 北京: 中国社会科学院研究生院, 2003. 共27页. Чжан Синь. Влияние русской философии на создание теории романа Бахтина [Текст]: магист. дисс. Пекин: АОНК, 2003. 27 с.)
144. 鲁迅. 鲁迅全集. 第一卷. 北京: 人民文学出版社. 1973. 共538页. (Лу Синь. Дневник сумасшедшего. Собрание сочинений: в 20 т. Пекин: Народное издательство. 1973. Т. 1. 538 с.)

145. 汪耀进. 复调与莎士比亚. 外国文学研究. 1985. 第3期. 44-53页. (Ван Яоцзинь. Полифонизм и Шекспир // Обзорение зарубежной литературы. 1985. № 9. С. 44-53.)
146. 刘雅悦. 契诃夫戏剧《海鸥》的复调特征分析. 安徽文学. 2018. 第3期. 60-64页. (Лю Яюэ. Анализ полифонии драматического произведения А.П. Чехова «Чайка» // Аньхойская литература. 2018. № 3. С. 60-64.)
147. 朱岩岩, 丰蕴. 众生喧哗中的多样人生: 巴赫金复调理论映照下的樱桃园. 北京交通大学学报. 2013. 第2期. 125-130页. (Чжу Яньян, Фэн Юнь. Многоголосие жизни: «Вишнёвый сад» в свете теории полифонии Бахтина // Вестник пекинского университета коммуникации. 2013. № 2. С. 125-130.)
148. 曹禺. 曹禺选集. 北京: 人民文学出版社. 2004. 共 598 页. (Цао Юй. Избранные произведения Цао Юя. Пекин: Народное издательство, 2004. 598 с.)
149. 黄学玲. 论曹禺早期剧作的“复调”. 武汉: 华中师范大学. 2001. 共 40 页. (Хуан Сюелин. Анализ полифонии ранних драматических произведений Цао Юя [Текст]: магист. дисс. Ухань: Педагогический университет центрального Китая, 2001. 40 с.)
150. 郭怀玉. 曹禺话剧的复调音乐性论略. 戏剧文学. 2009. 第9期. 66-68页. (Го Хуайюй. Полифонизм в драмах Цао Юя // Театральная литература. 2009. № 9. С. 66-68.)
151. 李文红. 高行健戏剧创作与复调理论. 短篇小说, 2013. 第7期. 117-118页. (Ли Вэньхун. Драматургия Гао Синцзяня и теория полифонии // Рассказы. 2013. № 7. С. 117-118.)
152. 李明, 林洁. 论电影的复调叙事结构. 北京电影学院学报. 2008. 第2期.

- 81-85 页. (Ли Мин, Линь Цзе. Анализ полифонической структуры в кино. Вестник пекинского киноведческого института. 2008. № 2. С. 81-85.)
153. 倪誉宸. 从巴赫金对话理论看电影的复调性. 北京: 中国传媒大学. 2019. 共 67 页. (Ни Юйчэнь. Анализ полифонии в искусстве кино в свете теории диалогизма Бахтина [Текст]: магист. дисс. Пекин: Китайский университет средств массовой информации. 2019. 67 с.)
154. 孙玉石. 纳博科夫诗学问题. 上海: 上海师范大学. 2010. 共 63 页. (Сунь Юньши. Проблемы поэтики Набокова [Текст]: магист. дисс. Шанхай: Шанхайский педагогический университет. 2010. 63 с.)
155. 张鹤. 试论《洛丽塔》的对话性因素. 外国文学. 2007. 第 6 期. 50-55 页. (Чжан Хэ. О диалогичности романа «Лолита» // Зарубежная литература. 2007. № 6. С. 50-55.)
156. 王志耕, 樊倩蓉. 索尔仁尼琴《癌病房》中的陀思妥耶夫斯基传统. 俄罗斯文艺. 2018. 第 3 期. 65-72 页. (Ван Чжигэн, Фань Цяньжун. Традиции Достоевского в романе Солженицына «Раковый корпус». Русское литературоведение. 2018. № 3. С. 65-72.)
157. 王志耕. 巴赫金与陀思妥耶夫斯基的共同意义. 文学与文化. 2020. 第 3 期. 34-41 页. (Ван Чжигэн. Общий смысл Достоевского и Бахтина // Литература и культура. 2020. № 3. С. 34-41.)
158. 王志耕. “聚合性”与陀思妥耶夫斯基的复调艺术. 外国文学评论. 2003. 第 1 期. 110-120 页. (Ван Чжигэн. Соборность и полифоническое искусство Достоевского // Обзорение зарубежной литературы. 2003. № 1. С. 110-120.)
159. 管月娥. 东正教的“聚合性”理念与复调小说和结构理论. 外国文学研究. 2018. 第 2 期. 55-63 页. (Гуань Юеэ. Православная концепция «соборности» с

- точки зрения полифонического романа и теории структурной поэтики // Исследование зарубежной литературы. 2018. № 2. С. 55-63.)
160. 萧净宇. 超越语言学. 上海: 上海人民出版社, 2007. 共 246 页. (Сяо Цзиньюй. Металингвистика М.М. Бахтина. Шанхай: Изд-во Жэньминь, 2007. 246 с.)
161. 曾军. 巴赫金接受与中国的陀思妥耶夫斯基研究. 人文杂志. 2003. 第 4 期. 103-110 页. (Цзэн Цзюнь. Восприятие Бахтина и китайское исследование Достоевского // Журнал Жэньвэнь. 2003. № 4. С. 103-110.)
162. 龚京云. 《第一圈》的复调叙事研究. 北京第二外国语学院. 2017. 共 55 页. (Гун Цзинюнь. Исследование повествовательной полифонии в романе «в круге первом» [Текст]: магист. дисс. Второй пекинский институт иностранных языков. 2017. 55 с.)
163. 凌建侯, 对话论和人文科学方法论 — 巴赫金哲学思想研究, 天津社会科学, 2001. 第 3 期. 33-37 页. (Лин Цзяньхоу. Теория диалога и методология гуманитарных наук. Исследование философской идеи Бахтина // Тяньцзиньские общественные науки. 2001. № 3. С. 33-37.)
164. 钱中文, 对话的文学理论 — 误差, 激活与创新, 中国社科院研究生院学报, 1993. 第 5 期. 4-10 页. (Цянь Чжунвэн. Литературная теория диалога. Погрешность, активация и инновация // Аспирантский вестник Академии общественных наук Китая. 1993. № 5. С. 4-10.)
165. 刘康. 一种转型期的文化理论 — 论巴赫金的对话理论在当代文论中的命运. 中国社会科学. 1994. 第 2 期. 161-176 页. (Лю Кан. Культурная теория в переходный период. О судьбе диалогизма Бахтина в современной теории литературы // Общественные науки Китая. 1994. № 2. С. 161-176.)

166. 李衍柱. 巴赫金对话理论的现代意义. 文史哲. 2001. 第2期. 51-56页.
(Ли Яньчжу. Современность теории диалога Бахтина // Литература. История. Философия. 2001. № 2. С. 51-56.)
167. 门薇薇. 巴赫金的对话理论对马丁·布伯《我与你》的继承与开拓. 南北桥. 2013. 第5期. 27-28页. (Мэнь Вэйвэй. Теория диалога Бахтина как наследование и развитие «Я и Ты» Мартина Бубера // Журнал Наньбэйцяо. 2013. № 5. С. 27-28.)
168. 程小平. 对话与存在 — 略论巴赫金诗学的存在主义特性. 《北京联合大学学报》. 2001. 第4期. 21-26页. (Чэн Сяопин. Диалогизм и экзистенциализм — анализ экзистенциалистских мотивов в поэтике Бахтина // Вестник пекинского объединенного университета. 2001. № 4. С. 21-26.)
169. 罗婷. 论克里斯蒂瓦与巴赫金的对话理论. 外语与外语教学. 2002. 第12期. 35-38页. (Ло Тин. Теории диалога Кристевой и Бахтина // Иностранные языки и их преподавание. 2002. № 12. С. 35-38.)
170. 秦海鹰. 人与文, 话语与文本 — 克里斯蒂瓦互文性理论与巴赫金对话理论的联系与区别. 欧美文论研究. 2004. 第1期. 1-30页. (Цинь Хайин. Человек и письмо, речь и текст. Связь и различие между теорией интертекстуальности Кристевой и теорией диалога Бахтина // Сборник по европейской и американской литературе. 2003. № 1. С. 1-30.)
171. 钱翰. 从对话性到互文性. 文化与诗学. 2008. 第1期. 275-287页. (Цянь Хань. От диалогичности до интертекстуальности // Культура и поэтика. 2008. № 1. С. 275-287.)
172. Svetlana Dubrovskaya. О специфике последней волны русской рецепции *Проблем творчества Достоевского* // *Bakhtiniana*. 2021. № 16 (2). С. 14-34.

Приложение

Переводы творчества М.М. Бахтина на китайском языке

1. 白春仁, 顾亚铃译. 陀思妥耶夫斯基诗学问题. 北京: 三联书店, 1988. 共 367 页. (Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / Пер. Бай Чунжэня, Гу Ялин. Пекин: Издательство Саньянь, 1988. 367 с.)
2. 钱中文主编. 巴赫金全集. 石家庄: 河北教育出版社, 1998. 共 3794 页. (Бахтин М.М. Полное собрание сочинений: в 7 томах / Под ред. Цянь Чжунвэня. Шицзячжуан: Хэбэйское образовательное издательство, 1998. 3794 с.)
3. 李辉凡, 张捷译. 文艺学中的形式主义方法. 桂林: 漓江出版社, 1989. 共 237 页. (Бахтин М.М. Формальный метод в литературоведении / Пер. Ли Хуэйфаня и Чжан Цзе. Гуйлинь: Издательство Лицзян, 1989. 237 с.)
4. 佟景韩编. 巴赫金文论选. 北京: 中国社会科学出版社, 1996. 共 538 页. (Бахтин М.М. Сборник избранных трудов Бахтина / Под ред. Тон Цзинханя. Пекин: Издательство общественных наук Китая, 1996. 538 с.)
5. 张杰编. 巴赫金集. 上海: 上海远东出版社, 1998. 共 354 页. (Собрание сочинений Бахтина / Под ред. Чжан Цзе. Шанхай: Шанхайское дальневосточное издательство, 1998. 354 с.)

Переводы биографии М.М. Бахтина на китайском языке

1. 孔金, 孔金娜. 巴赫金传. 张杰, 万海松译. 上海: 东方出版中心, 2000. 共 399 页. (С.С. Конкин, Л.С. Конкина. Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества) / Пер. Чжан Цзе и Ван Хайсуна. Шанхай: Восточный издательский центр, 2000. 399 с.)
2. 克拉克, 霍奎斯特. 米哈伊尔·巴赫金. 语冰译. 北京: 中国人民大学出版社, 1992. 共 420 页. (К. Кларк, М. Холквист. Михаил Бахтин / Пер. Юй Пина. Пекин: Издательство китайского народного университета, 1992. 420 с.)